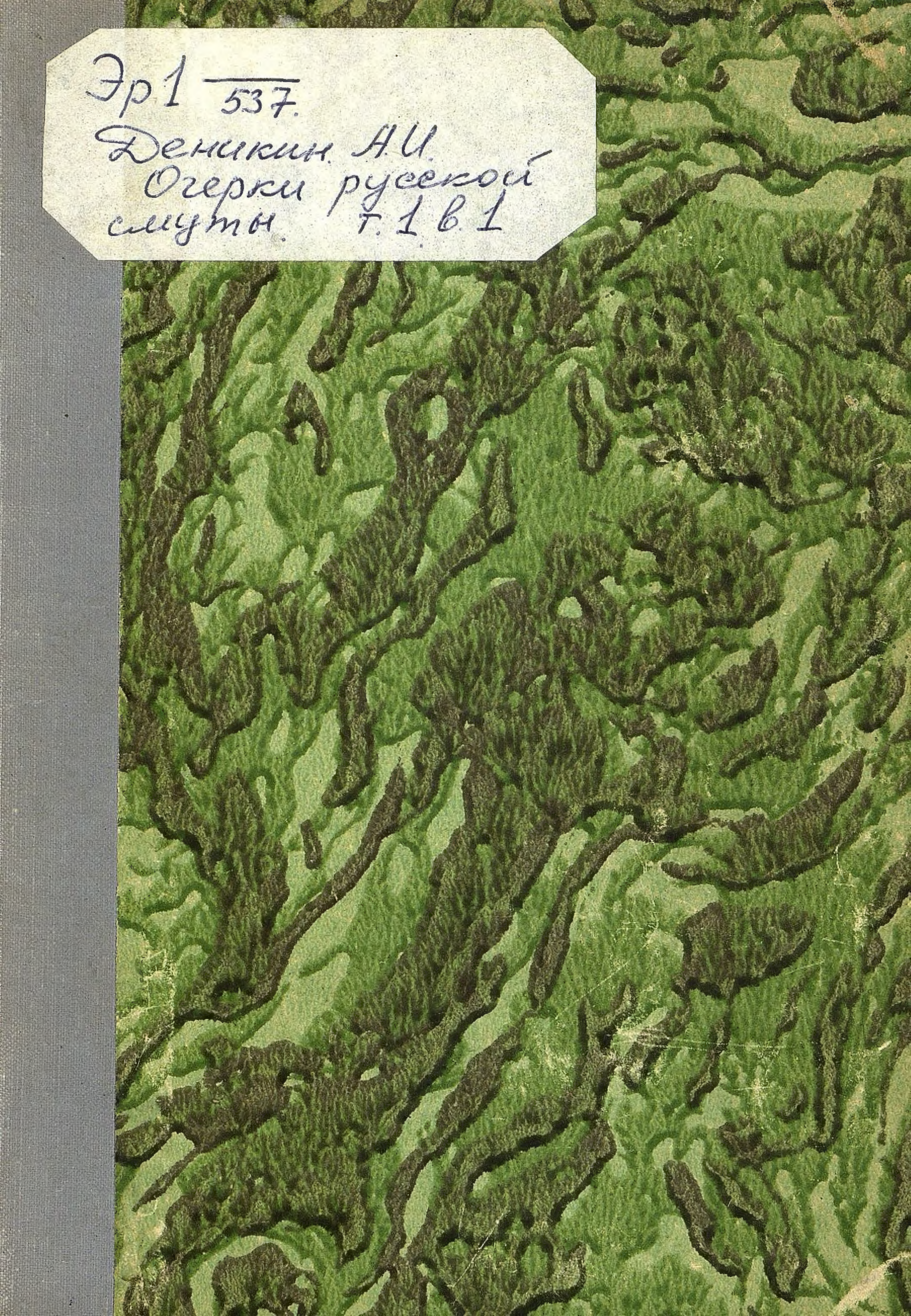

Эр1 537.
Деникин. А.И.
Очерки русской
смуты. т. 1 в. 1

Генералъ А. И. Деникинъ

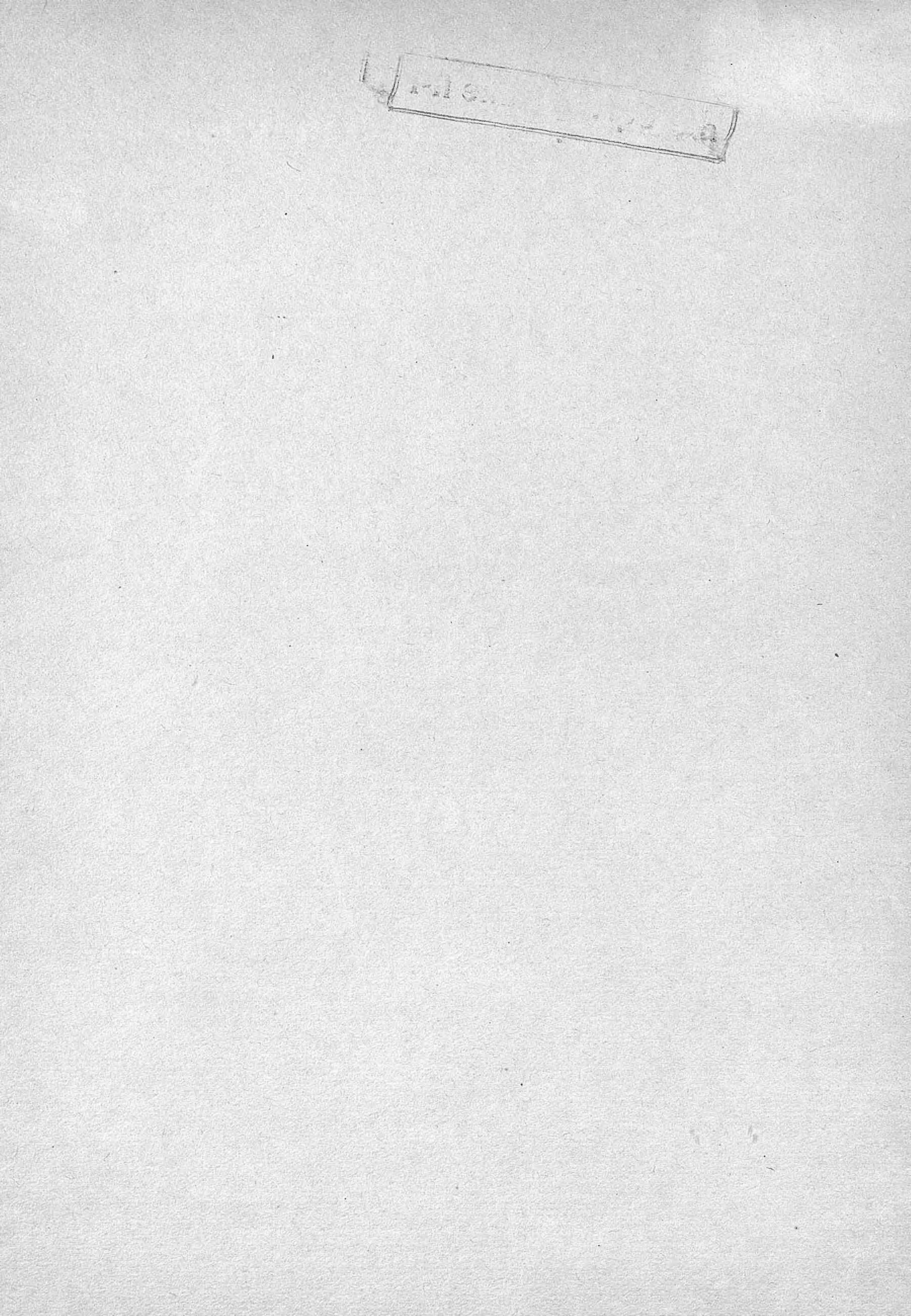
Очерки Русской Смуты

Томъ первый
Выпускъ первый

Крушеніе власти и арміи

Февраль-Сентябрь 1917

J. POVOLOZKY & Cie, ÉDITEURS
13, rue Bonaparte, Paris (VIe)

Очерки Русской Смуты

Генералъ А. И. Деникинъ

Очерки Русской Смуты

Томъ первый
Выпускъ первый

Крушеніе власти и арміи

Февраль-Сентябрь 1917

J. POVOLOZKY & Cie, ÉDITEURS
13, rue Bonaparte, Paris (VIe)

IMP. UNION, PARIS
46, Bd ST-JACQUES

Въ кровавомъ туманѣ русской смуты гибнутъ люди и стираются реальныя грани историческихъ событій.

Поэтому, не взирая на трудность и неполноту работы въ бѣженской обстановкѣ — безъ архивовъ, безъ матеріаловъ и безъ возможности обмѣна живымъ словомъ съ участниками событій, я рѣшилъ издать свои очерки.

Въ первой книгѣ говорится главнымъ образомъ о *русской арміи*, съ которой неразрывно связана моя жизнь. Вопросы политическіе, соціальные, экономическіе затронуты лишь въ той мѣрѣ, въ какой необходимо очертить ихъ вліяніе на ходъ борьбы.

Армія въ 1917 году сыграла рѣшающую роль въ судьбахъ Россіи. Ея участіе въ ходѣ революціи, ея жизнь, растлѣніе и гибель — должны послужить большимъ и предостерегающимъ урокомъ для новыхъ строителей русской жизни.

И не только въ борьбѣ съ нынѣшними поработителями страны. Послѣ сверженія большевизма, наряду съ огромной работой въ области возрожденія моральныхъ и матеріальныхъ силъ русскаго народа, передъ послѣднимъ съ небывалой еще въ отечественной исторіи остротой встанетъ вопросъ о сохраненіи его державнаго бытія.

Ибо за рубежами русской земли стучатъ уже заступами могильщики и скалятъ зубы шакалы, въ ожиданіи ея кончины.

Не дождутся. Изъ крови, грязи, нищеты духовной и физической встанетъ русскій народъ въ силѣ и въ разумѣ.

А. Деникинъ.

Брюссель.
1921 г.

ГЛАВА I.

Устои старой власти: вѣра, царь и отечество.

Неизбѣжный историческiй процессъ, завершившiйся февральской революцiей, привелъ къ крушенiю русской государственности. Но, если философы, историки, соцiологи, изучая теченiе русской жизни, могли предвидѣть грядующiя потрясенiя, никто не ожидалъ, что народная стихiя съ такой легкостью и быстротой смететъ всѣ тѣ устои, на которыхъ покоилась жизнь: верховную власть и правящiе классы — безъ всякой борьбы ушедшiе въ сторону; интеллигенцiю — одаренную, но слабую, безпочвенную, безвольную, вначалѣ среди безпощадной борьбы сопротивлявшуюся одними словами, потомъ покорно подставившую шею подъ ножъ побѣдителей; наконецъ — сильную, съ огромнымъ историческимъ прошлымъ, десяти миллiонную армiю, развалившуюся въ теченiе 3—4 мѣсяцевъ.

Послѣднее явленiе, впрочемъ, не было столь неожиданнымъ, имѣя страшнымъ и предостерегающимъ прообразомъ эпилогъ манчжурской войны и послѣдующiя событiя въ Москвѣ, Кронштадтѣ и Севастополѣ... Проживъ недѣли двѣ въ Харбинѣ въ концѣ ноября 1905 года и проѣхавъ по сибирскому пути въ теченiе 31 дня (декабрь 1907 года) черезъ цѣлый рядъ « республикъ » отъ Харбина до Петрограда, я составилъ себѣ ясное понятiе о томъ, что можно ожидать отъ разнузданной, лишенной сдерживающихъ началъ солдатской черни. И всѣ тогдашнiе митинги, резолюцiи, совѣты и, вообще, всѣ проявленiя военнаго бунта — съ большей силой, въ несравненно болѣе широкомъ масштабѣ, но съ фотографической точностью повторились въ 1917 году.

Слѣдуетъ отмѣтить, что возможность столь быстраго психологическаго перерожденiя отнюдь не была присуща одной русской армiи. Несомнѣнно, усталость отъ 3-лѣтней войны сыграла во всѣхъ этихъ явленiяхъ не послѣднюю роль, въ той или другой степени коснувшись всѣхъ армiй мiра и сдѣлавъ ихъ болѣе воспрiимчивыми къ разлагающимъ влiянiямъ крайнихъ соцiалистическихъ ученiй. Осенью 1918 года германскiе корпуса, оккупировавшiе Донъ и Малороссiю, разложились въ одну недѣлю, повторивъ до извѣстной степени пройденную нами исторiю митинговъ, совѣтовъ, комитетовъ, сверженiя

офицерскаго состава, а въ нѣкоторыхъ частяхъ — распродажи военнаго имущества, лошадей и оружія... Только тогда нѣмцы поняли трагедію русскаго офицерства. И нашимъ добровольцамъ приходилось видѣть не разъ униженіе и горькія слезы нѣмецкихъ офицеровъ — нѣкогда надменныхъ и безстрастныхъ.

— Вѣдь съ нами, съ русскими, это-же самое сдѣлали вы — собственными руками...

— Нѣтъ, не мы — наше правительство — отвѣчали они.

Зимою 1918 года я, какъ командующій Добровольческой арміей, получилъ предложеніе отъ группы германскихъ офицеровъ, желавшихъ поступить въ нашу армію рядовыми добровольцами...

Нельзя также объяснить развалъ психологіей неудачъ и пораженія. Броженіе арміи испытали и побѣдители: во французскихъ войскахъ, оккупировавшихъ въ началѣ 1918 года Румынію и Одесскій раіонъ, во французскомъ флотѣ, плававшемъ въ Черномъ морѣ, въ англійскихъ войскахъ, прибывшихъ въ раіонъ Константинополя и въ Закавказье, и даже въ могучемъ англійскомъ флотѣ въ дни его наивысшаго нравственнаго удовлетворенія побѣдой, въ дни плѣненія германскаго флота — было не совсѣмъ благополучно. Войска начали выходить изъ повиновенія начальникамъ, и только быстрая демобилизація и пополненіе свѣжими, отчасти добровольческими элементами, измѣнили положеніе.

Каково было состояніе русской арміи къ началу революціи?

Испоконъ вѣка вся военная идеологія наша заключалась въ извѣстной формулѣ:

— *За вѣру, царя и отечество.*

На ней выросли, воспитались и воспитывали другихъ десятки поколѣній. Но въ народную массу, въ солдатскую толщу эти понятія достаточно глубоко не проникали.

Религіозность русскаго народа, установившаяся за нимъ вѣками, къ началу 20 столѣтія нѣсколько пошатнулась. Какъ народъ-богоносецъ, народъ вселенскаго душевнаго склада, великій въ своей простотѣ, правдѣ, смиреніи, всепрощеніи — народъ поистинѣ *христіанскій* терялъ постепенно свой обликъ, подпадая подъ власть утробныхъ, матеріальныхъ интересовъ, въ которыхъ самъ ли научался, его ли научали видѣть единственную цѣль и смыслъ жизни... Какъ постепенно терялась связь между народомъ и его духовными руководителями, въ свою очередь оторвавшимися отъ него и поступившими на службу къ правительственной власти, раздѣляя отчасти ея недуги... Весь этотъ процессъ духовнаго перерожденія русскаго народа слишкомъ глубокъ и значителенъ, чтобы его можно было охватить въ рамкахъ этихъ очерковъ. Я исхожу лишь изъ того несомнѣннаго факта, что поступавшая въ военные ряды моло-

Старое знамя.

Новое знамя.

Стр. 8.

Раздача наградъ вел. кн. Николаемъ Михайловичемъ.

Стр. 16.

дежь къ вопросамъ вѣры и церкви относилась довольно равнодушно. Казарма-же, отрывая людей отъ привычныхъ условій быта, отъ болѣе уравновѣшенной и устойчивой среды съ ея вѣрою и суевѣріями, не давала взамѣнъ духовно-нравственнаго воспитанія. Въ ней этотъ вопросъ занималъ совершенно второстепенное мѣсто, заслоняясь всецѣло заботами и требованіями чисто матеріальнаго, прикладного порядка. Казарменный режимъ, гдѣ все — и христіанская мораль, и религіозныя бесѣды, и исполненіе обрядовъ — имѣло характеръ офиціальный, обязательный, часто принудительный, не могъ создать надлежащаго настроенія. Командовавшіе частями знаютъ, какъ трудно бывало разрѣшеніе вопроса даже объ исправномъ посѣщеніи церкви.

Война ввела въ духовную жизнь воиновъ два новыхъ элемента: съ одной стороны моральное огрубѣніе и ожесточеніе, съ другой — какъ будто нѣсколько углубленное чувство вѣры, навѣянное постоянной смертельной опасностью. Оба эти антипода какъ то уживались другъ съ другомъ, ибо оба исходили изъ чисто матеріальныхъ предпосылокъ.

Я не хочу обвинять огульно православное военное духовенство. Много представителей его проявили подвиги высокой доблести, мужества и самоотверженія. Но надо признать, что духовенству не удалось вызвать религіознаго подъема среди войскъ. Въ этомъ, конечно, оно нисколько не виновато, ибо въ міровой войнѣ, въ которую была вовлечена Россія, играли роль чрезвычайно сложныя политическія и экономическія причины, и не было вовсе мѣста для религіознаго экстаза. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, духовенству не удалось создать и болѣе прочную связь съ войсками. Если офицерскій корпусъ все же долгое время боролся за свою командную власть и военный авторитетъ, то голосъ пастырей съ первыхъ же дней революціи замолкъ, и всякое участіе ихъ въ жизни войскъ прекратилось [1]).

Мнѣ невольно приходитъ на память одинъ эпизодъ, весьма характерный для тогдашняго настроенія военной среды. Одинъ изъ полковъ 4-ой стрѣлковой дивизіи искусно, любовно, съ большимъ стараніемъ построилъ возлѣ позицій походную церковь. Первыя недѣли революціи... Демагогъ поручикъ рѣшилъ, что его рота размѣщена скверно, а храмъ — это предразсудокъ. Поставилъ самовольно въ немъ роту, а въ алтарѣ вырылъ ровикъ для...

Я не удивляюсь, что въ полку нашелся негодяй-офицеръ, что начальство было терроризовано и молчало. Но почему 2—3 тысячи русскихъ православныхъ людей, воспитанныхъ

---

[1]) Съѣзды духовенства въ Ставкѣ и въ штабахъ армій не имѣли никакого реальнаго значенія.

въ мистическихъ формахъ культа, равнодушно отнеслись къ такому оскверненію и поруганію святыни?

Какъ бы то ни было, въ числѣ моральныхъ элементовъ, поддерживающихъ духъ русскихъ войскъ, вѣра не стала началомъ, побуждающимъ ихъ на подвигъ или сдерживающимъ отъ развитія впослѣдствіи звѣриныхъ инстинктовъ.

Въ обще-россійскомъ масштабѣ православное духовенство также осталось за бортомъ разбушевавшейся жизни, раздѣливъ участь съ тѣми соціальными классами, къ которымъ примыкало: высшее — причастное, къ сожалѣнію, нѣкоторыми именами (митрополиты Питиримъ и Макарій, архіепископъ Варнава и др.) къ распутинскому періоду петроградской исторіи — съ правившей бюрократіей; нисшее — со средней русской интеллигенціей.

Для успокоенія религіозной совѣсти русскаго народа Святѣйшій Синодъ впослѣдствіи посланіемъ отъ 9 марта санкціонировалъ совершившійся переворотъ и призвалъ « довѣриться Временному правительству... чтобы трудами и подвигами, молитвою и повиновеніемъ облегчить ему великое дѣло водворенія новыхъ началъ государственной жизни »... Но когда жизнь эта стала принимать до нельзя уродливыя, аморальныя формы, духовенство оказалось совершенно безсильнымъ для борьбы: русская революція въ первой стадіи своей не создала ни одного сколько-нибудь замѣтнаго народно-религіознаго движенія, хотя бы въ такомъ масштабѣ, какъ нѣкогда у лжеучителей Илліодора и Иннокентія, не выдвинула ни одного яркаго имени поборника поруганной правды и христіанской морали. Я не берусь судить о дѣйственномъ началѣ въ русской православной церкви послѣ плѣненія ея большевиками. Жизнь церкви въ совѣтской Россіи покрыта пока непроницаемой для насъ завѣсой. Но процессъ духовнаго возрожденія ширится несомнѣнно, а мученическій подвигъ сотенъ, тысячъ служителей церкви повидимому бороздитъ уснувшую народную совѣсть и входитъ въ сознаніе народное творимой легендой.

* * *

Царь?

Едва ли нужно доказывать, что громадное большинство командного состава было совершенно лояльно по отношенію къ идеѣ монархизма, и къ личности государя. Позднѣйшія эволюціи старшихъ военоначальниковъ-монархистовъ вызывались чаще карьерными соображеніями, малодушіемъ или желаніемъ, надѣвъ « личину », удержаться у власти для проведенія своихъ плановъ. Рѣже — крушеніемъ идеаловъ, перемѣной міровоззрѣнія или мотивами государственной цѣлесообразности. Наивно было, напримѣръ, вѣрить заявленіямъ генерала Бруси-

лова, что онъ съ молодыхъ лѣтъ « соціалистъ и республиканецъ». Онъ — воспитанный въ традиціяхъ старой гвардіи, близкій къ придворнымъ кругамъ, проникнутый насквозь ихъ міровоззрѣніемъ, « баринъ » — по привычкамъ, вкусамъ, симпатіямъ и окруженію. Нельзя всю долгую жизнь такъ лгать себѣ и другимъ.

Русское кадровое офицерство въ большинствѣ раздѣляло монархическія убѣжденія и въ массѣ своей было во всякомъ случаѣ лояльно.

Не смотря на это, послѣ японской войны, какъ слѣдствіе первой революціи, офицерскій корпусъ почему то былъ взятъ подъ особый надзоръ департамента полиціи, и командирамъ полковъ періодически присылались черные списки, весь трагизмъ которыхъ заключался въ томъ, что оспаривать « неблагонадежность » было почти безполезно, а производить свое, хотя бы негласное, разслѣдованіе не разрѣшалось. Мнѣ лично пришлось вести длительную борьбу съ кіевскимъ штабомъ по поводу маленькихъ назначеній (командира роты и начальника пулеметной команды) двухъ офицеровъ 17-го Архангелогородскаго полка,которымъ я командовалъ до послѣдней войны. Явная несправедливость ихъ обхода легла-бы тяжелымъ бременемъ на совѣсть и авторитетъ командира полка, а объяснить ее не представлялось возможнымъ. Съ большимъ трудомъ удалось отстоять этихъ офицеровъ, и впослѣдствіи оба они пали славною смертью въ бою. Эта система сыска создавала нездоровую атмосферу въ арміи.

Не ограничиваясь этимъ, Сухомлиновъ создалъ еще свою сѣть шпіонажа (контръ-развѣдки), возглавлявшуюся неофиціально казненымъ впослѣдствіи за шпіонажъ въ пользу Германіи полковникомъ Мясоѣдовымъ. Въ каждомъ штабѣ округа учрежденъ былъ органъ, во главѣ котораго стоялъ переодѣтый въ штабную форму жандармскій офицеръ. Кругъ дѣятельности его офиціально опредѣлялся борьбою съ иностраннымъ шпіонажемъ — цѣль весьма полезная; неофиціально — это было типичное воспроизведеніе аракчеевскихъ « профостовъ ». Покойный Духонинъ до войны, будучи еще начальникомъ развѣдывательнаго отдѣленія кіевскаго штаба, горько жаловался мнѣ на тяжелую атмосферу, внесенную въ штабную службу новымъ органомъ, который, офиціально подчиняясь генералъ-квартирмейстеру, фактически держалъ подъ подозрѣніемъ и слѣдилъ не только за штабомъ, но и за своими начальниками.

Дѣйствительно, жизнь какъ будто толкала офицерство на протестъ въ той или другой формѣ противъ «существующаго строя». Среди служилыхъ людей съ давнихъ поръ не было элемента настолько обездоленнаго, настолько необезпеченнаго и безправнаго, какъ рядовое русское офицерство. Буквально ни-

щенская жизнь, попраніе сверху правъ и самолюбія; вѣнецъ карьеры для большинства — подполковничій чинъ и болѣзненная, полуголодная старость. Офицерскій корпусъ съ половины 19 вѣка совершенно утратилъ свой сословно-кастовый характеръ. Со времени введенія обще-обязательной воинской повинности и обнищанія дворянства, военныя училища широко распахнули свои двери для « разночинцевъ » и юношей, вышедшихъ изъ народа, окончившихъ гражданскія учебныя заведенія. Такихъ въ арміи было большинство. Мобилизаціи въ свою очередь влили въ офицерскій составъ большое число лицъ свободныхъ профессій, принесшихъ съ собою новое міросозерцаніе. Наконецъ, громадная убыль кадроваго офицерства заставила командованіе поступиться нѣсколько требованіями военнаго воспитанія и образованія, введя широкое производство въ офицеры солдатъ, какъ за боевыя отличія такъ и путемъ проведенія ихъ черезъ школы прапорщиковъ съ низкимъ образовательнымъ цензомъ.

Послѣднія два обстоятельства, неизбѣжно присущія народнымъ арміямъ, вызвали два явленія: понизили несомнѣнно боевую цѣнность офицерскаго корпуса и внесли нѣкоторую дифференціацію въ его политическій обликъ, приблизивъ еще болѣе къ средней массѣ русской интеллигенціи и *демократіи*. Этого не поняли или вѣрнѣе не хотѣли понять вожди *революціонной демократіи* въ дни революціи.

Вездѣ въ дальнѣйшемъ изложеніи я противополагаю « революціонную демократію » — конгломератъ соціалистическихъ партій — истинной русской демократіи, къ составу которой безъ сомнѣнія принадлежитъ средняя интеллигенція и служилый элементъ.

Но и кадровое офицерство постепенно измѣняло свой обликъ. Японская война, вскрывшая глубокія болѣзни, которыми страдала страна и армія, Государственная Дума и нѣсколько болѣе свободная послѣ 1905 года печать сыграли особенно серьезную роль въ политическомъ воспитаніи офицерства. Мистическое « обожаніе » монарха начало постепенно меркнуть. Среди младшаго генералитета и офицерства появлялось все больше людей, умѣвшихъ различать идею монархизма отъ личностей, счастье родины — отъ формы правленія. Среди широкихъ круговъ офицерства явился анализъ, критика, иногда суровое осужденіе. Появились слухи — и не совсѣмъ безосновательные — о тайныхъ офицерскихъ организаціяхъ. Правда, подобныя организаціи, какъ чуждыя всей структурѣ арміи, не имѣли и не могли пріобрѣсть ни особаго вліянія, ни значенія. Однако, онѣ сильно безпокоили военное министерство, и Сухомлиновъ, въ 1908 или въ 1909 году, секретно сообщалъ начальникамъ о необходимости принятія мѣръ противъ тайнаго общества, образовавшагося изъ офицеровъ, недовольныхъ

медленнымъ и безсистемнымъ ходомъ реорганизаціи арміи и желавшихъ, якобы, насильственными мѣрами ускорить ее...

Настроенія въ офицерскомъ корпусѣ, вызванныя многообразными причинами, не прошли мимо сознанія высшей военной власти. Въ 1907 году вопросы объ улучшеніи боевой подготовки арміи и удовлетвореніи насущныхъ ея потребностей, въ томъ числѣ и офицерскій вопросъ, обсуждались въ « Особой подготовительной комиссіи при Совѣтѣ государственной обороны », въ которую входили, между прочимъ, такіе крупные генералы старой школы, какъ Н. І. Ивановъ, Эвертъ, Мышлаевскій, Газенкампфъ и др... Интересно ихъ отношеніе къ данному вопросу [1]).

Генералъ Ивановъ говорилъ : « Упрекнуть нашихъ офицеровъ въ готовности умереть нельзя, но подготовка ихъ въ общемъ слаба и въ большинствѣ они недостаточно развиты; кромѣ того, наличный офицерскій составъ такъ малъ, что наблюдается, какъ обычное явленіе, что на лицо въ ротѣ всего одинъ ротный командиръ. Старшіе начальники мало руководятъ дѣломъ обученія; ихъ роль сводится по преимуществу къ контролю и критикѣ. За послѣднее время приходится констатировать почти повальное бѣгство офицеровъ изъ строя, причемъ уходятъ, главнымъ образомъ, лучшіе и наиболѣе развитые офицеры »...

О повальномъ бѣгствѣ изъ строя « всего наиболѣе энергичнаго и способнаго » говорилъ и генералъ Эвертъ. А генералъ Мышлаевскій добавилъ : « съ полнымъ основаніемъ можно сказать, что наши военныя училища пополняютъ не столько войска, сколько пограничную стражу, главныя управленія и даже въ значительной мѣрѣ гражданскія учрежденія ». Мышлаевскій, въ качествѣ начальника Главнаго штаба, имѣвшаго постоянное соприкосновеніе съ бытомъ войскъ, указывалъ на новыя явленія : на « недоумѣніе и безпокойство въ верхнихъ и среднихъ слояхъ офицерскаго состава », вызванное по его мнѣнію непопулярностью вновь введеннаго аттестаціоннаго порядка, принудительнымъ увольненіемъ по предѣльному возрасту и « неопредѣленностью новыхъ требованій »; на пропаганду среди « самаго молодого офицерскаго состава », которая уже « достигла нѣкоторыхъ успѣховъ ».

Всѣ они — Ивановъ, Эвертъ, Мышлаевскій и другіе — видѣли главную, нѣкоторые исключительную причину ослабленія офицерскаго корпуса въ вопіющей матеріальной необезпеченности его, а въ устраненіи этого положенія — надежнѣйшее средство разрѣшенія офицерскаго вопроса. Не отрицая большого значенія этого матеріальнаго фактора, нельзя, однако, ограничиться такимъ элементарнымъ объясненіемъ перелома въ

---

[1]) Изъ секретнаго журнала засѣданій.

жизни офицерской среды; въ его возникновенiи играли роль и другiя причины, болѣе глубокiя: и съуженные тяжелыми внѣшними условiями духовные запросы и интересы военной среды, и тѣ обстоятельства, которыя вѣроятно впервые въ такомъ высокомъ собранiи умудренныхъ жизнью и опытомъ военныхъ сановниковъ изложилъ молодой подполковникъ генеральнаго штаба, князь Волконскiй : « Что важно и что не важно, опредѣляютъ теперь прежде всего соображенiя политическiя... Дѣйствительно неотложны теперь лишь мѣры, могущiя оградить армiю отъ революцiонированiя... Возможенъ ли бунтъ въ армiи? Пропаганда не прекратилась, а стала умнѣе. Здѣсь говорили — «офицеры преданы царю ». Морскiе офицеры были не менѣе преданы. Говорятъ : « морскiе бунты совпали съ разгаромъ революцiи ». Но революцiя можетъ вновь разгорѣться; аграрный вопросъ можетъ поставить армiю передъ такимъ искушенiемъ, котораго не было во флотѣ. Офицерство волнуется. Кромѣ волненiй, оставляющихъ слѣдъ въ официальныхъ документахъ, есть теченiя другого рода : офицеры, преданные присягѣ, смущены происходящимъ въ армiи; иные подозрѣваютъ верхи армiи въ тайномъ желанiи ее дезорганизировать. Такое недовѣрiе къ власти — тоже матерiалъ для революцiоннаго броженiя, но уже справа. Вообще, непрерывное напряженiе, травля газетъ, отвѣтственность за каждую похищенную революцiонерами винтовку, недохватъ офицеровъ и бѣдность истрепали нервы, т. е. создали ту почву, на которой вспыхиваетъ революцiонное броженiе, нерѣдко даже наперекоръ убѣжденiямъ »...

При этихъ условiяхъ можно только удивляться, насколько все-таки сохранилось наше офицерство и насколько твердо противостояло оно лѣвымъ противогосударственнымъ теченiямъ. Процентъ дѣятелей, ушедшихъ въ подполье или изобличенныхъ властью, былъ ничтоженъ.

Что касается отношенiя къ трону, то, какъ явленiе общее, въ офицерскомъ корпусѣ было стремленiе выдѣлить особу государя отъ той придворной грязи, которая его окружала, отъ политическихъ ошибокъ и преступленiй царскаго правительства, которое явно и неуклонно вело къ разрушенiю страну и къ пораженiю армiю. Государю прощали, его старались оправдать. Какъ увидимъ ниже, къ 1917 году и это отношенiе въ извѣстной части офицерства поколебалось, вызвавъ то явленiе, которое князь Волконскiй называлъ « революцiей справа », но уже на почвѣ чисто политической.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ общихъ условiй офицерской жизни стояли офицеры гвардiи. Съ давнихъ поръ существовала рознь между армейскимъ и гвардейскимъ офицерствомъ, вызванная цѣлымъ рядомъ привилегiй послѣднихъ по службѣ — привилегiй, тормозившихъ сильно и безъ того не легкое слу-

жебное движенiе армейскаго офицерства [1]). Явная несправедливость такого положенiя, обоснованнаго на исторической традицiи, а не на личныхъ достоинствахъ, была больнымъ мѣстомъ армейской жизни и вызывала не разъ и въ военной печати страстную полемику. Я лично неоднократно подымалъ этотъ вопросъ въ печати. Одинъ изъ военныхъ писателей, полковникъ Залѣсскiй (нынѣ генералъ) — тотъ даже лекцiю о примѣненiи въ бою техническихъ средствъ связи заканчивалъ катоновской формулой :

— Кромѣ того полагаю, что необходимо упразднить привилегiи гвардiи.

Замѣтьте — только привилегiи. Такъ какъ никто не посягалъ на существованiе старыхъ испытанныхъ частей, многiя изъ которыхъ имѣли выдающуюся боевую исторiю.

Замкнутый въ кастовыхъ рамкахъ и устарѣвшихъ традицiяхъ корпусъ офицеровъ гвардiи комплектовался исключительно лицами дворянскаго сословiя, а часть гвардейской кавалерiи и плутократiей. Эта замкнутость поставила войска гвардiи въ очень тяжелое положенiе во время мiровой войны, которая опустошила ея ряды. Страшный некомплектъ въ офицерскомъ составѣ гвардейской пѣхоты вызвалъ такое, напримѣръ, уродливое явленiе : ряды ея временно пополняли офицерами-добровольцами гвардейской кавалерiи, но не допускали армейскихъ пѣхотныхъ офицеровъ. Помню, когда въ сентябрѣ 1916 года, послѣ жестокихъ боевъ на фронтѣ Особой и 8 армiй, генералъ Калединъ настоялъ на укомплектованiи гвардейскихъ полковъ нѣсколькими выпусками юнкерскихъ училищъ, — офицеры эти, неся наравнѣ съ гвардейцами тяжелую боевую службу, явились въ полкахъ совершенно чужероднымъ элементомъ и не были допущены по настоящему въ полковую среду.

Нѣтъ сомнѣнiя, что гвардейскiе офицеры, за рѣдкими исключенiями, были монархистами par excellence и пронесли свою идею нерушимо черезъ всѣ перевороты, испытанiя, эволюцiи, борьбу, паденiе, большевизмъ и добровольчество. Иногда скрытно, иногда явно. Я не желаю ни возносить, ни хулить. Они — только члены своей касты, своего класса и раздѣляютъ съ нимъ его пороки и достоинства. И если въ минувшую войну въ гвардейскихъ корпусахъ было больше крови, чѣмъ успѣха, то виною этому отнюдь не офицерство, а крайне неудачныя назначенiя старшихъ начальниковъ, проведенныя въ порядкѣ придворнаго фаворитизма. Особенно ярко это сказалось на Стоходѣ. Офицерство же дралось и гибло съ высокимъ муже-

[1]) Быстрое чинопроизводство, переводъ въ армiю высшимъ чиномъ, несоразмѣрный процентъ назначенiй гвардейцевъ командирами армейскихъ полковъ и т. д.

ствомъ. Но на ряду съ доблестью иногда рыцарствомъ, въ большинствѣ своемъ въ военной и гражданской жизни оно сохраняло кастовую нетерпимость, архаическую классовую отчужденность и глубокій консерватизмъ — иногда съ признаками государственности, чаще же съ сильнымъ уклономъ въ сторону реакціи.

Въ солдатской толщѣ, вопреки сложившемуся убѣжденію, идея монархизма глубокихъ мистическихъ корней не имѣла. Еще менѣе, конечно, эта мало-культурная масса отдавала себѣ тогда отчетъ въ другихъ формахъ правленія, проповѣдуемыхъ соціалистами разныхъ оттѣнковъ. Извѣстный консерватизмъ, привычка « испоконъ вѣка », внушеніе церкви — все это создавало опредѣленное отношеніе къ существующему строю, какъ къ чему-то вполнѣ естественному и неизбѣжному.

Въ умѣ и сердцѣ солдата идея монарха, если можно такъ выразиться, находилась въ потенціальномъ состояніи, то подымаясь иногда до высокой экзальтаціи при непосредственномъ общеніи съ царемъ (смотры, объѣзды, случайныя обращенія), то падая до безразличія.

Какъ бы то ни было, настроеніе арміи являлось достаточно благопріятнымъ и для идеи монархіи и для династіи. Его легко было поддержать.

Но въ Петроградѣ, въ Царскомъ Селѣ ткалась липкая паутина грязи, распутства, преступленій. Правда, переплетенная съ вымысломъ, проникала въ самые отдаленные уголки страны и арміи, вызывая гдѣ боль, гдѣ злорадство. Члены Романовской династіи не оберегли « идею », которую ортодоксальные монархисты хотѣли окружить ореоломъ величія, благородства и поклоненія.

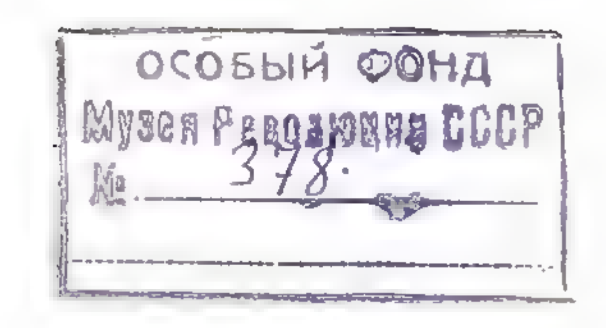
Война не измѣнила обстановки. Созданіе ненужныхъ, дорого стоившихъ должностей для лицъ императорской фамиліи (Верховный санитарный инспекторъ, инспекторъ войскъ гвардіи, походный атаманъ казачьихъ войскъ и т. д.), назначеніе ихъ на строевыя должности, на которыхъ безъ надлежащей подготовки они или приносили вредъ, или служили игрушкой въ рукахъ штабовъ — все это было хорошо извѣстно арміи, комментировалось, осуждалось.

Маленькая деталь: войска чрезвычайно чутко относятся ко всякому проявленію вниманія къ нимъ, къ признанію ихъ заслугъ. Ко мнѣ въ дивизію и въ корпусъ четыре раза пріѣзжали великіе князья награждать отъ имени государя георгіевскими крестами. Эти пріѣзды всегда вызывали подъемъ настроенія и кончались полнымъ разочарованіемъ. Послѣ славнаго и тяжкаго боя такъ много у всѣхъ накопилось переживаній, такъ хотѣлось подѣлиться своими горестями и радостями, хотѣлось по крайней мѣрѣ, чтобы тотъ, кто пріѣхалъ награждать, немножко поинтересовался жизнью, бытомъ, подвигами ихъ... Въ отвѣтъ

У Распутина.

Стр. 17.

— полное обидное безразличіе : пріѣхалъ, роздалъ и уѣхалъ, какъ будто исполняя скучную формальность...

Помню впечатлѣніе одного думскаго засѣданія, на которое я попалъ случайно.

Первый разъ съ думской трибуны раздалось предостерегающее слово Гучкова о Распутинѣ :

— Въ странѣ нашей не благополучно...

Думскій залъ, до тѣхъ поръ шумный, затихъ, и каждое слово, тихо сказанное, отчетливо было слышно въ отдаленныхъ углахъ. Нависало что то темное, катастрофическое надъ мѣрнымъ ходомъ русской исторіи...

Я не стану копаться въ той грязи, которая покрыла и министерскія палаты и интимные царскіе покои, куда имѣлъ доступъ грязный, циничный « возжигатель лампадъ », который « доспѣвалъ » министровъ, правителей и владыкъ.

Разсказывали, что попытки Распутина попасть въ Ставку вызвали угрозу Николая Николаевича повѣсить его. Такъ-же рѣзко отрицательно относился къ нему Алексѣевъ. Этимъ двумъ лицамъ мы обязаны всецѣло тѣмъ обстоятельствомъ, что гибельное вліяніе Распутина не коснулось старой арміи.

Всевозможные варіанты по поводу распутинскаго вліянія проникали на фронтъ, и цензура собирала на эту тему громадный матеріалъ даже въ солдатскихъ письмахъ изъ дѣйствующей арміи.

Но наиболѣе потрясающее впечатлѣніе произвело роковое слово :

— Измѣна.

Оно относилось къ императрицѣ.

Въ арміи громко, не стѣсняясь ни мѣстомъ ни временемъ, шли разговоры о настойчивомъ требованіи императрицей сепаратнаго мира, о предательствѣ ея въ отношеніи фельдмаршала Китченера, о поѣздкѣ котораго она, якобы, сообщила нѣмцамъ, и т. д.

Переживая памятью минувшее, учитывая то впечатлѣніе, которое произвелъ въ арміи *слухъ* объ измѣнѣ императрицы, я считаю, что это обстоятельство сыграло огромную роль въ настроеніи арміи, въ отношеніи ея и къ династіи, и къ революціи.

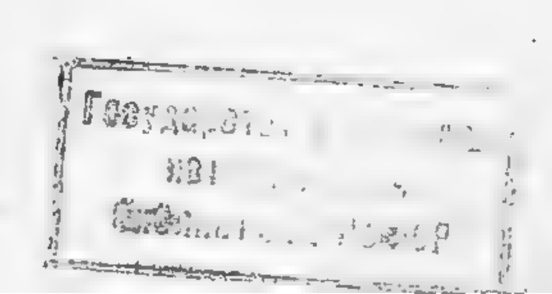
Генералъ Алексѣевъ, которому я задалъ этотъ мучительный вопросъ весною 1917 года, отвѣтилъ мнѣ какъ то неопредѣленно и нехотя :

— При разборѣ бумагъ императрицы нашли у нея карту съ подробнымъ обозначеніемъ войскъ всего фронта, которая изготовлялась только въ двухъ экземплярахъ — для меня и для государя. Это произвело на меня удручающее впечатлѣніе. Мало ли кто могъ воспользоваться ею...

Больше ни слова. Перемѣнилъ разговоръ...

Исторія выяснитъ несомнѣнно то исключительно отрица-

2

тельное вліяніе, которое оказывала императрица Александра Федоровна на управленіе русскимъ государствомъ въ періодъ предшествовавшій революціи. Что же касается вопроса объ « измѣнѣ », то этотъ злосчастный слухъ не былъ подтвержденъ ни однимъ фактомъ и впослѣдствіи былъ опровергнутъ разслѣдованіемъ спеціально назначенной Временнымъ правительствомъ комиссіи Муравьева, съ участіемъ представителей отъ Совѣта р. и с. депутатовъ.

* * *

Наконецъ, третій устой — *Отечество*. Увы, затуманенные громомъ и трескомъ привычныхъ патріотическихъ фразъ, расточаемыхъ безъ конца по всему лицу земли русской, мы проглядѣли внутренній органическій недостатокъ русскаго народа : недостатокъ патріотизма.

Теперь не зачѣмъ уже ломиться въ открытую дверь, доказывая это положеніе. Послѣ Брестъ-Литовскаго договора, не вызвавшаго сокрушительнаго народнаго гнѣва; послѣ инертнаго отношенія русскаго общества къ отторженію окраинъ, даже русскихъ по духу или крови, мало того — оправданія его; послѣ польско-петлюровскаго договора и польско-совѣтскаго мира; послѣ распродажи русскихъ территоріальныхъ и матеріальныхъ цѣнностей международнымъ политическимъ ростовщикамъ...

Нѣтъ сомнѣнія, что явленіе распада русской государственности, извѣстное подъ именемъ « самостійности », во многихъ случаяхъ имѣло цѣлью только отгородиться временно отъ того бедлама, который представляетъ изъ себя « Совѣтская республика ». Но жизнь, къ сожалѣнію, не останавливается на практическомъ осуществленіи такого въ своемъ родѣ санитарнаго кордона, а поражаетъ самую идею государственности. Даже въ земляхъ крѣпкихъ, какъ, напримѣръ, казачьи области. Правда — не въ толщѣ, а въ верхахъ. Такъ въ Екатеринодарѣ въ 1920 г. на Верховномъ кругѣ трехъ казачьихъ войскъ, послѣ горячаго спора, изъ предложенной формулы присяги было изъято упоминаніе о Россіи...

Или распятую Россію любить не стоитъ?

Какую же роль въ сознаніи старой арміи игралъ стимулъ « отечества »? Если верхи русской интеллигенціи отдавали себѣ ясный отчетъ о *причинахъ* разгоравшагося міровоrо пожара — борьбы государствъ за гегемонію политическую и главнымъ образомъ экономическую, за свободные пути, проходы, за рынки и колоніи, борьбы, въ которой Россіи принадлежала роль лишь самозащиты, то средняя русская интеллигенція, въ томъ числѣ и офицерство, удовлетворялись зачастую только *поводами* — болѣе яркими, доступными и понятными. Войны не-

хотѣли, за исключеніемъ развѣ пылкой военной молодежи, жаждавшей подвига; вѣрили, что власть приметъ всѣ возможныя мѣры къ предотвращенію столкновенія; мало по малу, однако, приходили къ сознанію роковой неизбѣжности его; *поводы* были чужды какой-либо агресивности или заинтересованности съ нашей стороны, вызывали искреннее сочувствіе къ слабымъ, угнетаемымъ, находились въ полномъ соотвѣтствіи съ традиціонной ролью Россіи. Наконецъ, не мы, а на насъ подняли мечъ... И потому, когда началась война, стихъ голосъ и тѣхъ, въ которыхъ таился страхъ, что уровень культуры и экономическаго состоянія нашей страны не дастъ ей побѣды въ борьбѣ съ сильнымъ и культурнымъ противникомъ. Войну приняли съ большимъ подъемомъ, мѣстами съ энтузіазмомъ.

Офицерскій корпусъ, какъ и большинство средней интеллигенціи, не слишкомъ интересовался сакраментальнымъ вопросомъ о « цѣляхъ войны ». Война началась. Пораженіе принесло бы непомѣрныя бѣдствія нашему отечеству во всѣхъ областяхъ его жизни. Пораженіе повело бы къ территоріальнымъ потерямъ, политическому упадку и экономическому рабству страны. Необходима побѣда. Всѣ прочіе вопросы уходили на заднiй планъ, могли быть спорными, перерѣшаться и видоизмѣняться. Это упрощенное, но полное глубокаго жизненнаго смысла и національнаго самосознанія отношеніе къ войнѣ не было понято лѣвымъ крыломъ русской общественности и привело ее въ Циммервальдъ и Кienталь. Не удивительно поэтому, что когда у анонимныхъ и русскихъ вождей революціонной демократіи передъ сознательнымъ разрушеніемъ ими арміи въ февралѣ 1917 года предстала дилемма :

— Спасеніе страны или революціи?..

Они избрали послѣднее.

Еще менѣе идея національной самозащиты была понята темнымъ народомъ. Народъ подымался на войну покорно, но безъ всякаго воодушевленія и безъ яснаго сознанія необходимости великой жертвы. Его психологія не подымалась до воспріятія отвлеченныхъ національныхъ догматовъ. « Вооруженный народъ », какимъ была по существу армія, воодушевлялся побѣдой, падалъ духомъ при пораженіи; плохо уяснялъ себѣ необходимость перехода Карпатъ, нѣсколько больше — борьбу на Стыри и Припяти, но все же утѣшалъ себя надеждой :

— Мы Тамбовскіе, до насъ нѣмецъ не дойдетъ...

Мнѣ приходится повторить эту довольно избитую фразу, ибо въ ней глубокая психологія русскаго человѣка.

Сообразно съ такимъ преобладаніемъ матеріальныхъ цѣнностей въ міровоззрѣніи « вооруженнаго народа », въ его сознаніе легче проникали упрощенные, реальные доводы за необходимость упорства въ борьбѣ и достиженія побѣды, за недопу-

стимость пораженія: чужая нѣмецкая власть, разореніе страны и хозяйствъ, тягость предстоящихъ въ случаѣ пораженія податей и налоговъ, обезцѣненіе хлѣба, проходящаго черезъ чужіе проливы и т. д. Кромѣ того, было все же нѣкоторое довѣріе къ власти, что она дѣлаетъ то, что нужно. Тѣмъ болѣе, что ближайшіе представители этой власти—офицеры шли рядомъ, даже впереди и умирали такъ-же безотказно и безропотно, по велѣнію свыше или по внутреннему убѣжденію.

И солдаты шли мужественно на подвигъ и на смерть.

Потомъ, когда это довѣріе рухнуло, сознаніе солдатской массы затуманилось окончательно. Формулы « безъ аннексій и контрибуцій », « самоопредѣленіе народовъ » и проч. оказались болѣе абстрактными и непонятными, чѣмъ старая отметаемая, заглохшая, но не вырванная изъ подсознанія идея родины.

И для удержанія солдатъ на фронтѣ съ подмостковъ, осѣненныхъ красными флагами, послышались вновь и преимущественно знакомые мотивы матеріальнаго порядка — нѣмецкое рабство, разореніе хозяйствъ, тяжесть налоговъ и т. д. Раздавались они уже изъ устъ соціалистовъ-оборонцевъ.

И такъ, три начала, на которыхъ покоился фундаментъ арміи, были нѣсколько подорваны.

Указывая на внутреннія противорѣчія и духовные недочеты русской арміи, я далекъ отъ желанія поставить ее ниже другихъ: они въ той или иной степени свойственны *всѣмъ народнымъ арміямъ*, получившимъ почти милиціонный характеръ, и не мѣшали ни имъ, ни намъ одерживать побѣды и продолжать войну. Но выясненіе облика арміи необходимо для уразумѣнія ея послѣдующихъ судебъ.

ГЛАВА II.

Состоянiе старой армiи передъ революцiей.

Огромное значенiе въ исторiи развитiя русской армiи имѣла японская война.

Горечь пораженiя, ясное сознанiе своей ужасной отсталости вызвали большой подъемъ среди военной молодежи и заставили понемногу или перемѣнить направленiе, или уйти въ сторону элементъ устарѣвшiй и косный. Не взирая на пассивное противодѣйствiе ряда лицъ, стоявшихъ во главѣ военнаго министерства и генеральнаго штаба — лицъ неспособныхъ, или до нельзя безразлично и легкомысленно относившихся къ интересамъ армiи, работа кипѣла. Въ теченiе десяти лѣтъ русская армiя, не достигнувъ, конечно, далеко идеаловъ, все-же сдѣлала огромные успѣхи. Можно сказать съ увѣренностью, что, не будь тяжкаго манчжурскаго урока, Россiя была-бы раздавлена въ первые же мѣсяцы отечественной войны.

Но чистка команднаго состава шла все-же слишкомъ медленно. Наша мягкотѣлость («жаль человѣка», «надо его устроить»), протекцiонизмъ, влiянiя, наконецъ, слишкомъ ригористически проводимая линiя старшинства — засорили списки командующаго генералитета вреднымъ элементомъ.

Высшая аттестацiонная комиссiя, собиравшаяся разъ въ годъ въ Петроградѣ, почти никого изъ аттестуемыхъ не знала...

Этими обстоятельствами объясняется ошибочность первоначальныхъ назначенiй : пришлось впослѣдствiи удалить четырехъ главнокомандующихъ (изъ нихъ одинъ, правда временный, оказался съ параличемъ мозга...), нѣсколькихъ командующихъ армiями, много командировъ корпусовъ и начальниковъ дивизiй.

Генералъ Брусиловъ въ первые-же дни сосредоточенiя 8-ой армiи (iюль 1914 г.) отрѣшилъ отъ командованiя трехъ начальниковъ дивизiй и корпуснаго командира.

Бездарности все-же оставались на своихъ мѣстахъ, губили и войска и операцiи. У того-же Брусилова генералъ Д., послѣдовательно отрѣшаемый, перемѣнилъ одну кавалерiйскую и три пѣхотныхъ дивизiи, пока, наконецъ, не успокоился въ нѣмецкомъ плѣну.

И обиднѣе всего, что вся армiя знала несостоятельность многихъ изъ этихъ начальниковъ и изумлялась ихъ назначенiю...

Неудивительно поэтому, что стратегія за всю кампанію не отличалась ни особеннымъ полетомъ, ни смѣлостью. Таковы операціи Сѣверо-западнаго фронта въ Восточной Пруссіи [1]), въ частности — позорный маневръ Рененкампфа, таково упорное форсированіе Карпатъ, о которыя разбились войска Юго-западнаго фронта въ 1915 году и, наконецъ, весеннее наступленіе наше 1916 года.

Послѣдній эпизодъ настолько характеренъ для высшаго командованія и настолько серьезенъ по своимъ послѣдствіямъ, что на немъ слѣдуетъ остановиться.

Когда арміи Юго-западнаго фронта въ маѣ перешли въ наступленіе, увѣнчавшееся огромнымъ успѣхомъ — разгромъ нѣсколькихъ австрійскихъ армій, когда послѣ взятія Луцка моя дивизія большими переходами шла къ Владиміръ-Волынску, — я, да и всѣ мы, считали, что въ нашемъ маневрѣ — вся идея наступленія, что нашъ фронтъ наноситъ главный ударъ.

Впослѣдствіи оказалось, что нанесеніе главнаго удара предназначено было Западному фронту, а арміи Брусилова производили лишь демонстрацію. Штабъ хорошо сохранилъ тайну. Тамъ, въ направленіи на Вильну собраны были большія силы, небывалая еще у насъ по количеству артиллерія и техническія средства. Нѣсколько мѣсяцевъ войска готовили плацдармы для наступленія. Наконецъ, все было готово, а успѣхъ южныхъ армій, отвлекая вниманіе и резервы противника, сулилъ удачу и западнымъ.

И вотъ, почти наканунѣ предполагавшагося наступленія между главнокомандующимъ Западнымъ фронтомъ генераломъ Эвертомъ и начальникомъ штаба Верховнаго главнокомандующаго, генераломъ Алексѣевымъ происходитъ историческій разговоръ по аппарату, сущность котораго заключается приблизительно въ слѣдующемъ:

А. Обстановка требуетъ немедленнаго рѣшенія. Вы готовы къ наступленію, увѣрены въ успѣхѣ?

Э. Въ успѣхѣ не увѣренъ, позиціи противника очень сильны. Нашимъ войскамъ придется наступать на тѣ позиціи, на которыхъ они терпѣли раньше неудачи...

А. Въ такомъ случаѣ дѣлайте немедленно распоряженіе о переброскѣ войскъ на Юго-западный фронтъ. Я доложу государю.

И операція, такъ долго жданная, съ такимъ методическимъ упорствомъ подготовлявшаяся, рухнула. Западные корпуса къ намъ опоздали. Наше наступленіе захлебнулось. Началась безсмысленная бойня на болотистыхъ берегахъ Стохода, гдѣ,

[1]) Вызваны были, впрочемъ, исключительно желаніемъ Ставки выручить французскую армію изъ отчаяннаго положенія.

между прочимъ, прибывшая гвардія потеряла весь цвѣтъ своего состава.

А Восточный германскій фронтъ переживалъ тогда дни смертельной тревоги : « это было критическое время; мы израсходовали всѣ наши средства и мы хорошо знали, что никто не придетъ къ намъ на помощь, если русскіе пожелаютъ насъ атаковать » [1]).

Впрочемъ и съ Брусиловымъ случился однажды эпизодъ, мало распространенный и могущій послужить интереснымъ дополненіемъ къ общеизвѣстной характеристкѣ этого генерала— одного изъ главныхъ дѣятелей кампаніи. Послѣ блестящей операціи 8-ой арміи, завершившейся переходомъ черезъ Карпаты и вторженіемъ въ Венгрію, въ декабрѣ 1914 года наступилъ какой-то психологическій надрывъ въ настроеніи командующаго арміей, ген. Брусилова : подъ вліяніемъ частной неудачи одного изъ корпусовъ, онъ отдалъ приказъ объ общемъ отступленіи, и армія быстро покатилась назадъ. Всюду мерещились прорывы, окруженія и налеты непріятельской конницы, угрожавшей, якобы, самому штабу арміи. Дважды генералъ Брусиловъ снималъ свой штабъ съ необыкновенной поспѣшностью, носившей характеръ паническаго бѣгства, уходя далеко отъ войскъ и теряя съ ними всякую связь.

Мы отходили изо дня въ день, совершая большіе, утомительные марши, въ полномъ недоумѣніи : австрійцы не презосходили насъ ни численно, ни морально и не слишкомъ тѣснили. Каждый день мои стрѣлки и сосѣдніе полки Корнилова переходили въ короткія контръ-атаки, брали много плѣнныхъ и пулеметы.

Генералъ-квартирмейстерская часть штаба арміи недоумѣвала еще болѣе. Ежедневные доклады ея о неосновательности отступленія сначала оставлялись Брусиловымъ безъ вниманія, потомъ приводили его въ гнѣвъ. Наконецъ, генеральный штабъ обратился къ иному способу воздѣйствія : пригласили друга Брусилова — старика генерала Панчулидзева [2]) и внушили ему, что, если такъ пойдетъ дальше, то въ арміи можетъ возникнуть мысль объ измѣнѣ, и дѣло окончится очень печально...

Панчулидзевъ пошелъ къ Брусилову. Между ними произошла потрясающая сцена, въ результатѣ которой Брусилова застали въ слезахъ, а Панчулидзева въ глубокомъ обморокѣ. Въ тотъ-же день былъ подписанъ приказъ о наступленіи, и армія съ быстротой и легкостью двинулась впередъ, гоня передъ собой австрійцевъ, возстановивъ стратегическое положеніе и репутацію своего командующаго.

Нужно сказать, что не только войска, но и начальники,

---

1) Людендорфъ. Mes souvenirs de guerre.

2) Начальникъ санитарной части арміи.

получая рѣдко и мало свѣдѣній о дѣйствіяхъ на фронтѣ, плохо разбирались въ общихъ стратегическихъ комбинаціяхъ. Войска же относились къ нимъ критически только тогда, когда явно приходилось расплачиваться своею кровью. Такъ было въ Карпатскихъ горахъ, на Стоходѣ, во время второго Перемышля (весна 1917 года) и т. д.

Нѣтъ нужды прибавлять, что техническія, профессіональныя знанія командного состава, въ силу неправильной системы высшихъ назначеній и сильнѣйшаго разслоенія офицерскаго корпуса мобилизаціями, не находились на должной высотѣ.

Наиболѣе угнетающее вліяніе на психику войскъ имѣло великое галиційское отступленіе и безрадостный ходъ войны (безъ побѣдъ) Сѣвернаго и Западнаго фронтовъ, а затѣмъ нудное сидѣніе ихъ на опостылѣвшихъ позиціяхъ въ теченіе болѣе года.

***

Объ офицерскомъ корпусѣ я уже говорилъ. Большіе и малые недочеты его увеличивались по мѣрѣ разслоенія кадроваго состава. Не ожидали такой длительности кампаніи, и потому организація арміи не берегла надлежаще ни офицерскихъ, ни унтеръ-офицерскихъ кадровъ, вливая ихъ въ ряды дѣйствующихъ частей всѣ сразу въ началѣ войны.

Я живо помню одинъ разговоръ въ періодъ мобилизаціи, первоначально имѣвшей въ виду одну Австрію, въ квартирѣ В. М. Драгомирова, одного изъ авторитетныхъ генераловъ арміи. Подали телеграмму: объявленіе войны Германіей... Наступило серьезное молчаніе... Всѣ сосредоточились, задумались.

— Какъ вы думаете, сколько времени будетъ продолжаться война? — спросилъ кто-то Драгомирова.

— Четыре мѣсяца...

Роты выступали въ походъ иногда съ 5—6 офицерами. Такъ какъ неизмѣнно, при всѣхъ обстоятельствахъ кадровое офицерство (потомъ и большая часть прочихъ офицеровъ) въ массѣ своей служило личнымъ примѣромъ доблести, безстрашія и самоотверженія [1]), то естественно оно было въ большинствѣ перебито. Такъ же нерасчетливо былъ использованъ другой прочный элементъ — запасные унтеръ-офицеры, число которыхъ въ первый періодъ войны на должностяхъ простыхъ рядовыхъ достигало иногда до 50% состава роты.

Отношенія между офицерами и солдатами старой арміи не вездѣ были построены на здоровыхъ началахъ. Нельзя от-

---

1) Въ этомъ отношеніи нельзя поставить упрека и большинству старшаго командного состава. Личная храбрость, часто безразсудная, явленіе далеко не рѣдкое.

рицать извѣстнаго отчужденія между ними, вызваннаго недостаточно внимательнымъ отношеніемъ офицерства къ духовнымъ запросамъ солдатской жизни. Но, по мѣрѣ постепеннаго паденія кастовыхъ и сословныхъ перегородокъ, эти отношенія замѣтно улучшались. Война сблизила офицера и солдата еще болѣе, установивъ во многихъ, по преимуществу армейскихъ частяхъ подлинное боевое братство. Здѣсь необходимо, однако, оговориться : на внѣшнихъ отношеніяхъ лежала печать всеобщей русской некультурности, составлявшей свойство далеко не однѣхъ лишь народныхъ массъ, а и русской интеллигенціи. Оттого на ряду съ сердечнымъ попеченіемъ, трогательной заботливостью о нуждахъ солдата, простотой и доступностью офицера, по цѣлымъ мѣсяцамъ лежавшаго вмѣстѣ съ солдатомъ въ мокрыхъ, грязныхъ окопахъ, ѣвшаго съ нимъ изъ одного котла и тихо, безъ жалобъ ложившагося съ нимъ въ одну братскую могилу... наряду съ этимъ были нерѣдко грубость, ругня, иногда самодурство и заушенія.

Несомнѣнно такого же рода взаимоотношенія существовали и въ самой солдатской средѣ, съ тою лишь разницей, что свой братъ взводный или фельдфебель бывалъ и грубѣе и жестче. Вся эта неприглядная сторона отношеній, въ связи съ нудностью и безтолковостью казарменнаго режима и мелкими ограниченіями внутреннимъ уставомъ солдатскаго быта — давала всегда обильную пищу для подпольныхъ прокламацій, изображавшихъ солдата « жертвой произвола золотопогонниковъ ».

Здоровой сущности не замѣчали : она умышленно затемнялась неприглядной внѣшностью.

А, между тѣмъ, всѣ мотивы обвиненій, исходящихъ отъ печальниковъ солдата, были хорошо извѣстны. Они излагались въ наводнившихъ армію въ 1905 году листовкахъ, повторялись заученными фразами на всѣхъ митингахъ, перепечатывались съ нѣкоторыми варіантами и въ 1917 году. Кажется, кромѣ пресловутой формулы « безъ аннексій и контрибуцій », солдатская революціонная литература не обогатилась ни однимъ новымъ понятіемъ. Если бы власть своевременно отнеслась внимательнѣе къ психологіи солдатской среды, изъяла изъ уставовъ всѣ несущественныя для сохраненія дисциплины ограниченія и нѣкоторыя смѣшныя или казавшіяся унизительными требованія, то потомъ не пришлось бы отмѣнять ихъ подъ давленіемъ, не во время и въ расширенныхъ размѣрахъ.

Всѣ эти обстоятельства имѣли тѣмъ большее значеніе, что закрѣпленіе внутренней связи во время войны и безъ того встрѣчало большія затрудненія : съ теченіемъ времени, неся огромныя потери и мѣняя 10—12 разъ свой составъ, войсковыя части, по преимуществу пѣхотныя, превращались въ какіе-то этапы, черезъ которые текла непрерывно человѣческая струя,

задерживаясь не долго и не успѣвая пріобщиться духовно къ военнымъ традиціямъ части. Одной изъ причинъ сохраненія относительной прочности артиллеріи и отчасти другихъ спеціальныхъ родовъ оружія было то обстоятельство, что въ нихъ процентъ потерь въ сравненіи съ пѣхотой составлялъ не болѣе $^1/_{20}$ — $^1/_{10}$.

Два фактора имѣли несомнѣнное значеніе въ созданіи неблагопріятнаго настроенія въ войскахъ. По крайней мѣрѣ впослѣдствіи, во время « словесной кампаніи » министровъ и военныхъ начальниковъ солдатскіе ораторы очень часто касались этихъ двухъ темъ: введенное съ 1915 года офиціально дисциплинарное наказаніе розгами и смертная казнь — «палечникамъ ». Насколько необходимость борьбы съ дезертирствомъ путемъ самораненія [1]) не возбуждала ни малѣйшаго сомнѣнія и требовала лишь болѣе тщательнаго техническаго обслѣдованія для избѣжанія возможныхъ судебныхъ ошибокъ, настолько же крайне нежелательнымъ и опаснымъ, независимо отъ этической стороны вопроса, являлось тѣлесное наказаніе, примѣняемое властью начальника. Военные юристы не сумѣли разрѣшить иначе этого вопроса. Между тѣмъ, судебные уставы не обладаютъ въ военное время рѣшительно никакими реальными способами репрессій, кромѣ смертной казни. Ибо для элемента преступнаго праволишенія не имѣютъ никакого значенія, а всякое наказаніе, сопряженное съ уходомъ изъ рядовъ, является только поощреніемъ. Революціонная демократія этого вопроса такъ же не разрѣшила.

Впрочемъ, послѣ полной демократизаціи, послѣ завоеванія всѣхъ свободъ и даже самостійности, войсковой кругъ Донского казачьяго войска, весьма демократическаго состава, ввелъ въ свою армію въ 1919 году наказаніе розгами за рядъ воинскихъ преступленій.

Такова непонятная психологія русскаго человѣка!

Значительно сложнѣе вопросъ о взаимоотношеніяхъ во флотѣ. Сословныя и кастовыя перегородки, замкнутость офицерскаго корпуса, консерватизмъ и неподвижность устарѣлыхъ формъ быта и взаимоотношеній, большая отчужденность отъ матроской среды — все это не могло не повліять впослѣдствіи на значительно большую обостренность борьбы этихъ двухъ элементовъ. Кронштадтъ, Свеаборгъ, Гельсингфорсъ, Севастополь, Новороссійскъ — всѣ эти кровавые этапы несчастнаго морского офицерства, нещадно избивавшагося, приводятъ въ ужасъ и содраганіе своимъ безсмысленнымъ жесто-

---

[1]) « Палечники » — явленіе не русское. Наши солдаты выучились этому способу у австрійцевъ, которые первыми начали практиковать его массами еще лѣтомъ 1914 года.

кимъ звѣрствомъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, требуютъ глубокаго и внимательнаго изученія...

Въ конечномъ итогѣ всѣ эти обстоятельства создавали не совсѣмъ здоровую атмосферу въ арміи и флотѣ и разъединяли, гдѣ въ большей, гдѣ въ меньшей степени два ихъ составныхъ элемента. Въ этомъ несомнѣнный грѣхъ и русскаго офицерства, раздѣляемый имъ всецѣло съ русской интеллигенціей. Грѣхъ, вызвавшій противоположеніе « барина » мужику, офицера — солдату и создавшій впослѣдствіи благопріятную почву для работы разрушительныхъ силъ.

Въ странѣ не было преобладанія анархическихъ элементовъ. Въ особенности въ арміи, которая отражаетъ въ себѣ всѣ недостатки и достоинства народа. Народъ — крестьянская и казачья массы — страдалъ другими пороками : невѣжествомъ, инертностью и слабой волей къ сопротивленію, къ борьбѣ съ порабощеніемъ, откуда-бы оно не исходило — отъ вѣковой традиціонной власти или отъ внезапно появившихся псевдонимовъ. Не надо забывать, что наиболѣе яркій представитель чистаго русскаго анархизма — Махно не долго могъ держаться на югѣ Россіи своимъ первоначальнымъ лозунгомъ : « долой всякую власть, свободное соглашеніе между собой деревень и городовъ. Вся земля и все буржуйское добро — ваше »... Дважды разбитый, весною 1920 года онъ уже самъ приступаетъ къ организаціи гражданскаго управленія и произноситъ слово :

— Порядокъ.

Правда, лозунгъ этотъ не получилъ реальнаго осуществленія, но уже сама потребность въ немъ знаменательна.

Въ арміи отнюдь не было преобладанія анархическихъ элементовъ. И потребовалось потрясеніе слегка подгнившихъ основъ, цѣлый рядъ ошибокъ и преступленій новой власти, огромная работа стороннихъ вліяній, чтобы инерція покоя перешла, наконецъ, въ инерцію движенія, кровавый призракъ котораго долго еще будетъ висѣть надъ несчастной русской землей.

Стороннимъ разрушительнымъ вліяніямъ въ арміи не противополагалось разумное воспитаніе. Отчасти по крайней неподготовленности въ политическомъ отношеніи офицерскаго корпуса, отчасти, вслѣдствіе инстинктивной боязни стараго режима внести въ казармы элементы « политики », хотя бы съ цѣлью критики противогосударственныхъ ученій. Этотъ страхъ относился, впрочемъ, не только къ соціальнымъ и внутреннимъ проблемамъ русской жизни, но и къ вопросамъ внѣшней политики. Такъ, напримѣръ, незадолго до войны былъ изданъ высочайшій приказъ, строго воспрещавшій воинскимъ чинамъ гдѣ бы то ни было вести разговоръ на современную политическую тему (Балканскій вопросъ, австро-сербская распря и т. д.). Наканунѣ неизбѣжно предстоявшей отечествен-

ной войны старательно избѣгали возбужденія здороваго патріотизма, разъясненія цѣлей и задачъ войны, ознакомленія со славянскимъ вопросомъ и вѣковой борьбой нашей съ германизмомъ.

Признаться, я, какъ и многіе другіе, не исполнилъ приказа и подготовлялъ соотвѣтственно настроеніе Архангелогородскаго полка, которымъ командовалъ. А въ военной печати выступилъ противъ приказа съ горячей статьей на тему: «Не угашайте духа».

Ибо для меня нѣтъ сомнѣній, что обвитая траурнымъ флеромъ статуя Страсбурга на площади Согласія сыграла огромную роль въ воспитаніи героической арміи Франціи.

Пропаганда проникала и въ старую армію съ разныхъ сторонъ. Нѣтъ сомнѣнія, что судорожныя потуги быстро смѣнявшихся правительствъ Горемыкина, Штюрмера, Трепова — остановить нормальный ходъ русской жизни — сами по себѣ давали достаточно матеріала, возбуждая все больше и больше нароставшій народный гнѣвъ, переливавшійся и въ армію; его использовала соціалистическая и пораженческая литература; Ленинъ нашелъ первоначальный путь въ Россію своему ученію черезъ соціалъ-демократическую фракцію Государственной Думы. Еще болѣе интенсивно работали нѣмцы. Объ этихъ вопросахъ говорится подробно въ главѣ XXIII.

Долженъ, однако, отмѣтить, что вся эта пропаганда извнѣ и извнутри, оказывая воздѣйствіе главнымъ образомъ на тыловыя части, гарнизоны и запасные баталіоны крупныхъ центровъ и въ особенности Петрограда, до революціи имѣла сравнительно небольшое вліяніе на войсковыя части фронта. И сбитыя съ толку пополненія, придя на фронтъ и попадая въ тяжелую, но болѣе здоровую боевую атмосферу, зачастую быстро мѣняли къ лучшему свой обликъ.

Тѣмъ не менѣе, мѣстами вліяніе разрушительной пропаганды находило подготовленную почву, и до революціи еще были одинъ-два случая, когда цѣлыя части оказали неповиновеніе, сурово подавленное.

Наконецъ, передъ главной массой арміи — крестьянской — вставалъ одинъ практическій вопросъ, который *заставлялъ ее инстинктивно не торопиться съ соціальной революціей :*

— Безъ насъ подѣлятъ землю... Нѣтъ, ужъ когда вернемся, тогда и будемъ дѣлить!..

***

Своего рода естественной пропагандой служило неустройство тыла и дикая вакханалія хищеній, дороговизны, наживы и роскоши, создаваемая на костяхъ и крови фронта. Но особенно тяжко отозвался на арміи недостатокъ техники и главнымъ образомъ боевыхъ припасовъ.

Только въ 1917 году процессъ Сухомлинова вскрылъ передъ русскимъ обществомъ и арміей главныя причины, вызвавшія военную катастрофу 1915 года. Еще въ 1907 г. былъ разработанъ планъ пополненія запасовъ нашей арміи и отпущены кредиты. Кредиты эти возрастали, какъ это ни странно, часто по иниціативѣ комиссіи государственной обороны, а не военнаго вѣдомства. Вообще же ни Государственная Дума, ни министерство финансовъ никогда не отказывали и не урѣзывали военныхъ кредитовъ. Въ теченіе управленія Сухомлинова вѣдомство получило особый кредитъ въ 450 милліоновъ рублей и не израсходовало изъ нихъ 300 милліоновъ! До войны вопросъ о способахъ усиленнаго питанія арміи боевыми припасами, послѣ израсходованія запасовъ мирнаго времени, даже не подымался... Если дѣйствительно напряженіе огневого боя съ самаго начала войны достигло неожиданныхъ и небывалыхъ размѣровъ, опрокинувъ всѣ теоретическіе расчеты и нашей и западно-европейской военной науки, то тѣмъ болѣе героическія мѣры нужны были для выхода изъ трагическаго положенія.

Между тѣмъ, уже къ октябрю 1914 года изсякли запасы для вооруженія пополненій, которыя мы стали получать на фронтѣ сначала вооруженными на $^{1}/_{10}$, потомъ и вовсе безъ ружей. Главнокомандующій Юго-западнымъ фронтомъ телеграфировалъ въ Ставку: «источники пополненія боевыхъ припасовъ изсякли совершенно. При отсутствіи пополненія придется прекратить бой и выводить войска въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ»...

А въ тоже время (конецъ сентября) на вопросъ Жофра «достаточно ли снабжена россійская императорская армія артиллерійскимъ снаряженіемъ для безпрепятственнаго продолженія военныхъ дѣйствій», военный министръ Сухомлиновъ отвѣчалъ: «настоящее положеніе вещей относительно снаряженія россійской арміи не внушаетъ серьезнаго опасенія»... Иностранныхъ заказовъ не дѣлалось, отъ японскихъ и американскихъ ружей «для избѣжанія неудобствъ отъ разнообразія калибровъ» отказывались.

Когда въ августѣ 1917 года на скамью подсудимыхъ сѣлъ виновникъ военной катастрофы, личность его произвела только жалкое впечатлѣніе. Гораздо серьезнѣе, болѣзненнѣе всталъ вопросъ, какъ этотъ легкомысленный, невѣжественный въ военномъ дѣлѣ, быть можетъ, сознательно преступный человѣкъ могъ продержаться у кормила власти 6 лѣтъ. Какая среда военной бюрократіи — «къ добру и злу постыдно равнодушная» — должна была окружать его, чтобы сдѣлать возможнымъ и дѣйствія и бездѣйствія, шедшія неуклонно и методично ко вреду государства.

Катастрофа разразилась окончательно въ 1915 году.

Весна 1915 г. останется у меня навсегда въ памяти. Вели-

кая трагедія русской арміи — отступленіе изъ Галиціи. Ни патроновъ, ни снарядовъ. Изо дня въ день кровавые бои, изо дня въ день тяжкіе переходы, безконечная усталость — физическая и моральная; то робкія надежды, то безпросвѣтная жуть...

Помню сраженіе подъ Перемышлемъ въ серединѣ мая. Одиннадцать дней жестокаго боя 4-ой стрѣлковой дивизіи... Одиннадцать дней страшнаго гула нѣмецкой тяжелой артиллеріи, буквально срывавшей цѣлые ряды окоповъ вмѣстѣ съ защитниками ихъ. Мы почти не отвѣчали — нечѣмъ. Полки, измотанные до послѣдней степени, отбивали одну атаку за другой — штыками или стрѣльбой въ упоръ; лилась кровь, ряды рѣдѣли, росли могильные холмы... Два полка почти уничтожены — однимъ огнемъ...

Господа французы и англичане! Вы, достигшіе невѣроятныхъ высотъ техники, вамъ не безъинтересно будетъ услышать такой нелѣпый фактъ изъ русской дѣйствительности :

Когда послѣ трехъ-дневнаго молчанія нашей единственной шести-дюймовой батареи ей подвезли *пятьдесятъ снарядовъ*, объ этомъ сообщено было по телефону немедленно всѣмъ полкамъ, всѣмъ ротамъ, и всѣ стрѣлки вздохнули съ радостью и облегченіемъ...

И какой тогда тяжелой, обидной ироніей звучало для насъ циркулярное посланіе Брусилова, въ которомъ онъ, не имѣя возможности дать снаряды, съ цѣлью подбодрить, « поднять духъ войскъ », убѣждалъ насъ не придавать такого исключительнаго значенія преобладанію нѣмецкой артиллеріи, ибо были неоднократно случаи, что тяжелая артиллерія, выпустивъ по нашимъ участкамъ позиціи огромное число снарядовъ, не наносила имъ почти никакихъ потерь...

21 марта генералъ Янушкевичъ [1]) сообщилъ военному министру : « свершился фактъ очищенія Перемышля. Брусиловъ ссылается на недостатокъ патроновъ — эту « bête-noire » вашу и мою... Изъ всѣхъ армій вопль — дайте патроновъ »...

***

Я не склоненъ идеализировать нашу армію. Много горькихъ истинъ мнѣ приходится высказывать о ней. Но когда фарисеи — вожди россійской революціонной демократіи, пытаясь оправдать учиненный главнымъ образомъ ихъ руками

---

[1]) Начальникъ штаба Верх. Главнок. вел. кн. Николая Николаевича. Въ 1918 г. убитъ большевиками.

развалъ арміи, увѣряютъ, что она и безъ того близка была къ разложенію, — они лгутъ.

Я не отрицаю крупныхъ недостатковъ въ системѣ назначеній и комплектованіи высшаго командпаго состава, ошибокъ нашей стратегіи, тактики и организаціи, технической отсталости нашей арміи, несовершенства офицерскаго корпуса, невѣжества солдатской среды, пороковъ казармы. Знаю размѣры дезертирства и уклоненія отъ военной службы, въ чемъ повинна наша интеллигенція едва-ли не больше, чѣмъ темный народъ. Но вѣдь не эти серьезныя болѣзни армейскаго организма привлекали впослѣдствіи особливое вниманіе революціонной демократіи. Она не умѣла и не могла ничего сдѣлать для ихъ уврачеванія, да и не боролась съ ними вовсе. Я, по крайней мѣрѣ, не знаю ни одной больной стороны армейской жизни, которую она исцѣлила бы, или, по крайней мѣрѣ, за которую взялась бы серьезно и практически. Пресловутое «раскрѣпощеніе» личности солдата? Отбрасывая всѣ преувеличенія, связанныя съ этимъ понятіемъ, можно сказать, что самый фактъ революціи внесъ извѣстную перемѣну въ отношенія между офицеромъ и солдатомъ, и это явленіе обѣщало при нормальныхъ условіяхъ, безъ грубаго и злонамѣреннаго вмѣшательства извнѣ, претвориться въ источникъ большой моральной силы, а не въ зіяющую пропасть. Но революціонная демократія въ эту именно рану влила ядъ. Она поражала безпощадно самую сущность военнаго строя, его вѣчныя, неизмѣнныя основы, оставшіяся еще непоколебленными: дисциплину, единоначаліе и аполитичность. Это было, и этого не стало. А между тѣмъ, паденіе старой власти какъ будто открывало новые широчайшіе горизонты для оздоровленія и поднятія въ моральномъ, командномъ, техническомъ отношеніяхъ народной русской арміи.

Каковъ народъ, такова и армія. И, какъ бы то ни было, старая русская армія, страдая пороками русскаго народа, вмѣстѣ съ тѣмъ въ своей преобладающей массѣ обладала его достоинствами и прежде всего необычайнымъ долготерпѣніемъ въ перенесеніи ужасовъ войны; дралась безропотно почти 3 года; часто шла съ голыми руками противъ убійственной высокой техники враговъ, проявляя высокое мужество и самоотверженіе; и своей обильной кровью [1]) искупала грѣхи верховной власти, правительства, народа и свои.

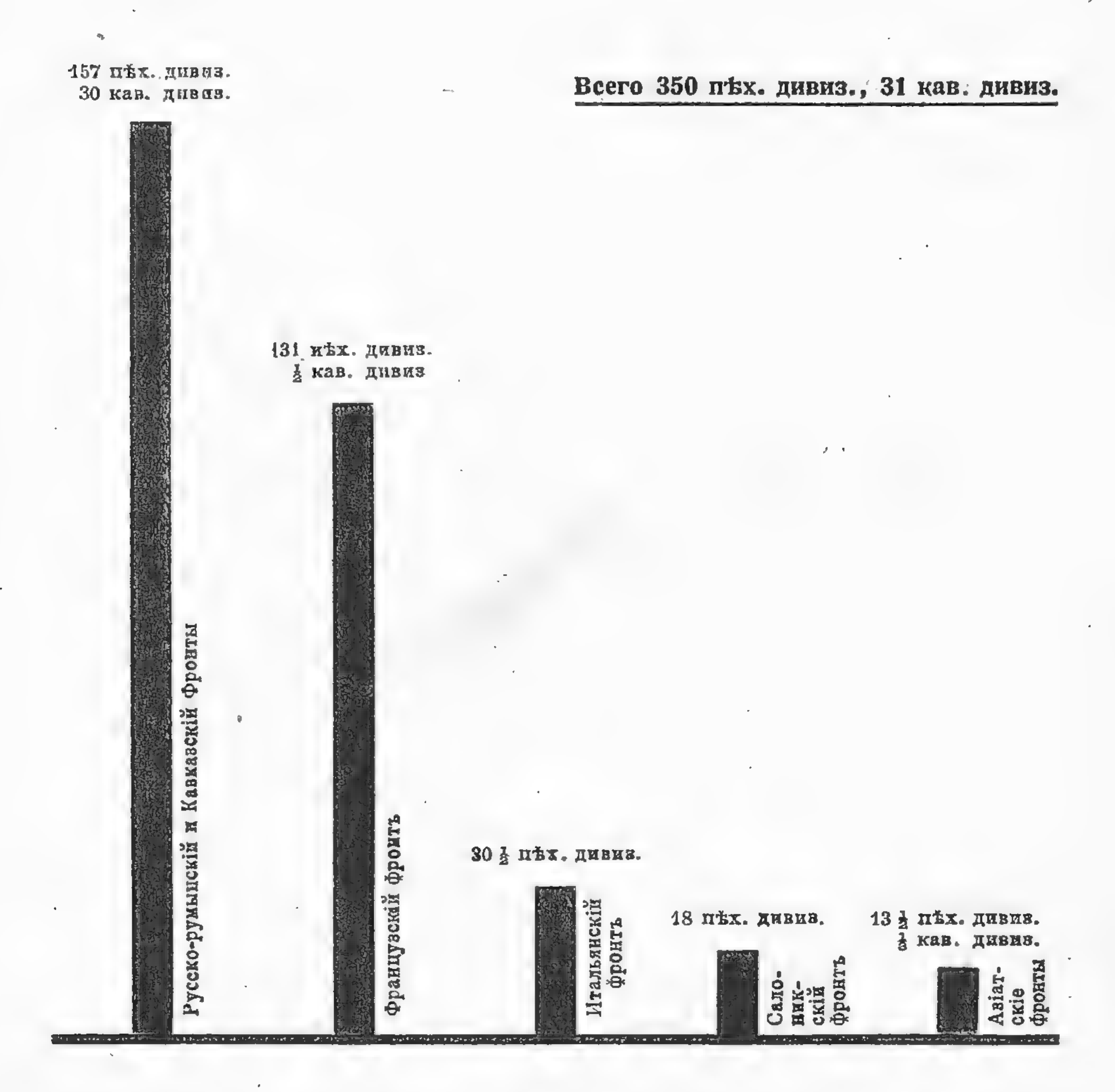
Наши союзники не смѣютъ забывать ни на минуту, что къ серединѣ января 1917 года эта армія удерживала на своемъ

---

[1]) Французскій депутатъ Люи Мартэнъ исчисляетъ потери армій *одними убитыми* слѣдующими цифрами (въ милліонахъ): Россія — 2,5, Германія — 2, Австрія — 1,5, Франція — 1,4 Англія — 0,8, Италія — 0,6 милліоновъ и т. д. На долю Россіи приходится 40% мартиролога всѣхъ союзныхъ армій.

фронтѣ 187 вражескихъ дивизій, т. е., 49% всѣхъ силъ противника, дѣйствовавшихъ на европейскихъ и азіатскихъ фронтахъ.

Старая русская армія заключала въ себѣ достаточно еще силъ, чтобы продолжать войну и одержать побѣду.

Діаграмма распредѣленія силъ противника на всѣхъ фронтахъ къ половинѣ января 1917 г.

милой —
дорогой
извиняюсь
за беспокой
ство
прошу
на ваше
усмотре нье
нья Зяик
устроить
достиженье

Изъ книги Вэрещага.

Автографъ Распутина.

ГЛАВА III.

Старая армія и государь.

Въ августѣ 1915 года государь, подъ вліяніемъ круговъ императрицы и Распутина, рѣшилъ принять на себя верховное командованіе арміей. Этому предшествовали безрезультатныя представленія восьми министровъ и нѣкоторыхъ политическихъ дѣятелей, предостерегавшихъ государя отъ опаснаго шага. Офиціальными мотивами выставлялись съ одной стороны трудность совмѣщенія работы управленія и командованія, съ другой — рискъ брать на себя отвѣтственность за армію въ тяжкій періодъ ея неудачъ и отступленія. Но истинной побудительной причиной этихъ представленій былъ страхъ, что отсутствіе знаній и опыта у новаго Верховнаго главнокомандующаго осложнитъ и безъ того трудное положеніе арміи, а нѣмецко-распутинское окруженіе, вызвавшее параличъ правительства и разрывъ его съ Государственной Думой и страной, поведетъ къ разложенію арміи.

Ходила, между прочимъ, молва, впослѣдствіи оправдавшаяся, что рѣшеніе государя вызвано отчасти и боязнью круговъ императрицы передъ все болѣе возраставшей, не взирая на неудачи арміи, популярностью великаго князя Николая Николаевича...

23 августа арміи и флоту былъ отданъ приказъ, въ которомъ послѣ офиціальнаго текста государь собственноручно приписалъ:

Съ твердою вѣрою въ милость Божію и съ непоколебимою увѣренностью въ конечной побѣдѣ будемъ исполнять нашъ святой долгъ защиты Родины до конца и не посрамимъ земли Русской.

Николай

Этотъ значительный по существу актъ не произвелъ въ арміи большого впечатлѣнія. Генералитетъ и офицерство отдавало себѣ ясный отчетъ въ томъ, что личное участіе государя въ командованіи будетъ лишь внѣшнее, и потому всѣхъ интересовалъ болѣе вопросъ :

— Кто будетъ начальникомъ штаба?

Назначеніе генерала Алексѣева успокоило офицерство.

Что касается солдатской массы, то она не вникала въ технику управленія, для нея царь и раньше былъ верховнымъ вождемъ арміи и ее смущало нѣсколько одно лишь обстоятельство : издавна въ народѣ укоренилось убѣжденіе, что царь несчастливъ...

Фактически въ командованіе вооруженными силами Россіи вступилъ генералъ Михаилъ Васильевичъ Алексѣевъ. На фонѣ русской военной исторіи и русской смуты фигура генерала Алексѣева занимаетъ такое большое мѣсто, что нельзя въ краткихъ словахъ очертить его значеніе. Для этого необходимо спеціальное историческое изслѣдованіе жизненнаго пути человѣка, вызвавшаго различное отношеніе — и положительное, и и отрицательное — къ своей военной и политической дѣятельности, но никогда не давшаго повода сомнѣваться въ томъ, что « крестный путь его озаренъ кристаллической честностью и горячей любовью къ Родинѣ — и великой, и растоптанной »... [1]).

Не всегда достаточно твердый въ проведеніи своихъ требованій, въ вопросѣ о независимости Ставки отъ стороннихъ вліяній Алексѣевъ проявилъ гражданское мужество, котораго такъ не хватало жадно державшимся за власть сановникамъ стараго режима.

Однажды, послѣ офиціальнаго обѣда въ Могилевѣ, императрица взяла подъ руку Алексѣева и, гуляя съ нимъ по саду, завела разговоръ о Распутинѣ.

Нѣсколько волнуясь, она горячо убѣждала Михаила Васильевича, что онъ не правъ въ своихъ отношеніяхъ къ Распутину, что « старецъ — чудный и святой человѣкъ », что на него клевещутъ, что онъ горячо привязанъ къ ихъ семьѣ, а главное, что его посѣщеніе Ставки принесетъ счастье...

Алексѣевъ сухо отвѣтилъ, что для него это вопросъ — давно рѣшенный. И что, если Распутинъ появится въ Ставкѣ, онъ немедленно оставитъ постъ начальника штаба.

— Это ваше окончательное рѣшеніе?

— Да, несомнѣнно.

Императрица рѣзко оборвала разговоръ и ушла, не простившись съ Алексѣевымъ.

Этотъ разговоръ, по словамъ Михаила Васильевича, повліялъ на ухудшеніе отношеній къ нему государя. Вопреки

---

1) Слова изъ приказа по Добровольческой арміи.

установившемуся мнѣнію, отношенія эти, по внѣшнимъ проявленіямъ не оставлявшія желать ничего лучшаго, не носили характера ни интимной близости, ни дружбы, ни даже исключительнаго довѣрія.

Государь никого не любилъ, развѣ только сына. Въ этомъ былъ трагизмъ его жизни — человѣка и правителя.

Нѣсколько разъ, когда Михаилъ Васильевичъ, удрученный нароставшимъ народнымъ неудовольствіемъ противъ режима и трона, пытался выйти изъ рамокъ военнаго доклада и представить царю истинное освѣщеніе событій, когда касался вопроса о Распутинѣ и объ отвѣтственномъ министерствѣ, онъ встрѣчалъ хорошо знакомый многимъ непроницаемый взглядъ и сухой отвѣтъ.

— Я это знаю.

Больше ни слова.

Но въ вопросахъ управленія арміей государь всецѣло довѣрялся Алексѣеву, выслушивая долгіе, слишкомъ, быть можетъ, обстоятельные доклады его. Выслушивалъ терпѣливо и внимательно, хотя повидимому эта область не захватывала его. Нѣкоторое расхожденіе случалось лишь въ вопросахъ второстепенныхъ — о назначеніяхъ приближенныхъ, о созданіи имъ должностей и т. п.

Полное безучастіе государя въ вопросахъ высшей стратегіи опредѣлилось для меня совершенно ясно послѣ прочтенія одного важнаго акта — записи сужденій военнаго совѣта, собраннаго въ Ставкѣ въ концѣ 1916 г. подъ предсѣдательствомъ государя изъ всѣхъ главнокомандующихъ и высшихъ чиновъ Ставки, для обсужденія плана кампаніи 1917 года и общаго наступленія.

Подробная запись каждой произнесенной фразы создавала впечатлѣніе о властности и руководящей роли временнаго замѣстителя начальника штаба — генерала Гурко, о нѣсколько эгоистическихъ устремленіяхъ главнокомандующихъ, пригонявшихъ стратегическія аксіомы къ спеціальнымъ интересамъ своего фронта и, наконецъ... о полномъ безучастіи Верховнаго главнокомандующаго.

Такія же взаимоотношенія между государемъ и начальникомъ штаба существовали во время исполненія послѣдней должности генераломъ Гурко. Алексѣевъ осенью 1916 г. тяжко заболѣлъ и лечился въ Севастополѣ, не прекращая, однако, связи со Ставкой, съ которой онъ сносился по прямому проводу.

***

Между тѣмъ, борьба Государственной Думы (прогрессивнаго блока) съ правительствомъ, находившая несомнѣнно сочувствіе у Алексѣева и у командного состава, принимала все

болѣе рѣзкія формы. Запрещенный для печати отчетъ о засѣданіи 1-го ноября 1916-го г. [1]), съ историческими рѣчами Шульгина, Милюкова и др. въ рукописномъ видѣ распространенъ былъ повсемѣстно въ арміи. Настроеніе настолько созрѣло, что подобныя рукописи не таились уже подъ спудомъ, а читались и рѣзко обсуждались въ офицерскихъ собраніяхъ.

— Я былъ крайне пораженъ, — говорилъ мнѣ одинъ видный соціалистъ и дѣятель городского союза, побывавъ впервые въ арміи въ 1916 г. — съ какой свободой всюду, въ воинскихъ частяхъ, въ офицерскихъ собраніяхъ, въ присутствіи командировъ, въ штабахъ и т. д. говорятъ о негодности правительства, о придворной грязи. Это въ нашей странѣ — « слова и дѣла »!.. Вначалѣ мнѣ казалось, что меня просто провоцируютъ...

Связь Думы съ офицерствомъ существовала давно. Работа комиссіи государственной обороны въ періодъ возсозданія флота и реорганизаціи арміи послѣ японской войны протекала при дѣятельномъ негласномъ участіи офицерской молодежи. А. И. Гучковъ образовалъ кружокъ, въ составъ котораго вошли Савичъ, Крупенскій, графъ Бобринскій и представители офицерства, во главѣ съ генераломъ Гурко. Повидимому къ кружку примыкалъ и генералъ Поливановъ, сыгравшій впослѣдствіи такую крупную роль въ развалѣ арміи (Поливановская комиссія). Тамъ не было ни малѣйшаго стремленія къ «потрясенію основъ », а лишь желаніе подтолкнуть тяжелый бюрократическій возъ, дать импульсъ работѣ и иниціативу инертнымъ военнымъ управленіямъ.

По словамъ Гучкова кружокъ работалъ совершенно открыто, и военное вѣдомство первое время снабжало его даже матеріалами. Но затѣмъ отношеніе Сухомлинова круто измѣнилось, кружокъ былъ взятъ подъ подозрѣніе, пошли разговоры о « младотуркахъ »...

Какъ бы то ни было, освѣдомленность комиссіи государственной обороны была очень большая. Генералъ Лукомскій, бывшій начальникомъ мобилизаціоннаго отдѣла, потомъ помощникомъ военнаго министра, разсказывалъ мнѣ, какъ серьезно надо было готовиться къ докладамъ и какое жалкое впечатлѣніе производилъ во время своихъ рѣдкихъ выступленій легкомысленный и несвѣдущій министръ Сухомлиновъ, терзаемый со всѣхъ сторонъ членами комиссіи...

Во время процесса самъ Сухомлиновъ разсказалъ эпизодъ, какъ однажды онъ явился въ засѣданіе комиссіи, въ которой разсматривались два большихъ военныхъ вопроса и какъ его остановилъ Родзянко :

---

[1]) Появился въ газетахъ въ урѣзанномъ видѣ только въ началѣ января 1917 года.

— Уходите, уходите... Вы для насъ красное сукно : какъ только вы пріѣзжаете, дѣла ваши проваливаются.

Послѣ галиційскаго отступленія Государственной Думѣ удалось, наконецъ, добиться постояннаго участія своихъ членовъ въ дѣлѣ правильной постановки военныхъ заказовъ, а земскимъ и городскимъ союзамъ — образованія « главнаго комитета по снабженію армій ».

Кровавый опытъ привелъ, наконецъ, къ простой идеѣ мобилизаціи русской промышленности. И дѣло, вырвавшееся изъ мертвящей обстановки военныхъ канцелярій, пошло широкимъ ходомъ. По офиціальнымъ даннымъ на армію посылалось въ іюлѣ 1915 г. по 33 парка вмѣсто затребованныхъ 50-ти, а въ сентябрѣ, благодаря привлеченію къ работѣ частныхъ заводовъ — 78. Я по непосредственному опыту, а не только по цифрамъ имѣю полное основаніе утверждать, что уже къ концу 1916 г. армія наша, не достигнувъ, конечно, тѣхъ высокихъ нормъ, которыя практиковались въ арміяхъ союзниковъ, обладала все-же вполнѣ достаточными боевыми средствами, чтобы начать планомѣрную и широкую операцію на всемъ своемъ фронтѣ.

Это обстоятельство также было учтено надлежаще въ войскахъ, укрѣпляя довѣріе къ Государственной Думѣ и общественнымъ организаціямъ.

Но въ области внутренней политики положеніе не улучшалось. И къ началу 1917 г. крайне напряженная атмосфера политической борьбы выдвинула новое средство :

— Переворотъ!

***

Въ Севастополь къ больному Алексѣеву пріѣхали представители нѣкоторыхъ думскихъ и общественныхъ круговъ. Они совершенно откровенно заявили, что назрѣваетъ переворотъ. Какъ отнесется къ этому страна, они знаютъ. Но какое впечатлѣніе произведетъ переворотъ на фронтѣ, они учесть не могутъ. Просили совѣта.

Алексѣевъ въ самой категорической формѣ указалъ на недопустимость какихъ бы то ни было государственныхъ потрясеній во время войны, на смертельную угрозу фронту, который по его пессимистическому опредѣленію « и такъ не слишкомъ прочно держится », и просилъ во имя сохраненія арміи не дѣлать этого шага.

Представители уѣхали, обѣщавъ принять мѣры къ предотвращенію готовившагося переворота.

Не знаю, какія данныя имѣлъ Михаилъ Васильевичъ, но онъ увѣрялъ впослѣдствіи, что тѣ-же представители вслѣдъ за симъ посѣтили Брусилова и Рузскаго и, получивъ отъ нихъ

отвѣтъ противоположнаго свойства, измѣнили свое первоначальное рѣшеніе : подготовка переворота продолжалась.

Пока трудно выяснить детали этого дѣла. Участники молчать, матеріаловъ нѣтъ, а все дѣло велось въ глубокой тайнѣ, не проникая въ широкіе армейскіе круги. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя обстоятельства стали извѣстны.

Цѣлый рядъ лицъ обращались къ государю съ предостереженіемъ о грозившей опасности странѣ и династіи, въ томъ числѣ Алексѣевъ, Гурко, протопресвитеръ Шавельскій, Пуришкевичъ, великіе князья Николай и Александръ Михайловичи и сама вдовствующая императрица.

Послѣ пріѣзда въ армію, осенью 1916 года, предсѣдателя Государственной Думы Родзянко, у насъ распространилось письмо его къ государю; оно предостерегало царя о той огромной опасности, которая угрожаетъ трону и династіи, благодаря гибельному участію въ управленіи государствомъ Александры Феодоровны.

Одно изъ подобныхъ « вмѣшательствъ » Родзянки вызвало высочайшій выговоръ, переданный письменно предсѣдателю Государственной Думы по приказанію государя генераломъ Алексѣевымъ. Это обстоятельство, между прочимъ, весьма существенно отразилось на послѣдующихъ отношеніяхъ этихъ двухъ государственныхъ дѣятелей.

Великій князь Николай Михайловичъ въ своемъ письмѣ, прочтенномъ государю 1 ноября, послѣ указанія на недопустимость сдѣлавшагося извѣстнымъ « всѣмъ слоямъ общества » порядка назначеній министровъ при посредствѣ ужасной среды, окружающей императрицу, говоритъ :

«... Если бы Тебѣ удалось устранить это постоянное вторгательство темныхъ силъ, сразу началось бы возрожденіе Россіи и вернулось бы утраченное Тобою довѣріе громаднаго большинства Твоихъ подданныхъ... Когда время настанетъ, а оно уже не за горами, Ты самъ съ высоты престола можешь даровать желанную отвѣтственность передъ Тобою и законодательными учрежденіями. Это сдѣлается просто, само собой, безъ напора извнѣ и не такъ, какъ совершился достопамятный актъ 17 октября 1905 г. Я долго колебался открыть Тебѣ истину, но послѣ того, что Твоя матушка и Твои обѣ сестры меня убѣдили это сдѣлать, я рѣшился. Ты находишься наканунѣ эры новыхъ волненій, скажу больше, новыхъ покушеній. Повѣрь мнѣ, если я такъ напираю на Твое собственное *освобожденіе* отъ создавшихся оковъ, то я это дѣлаю не изъ личныхъ побужденій... а только ради надежды спасти Тебя, Твой престолъ и нашу дорогую родину отъ самыхъ тяжкихъ и непоправимыхъ послѣдствій ».

Но никакія представленія не дѣйствовали.

Въ составъ образовавшихся кружковъ входили нѣкоторые

члены правыхъ и либеральныхъ круговъ Государственной Думы, прогрессивнаго блока, члены императорской фамиліи и офицерство. Активнымъ дѣйствіямъ должно было предшествовать послѣднее обращеніе къ государю одного изъ великихъ князей... Въ случаѣ неуспѣха, въ первой половинѣ марта предполагалось вооруженной силой остановить императорскій поѣздъ во время слѣдованія его изъ Ставки въ Петроградъ. Далѣе должно было послѣдовать предложеніе государю отречься отъ престола, а въ случаѣ несогласія, физическое его устраненіе. Наслѣдникомъ предполагался законный правопреемникъ Алексѣй и регентомъ Михаилъ Александровичъ.

Въ то-же время большая группа прогрессивнаго блока, земскихъ и городскихъ дѣятелей, причастная или освѣдомленная о цѣляхъ кружка, имѣла рядъ засѣданій для выясненія вопроса « какую роль должна сыграть послѣ переворота Государственная Дума » [1]). Тогда же былъ намѣченъ и первый составъ кабинета, причемъ выборъ главы его, послѣ обсужденія кандидатуръ М. Родзянко и князя Львова, остановился на послѣднемъ.

Но судьба распорядилась иначе.

Раньше предполагавшагося переворота, началась по опредѣленію Альбера Тома « самая солнечная, самая праздничная, самая безкровная русская революція »...

---

[1]) Милюковъ. « Исторія 2-ой русской революціи ».

ГЛАВА IV.

Революція въ Петроградѣ.

Съ событіями въ Петроградѣ и Ставкѣ я ознакомился только впослѣдствіи. Для послѣдовательности изложенія коснусь ихъ вкратцѣ. Въ телеграммѣ царю членовъ государственнаго совѣта въ ночь на 28 февраля — положеніе опредѣлялось слѣдующимъ образомъ :

« Вслѣдствіе полнаго разстройства транспорта и отсутствія подвоза необходимыхъ матеріаловъ, остановились заводы и фабрики. Вынужденная безработица и крайнее обостреніе продовольственнаго кризиса, вызваннаго тѣмъ-же разстройствомъ транспорта, довели народныя массы до полнаго отчаянія. Это чувство еще обострилось той ненавистью къ правительству и тѣми тяжкими подозрѣніями противъ власти, которыя глубоко запали въ народную душу.

Все это вылилось въ народную смуту стихійной силы, а къ этому движенію присоединяются теперь и войска. Правительство, никогда не пользовавшееся довѣріемъ въ Россіи, окончательно дискредитировано и совершенно безсильно справиться съ грознымъ положеніемъ»...

Находившая благопріятную почву въ общихъ условіяхъ жизни страны подготовка къ революціи прямо или косвенно велась давно. Въ ней приняли участіе самые разнородные элементы : германское правительство, не жалѣвшее средствъ на соціалистическую и пораженческую пропаганду въ Россіи, въ особенности среди петроградскихъ рабочихъ; соціалистическія партіи, организовавшія свои ячейки среди рабочихъ и воинскихъ частей; несомнѣнно и протопоповское министерство, какъ говорили, провоцировавшее уличное выступленіе, чтобы вооруженной силой подавить его и тѣмъ разрядить невыносимо сгущенную атмосферу. Какъ будто всѣ силы — по діаметрально противоположнымъ побужденіямъ, разными путями, различными средствами шли къ одной конечной цѣли...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, прогрессивный блокъ и общественныя организаціи, учитывая неизбѣжность большихъ событій, начали готовиться къ нимъ, а нѣкоторые круги, идейно или персонально близкіе къ указаннымъ организаціямъ, какъ я уже говорилъ, приступили къ подготовкѣ дворцоваго переворота, какъ по-

слѣдняго средства предотвратить надвигающуюся революцію.

Тѣмъ не менѣе, возстаніе все же вспыхнуло стихійно, заставъ всѣхъ врасплохъ. Въ исполнительномъ комитетѣ Петроградскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ впослѣдствіи, около 10 марта [1]) видными членами его по частному поводу были даны разъясненія, что « возстаніе солдатъ произошло независимо отъ рабочихъ, съ которыми солдаты еще наканунѣ переворота никакой связи не имѣли » и что « возстаніе подготовлено не было, почему и не оказалось соотвѣтствующаго органа управленія ».

Что касается думскихъ и общественныхъ круговъ, то они подготовлены были къ перевороту, а не къ революціи и въ ея бушующемъ пламени не могли сохранить душевное равновѣсіе и холодный расчетъ.

Первыя вспышки начались 23 февраля, когда толпы народа запрудили улицы, собирались митинги, и ораторы призывали къ борьбѣ противъ ненавистной власти. Такъ продолжалось до 26-го, когда народное движеніе приняло грандіозные размѣры, и начались кровавыя столкновенія съ полиціей, съ примѣненіемъ ею пулеметовъ.

26-го полученъ былъ указъ объ отсрочкѣ сессіи Государственной Думы, а 27-го утромъ въ засѣданіи Думы рѣшено было не разъѣзжаться изъ Петрограда...

Между тѣмъ, въ тотъ же день утромъ обстановка въ корнѣ измѣнилась, такъ какъ на сторону возставшихъ перешли запасные баталіоны Литовскаго, Волынскаго, Преображенскаго, и сапернаго гвардейскихъ полковъ. Именно запасные баталіоны, такъ какъ настоящіе гвардейскіе полки находились тогда на Юго-западномъ фронтѣ. Эти баталіоны не отличались ни дисциплиной, ни настроеніемъ отъ прочихъ имперскихъ запасныхъ частей.

Командный составъ многихъ частей растерялся, не рѣшилъ сразу основной линіи своего поведенія, и эта двойственность послужила отчасти причиной устраненія его вліянія и власти.

Войска вышли на улицу безъ офицеровъ, слились съ толпой и восприняли ея психологію.

Вооруженная толпа, возбужденная до послѣдней степени, опьяненная свободой, подогрѣваемая уличными ораторами, текла по улицамъ, сметая баррикады, присоединяя къ себѣ все новыя толпы еще колебавшихся...

Безпощадно избивались полицейскіе отряды. Встрѣчавшихся офицеровъ обезоруживали, иногда убивали. Вооруженный народъ овладѣлъ арсеналомъ, Петропавловской крѣпостью, Крестами (тюрьма)...

Въ этотъ рѣшительный день вождей не было, была одна

---

[1]) При посѣщеніи его генераломъ Корниловымъ.

стихія. Въ ея грозномъ теченіи не видѣлось тогда ни цѣли, ни плана, ни лозунговъ. Единственнымъ общимъ выраженіемъ настроенія былъ кличъ : — Да здравствуетъ свобода!

Кто то долженъ былъ овладѣть движеніемъ. И послѣ горячихъ споровъ, послѣ проявленія нѣкоторой растерянности и нерѣшительности эту роль приняла на себя Государственная Дума, выдѣливъ изъ своей среды « Комитетъ Государственной Думы » [1]), который въ такихъ осторожныхъ выраженіяхъ объявилъ 27 февраля о существѣ своего назначенія :

«Временный комитетъ членовъ Государственной Думы при тяжелыхъ условіяхъ внутренней разрухи, вызванной мѣрами стараго правительства, нашелъ себя вынужденнымъ взять въ свои руки возстановленіе государственнаго и общественнаго порядка... Комитетъ выражаетъ увѣренность, что населеніе и армія помогутъ ему въ трудной задачѣ созданія новаго правительства, соотвѣтствующаго желаніямъ населенія и могущаго пользоваться его довѣріемъ ».

Центромъ политической жизни страны стала Дума, которая, несомнѣнно, къ тому времени, послѣ патріотической и національной борьбы ея противъ ненавистнаго народу правительства, послѣ большой и плодотворной работы въ интересахъ арміи, пользовалась широкимъ признаніемъ во всей странѣ и арміи. Никто другой не могъ стать во главѣ движенія. Никто другой не могъ получить такое довѣріе страны и такое быстрое и полное признаніе верховной властью, какъ власть, исходившая изъ нѣдръ Государственной Думы. Это обстоятельство отлично было учтено Петроградскимъ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, который тогда еще не претендовалъ на *оффиціальное* возглавленіе россійскаго правительства. Такое отношеніе *тогда* къ Государственной Думѣ породило иллюзію «всенародности» Временного правительства, ею созданнаго.

Поэтому, наряду съ частями, смѣшавшимися съ вооруженной толпой и громившими все, что слишкомъ рѣзко напоминало старую власть, наряду съ отрядами, оставшимися ей вѣрными и оказавшими сопротивленіе, къ Таврическому дворцу стали подходить войсковыя части съ командирами и офицерами, съ музыкой и знаменами и по всѣмъ правиламъ стараго ритуала привѣтствовали новую власть въ лицѣ предсѣдателя Государственной Думы Родзянко.

Таврическій дворецъ представлялъ изъ себя необыкновенную картину : законодатели, сановники, солдаты, рабочіе,

---

[1]) М. В. Родзянко. Н. В. Некрасовъ. А. И. Коноваловъ. И. И. Дмитрюковъ. А. Ф. Керенскій. В. В. Шульгинъ. С. И. Шидловскій. П. Н. Милюковъ. М. А. Карауловъ. В. Н. Львовъ. В. А. Ржевскій. М. С. Чхеидзе, который отказался, предпочитая предсѣдательствованіе въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ. Потомъ вступилъ Б. Энгельгардтъ.

женщины... Палата, военный бивакъ, тюрьма, штабъ, министерства... Сюда стекалось все, искавшее защиты и спасенія, жаждавшее руководства и отвѣта на вставшіе вдругъ недоумѣнные вопросы...

Но въ тотъ-же день 27 февраля изъ стѣнъ Таврическаго дворца вышло объявленіе :

« Граждане! Засѣдающіе въ Государственной Думѣ представители рабочихъ, солдатъ и населенія Петрограда объявляютъ, что первое засѣданіе ихъ представителей состоится сегодня въ 7 час. вечера въ помѣщеніи Государственной Думы. Всѣмъ перешедшимъ на сторону народа войскамъ немедленно избрать своихъ представителей по одному на каждую роту. Заводамъ избрать своихъ депутатовъ по одному на каждую тысячу. Заводы, имѣющіе менѣе тысячи рабочихъ, избираютъ по одному депутату »...

Этотъ фактъ имѣлъ чрезвычайное и роковое вліяніе на весь ходъ послѣдующихъ событій : 1) создалъ параллельно Временному правительству органъ неофиціальной, но, несомнѣнно, болѣе сильной власти Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, борьба съ которымъ оказалась не подъ силу правительству; 2) придалъ политическому перевороту и буржуазной революціи организованныя формы и характеръ революціи соціальной, которая была немыслима при современномъ состояніи страны и не могла пройти безъ страшныхъ потрясеній въ періодъ тяжелой внѣшней войны; 3) установилъ тѣсную связь между тяготѣвшимъ къ большевизму и пораженчеству Совѣтомъ и арміей, что внесло въ нее постоянный бродящій ферментъ, приведшій къ разложенію.

И когда войска стройными рядами, съ командирами и офицерами, дефилировали мимо Таврическаго дворца, это была лишь показная внѣшность. Связь между офицерствомъ и солдатами была уже въ корнѣ нарушена, дисциплина подорвана, и съ тѣхъ поръ войска петроградскаго округа до послѣднихъ своихъ дней представляли опричину, тяготѣвшую своей грубой и темной силой надъ Временнымъ правительствомъ. Впослѣдствіи всѣ усилія Гучкова, Корнилова и Ставки повліять на нихъ или вывести на фронтъ остались тщетными, встрѣчая рѣзкое сопротивленіе Совѣта.

Временами среди войсковыхъ частей вспыхивало вновь сильное броженіе, иногда форменный военный бунтъ. Члены Думы разъѣзжали по казармамъ успокаивать войска. Попытка Гучкова совмѣстно съ ген. Потаповымъ и княземъ Вяземскимъ водворить порядокъ въ Измайловскомъ полку завершилась печально : измайловцы и петроградцы открыли огонь, кн. Вяземскій былъ смертельно раненъ, а спутники его пробились съ большимъ трудомъ. По свидѣтельству Потапова, бывшаго предсѣдателя военной комиссіи, вѣдавшей внѣшней обороной

Петрограда, къ 3-му марта полки пришли въ полное разстройство. « Только 176 полкъ сохранялъ еще порядокъ и занялъ Царскосельскій вокзалъ; Балтійскій же и Варшавскій вокзалы и впереди лежащія позиціи, въ ожиданіи подходившихъ съ фронта эшелоновъ, были заняты почти исключительно офицерскими командами. Тѣ-же офицеры пробивались навстрѣчу, направленнымъ войскамъ и смѣло среди нихъ разъясняли происходившія событія; чѣмъ много содѣйствовали общему успѣху и предотвратили кровопролитіе ».

Фактически къ Петрограду подходили, главнымъ образомъ по собственной инціативѣ, войсковыя части изъ его окрестностей, вливавшіяся затѣмъ въ составъ гарнизона.

Офицерство несомнѣнно переживало тяжелую драму, ставъ между вѣрностью присягѣ, недовѣріемъ и враждебностью солдатъ и велѣніемъ цѣлесообразности. Часть офицеровъ, очень небольшая, оказала вооруженное противодѣйствіе возстанію и въ большинствѣ погибла, часть уклонилась отъ фактическаго участія въ событіяхъ, но большая часть въ рядахъ полковъ, сохранившихъ относительный порядокъ, въ лицѣ Государственной Думы искала разрѣшенія вопросовъ мятущейся совѣсти.

Большое собраніе офицеровъ, находившихся въ Петроградѣ, 1 марта вынесло постановленіе : « идя рука объ руку съ народомъ... признавая, что для побѣдоноснаго окончанія войны необходима скорѣйшая организація порядка и дружная работа въ тылу, единогласно постановили признать власть исполнительнаго комитета Государственной Думы впредь до созыва Учредительнаго Собранія ».

***

Безудержная вакханалія, какой-то садизмъ власти, который проявляли смѣнявшіеся одинъ за другимъ правители распутинскаго назначенія, къ началу 1917 года привели къ тому, что въ государствѣ не было ни одной политической партіи, ни одного сословія, ни одного класса, на которое могло-бы опереться царское правительство. Врагомъ народа его считали всѣ : Пуришкевичъ и Чхеидзе, объединенное дворянство и рабочія группы, великіе князья и сколько-нибудь образованные солдаты.

Въ мои намѣренія не входитъ изслѣдованіе дѣятельности правительства, приведшей къ революціи, и борьбы его съ народомъ и представительными учрежденіями. Я суммирую лишь тѣ обвиненія, которыя справедливо предъявлены были ему наканунѣ паденія Государственной Думой.

Всѣ государственныя, сословныя и общественныя учрежденія — Государственный Совѣтъ, Государственная Дума, дво-

рянство, земство, городское самоуправленіе и объединеніе — были взяты подъ подозрѣніе въ неблагонадежности, и правительство вело съ ними формальную борьбу, парализуя всякую ихъ государственную и общественную работу.

Безправіе и сыскъ доведены были до небывалой еще степени. Русскій независимый судъ подчиненъ былъ « требованіямъ политическаго момента ».

Въ то время, какъ въ союзныхъ странахъ вся общественность приняла горячее участіе въ работѣ на оборону страны, у насъ эта помощь презрительно отверглась, и работа велась неумѣлыми, иногда, преступными руками, вызвавъ фатальныя явленія сухомлиновщины и протопоповщины. Военно-промышленный комитетъ, оказавшій дѣлу снабженія арміи большія услуги, систематически разрушался. Незадолго до революціи рабочая группа его была безъ причины арестована, что едва не вызвало кровавыхъ безпорядковъ въ столицѣ.

Правительственными мѣропріятіями, при отсутствіи общественной организаціи, разстраивалась промышленная жизнь страны, транспортъ, исчезало топливо. Правительство оказалось безсильно и неумѣло въ борьбѣ съ этой разрухой, одной изъ причинъ которой были несомнѣнно и эгоистическія, иногда хищническія устремленія торгово-промышленниковъ.

Деревня была обездолена. Рядъ тяжкихъ мобилизацій безъ какихъ либо льготъ и изъятій, которыя предоставлялись другимъ классамъ, работавшимъ на оборону, отняли у нея рабочія руки. А неустойчивость твердыхъ цѣнъ, съ поправками, внесенными въ пользу крупнаго землевладѣнія — въ началѣ, и затѣмъ злоупотребленіе въ системѣ разверстки хлѣбной повинности, при отсутствіи товарообмѣна съ городомъ, привели къ прекращенію подвоза хлѣба, голоду въ городѣ и репрессіямъ въ деревнѣ.

Служилый классъ, вслѣдствіе огромнаго поднятія цѣнъ и необезпеченности, бѣдствовалъ и ропталъ.

Назначенія министровъ поражали своей неожиданностью и казались издѣвательствомъ. Страна устами Государственной Думы и лучшихъ людей требовала отвѣтственнаго министерства. Этотъ минимумъ политическихъ чаяній русскаго общества еще утромъ 27 февраля считался Государственной Думой достаточнымъ, чтобы задержать « послѣдній часъ, когда рѣшалась судьба Родины и династіи »... [1])

Общественная мысль и печать были задушены. Широко раздвинувшая предѣлы своего вѣдѣнія военная цензура внутреннихъ округовъ (въ томъ числѣ Московскаго и Петроградскаго) была неуязвимой, скрываясь за военное положеніе, въ которомъ находились эти округа, и за статьи 93 и 441 положенія

---

[1]) Телеграмма Родзянко Государю.

о полевомъ управленіи войскъ, въ силу которыхъ отъ командующихъ и главнокомандующихъ « никакое правительственное мѣсто, учрежденіе или лицо въ имперіи не могутъ требовать отчетовъ ». Общая цензура не уступала въ удушеніи. Въ одномъ изъ засѣданій Думы обсуждался такой поразительный фактъ. Когда въ февралѣ 1917 года, не безъ участія нѣмецкой руки, начало распространяться по заводамъ забастовочное движеніе, члены рабочей группы военно промышленнаго комитета составили воззваніе :

« Товарищи рабочіе Петрограда! Считаемъ своимъ долгомъ обратиться къ вамъ съ настоящимъ предложеніемъ немедленно приступить къ работамъ. Рабочій классъ, въ сознаніи своей отвѣтственности переживаемаго момента, не долженъ ослаблять своихъ силъ затягиваніемъ забастовки. Интересы рабочаго класса зовутъ васъ къ станкамъ ».

Это воззваніе, не взирая на обращеніе Гучкова[1]) къ министру внутреннихъ дѣлъ и къ главному цензору, дважды было снято съ печатныхъ станковъ и пропущено не было...

Если въ государственной дѣятельности павшаго правительства въ области хозяйственно-экономической — подлежитъ изслѣдованію и выясненію вопросъ, что должно быть отнесено за счетъ дѣятелей и системы, и что за счетъ непреодолимыхъ условій потрясеннаго міровой войной организма страны, то удушеніе совѣсти, мысли, духа народнаго и общественной инициативы — не найдетъ оправданія.

Неудивительно поэтому, что Москва и провинція присоединились почти безъ борьбы къ перевороту. Внѣ Петрограда, гдѣ, за многими исключеніями, не было той жути отъ кровавыхъ столкновеній и безчинства опьянѣлой толпы, переворотъ былъ встрѣченъ еще съ большимъ удовлетвореніемъ, даже ликованіемъ. И не только революціонной демократіей, но и просто демократіей, буржуазіей и служилымъ элементомъ. Небывалое оживленіе, тысячныя толпы народа, возбужденныя лица, возбужденныя рѣчи, радость освобожденія отъ висѣвшаго надъ всѣми тяжелаго маразма, свѣтлыя надежды на будущее Россіи и, наконецъ, повисшее въ воздухѣ, воспроизводимое въ рѣчи, въ начертаніяхъ, въ образахъ, музыкѣ, пѣніи, волнующее — тогда еще не забрызганное пошлостью, грязью и кровью — слово :

— Свобода!

« Эта революція — единственная въ своемъ родѣ » — писалъ князь Евгеній Трубецкой. — Бывали революціи буржуазныя, бывали и пролетарскія, но революціи національной въ такомъ широкомъ значеніи слова, какъ нынѣшняя, русская, доселѣ не было на свѣтѣ. Всѣ участвовали въ этой революціи,

---

[1]) Предсѣдатель комитета.

всѣ ее дѣлали — и пролетаріатъ и войска, и буржуазія, даже дворянство... всѣ вообще живыя общественныя силы страны... Только бы это объединеніе сохранилось»...

Въ этихъ словахъ отразились чаянія и тревоги русской интеллигенціи, но не печальная русская дѣйствительность. И кровавые бунты въ Гельсингфорсѣ, Кронштадтѣ, Ревелѣ, гибель адмирала Непенина и многихъ офицеровъ служили первымъ предостереженіемъ для оптимистовъ...

***

Жертвы первыхъ дней революціи въ столицѣ были не велики: регистрація Всероссійскаго союза городовъ опредѣлила ихъ для Петрограда общимъ числомъ убитыхъ и раненыхъ въ 1.443, въ томъ числѣ воинскихъ чиновъ 869 (офицеровъ 60). Конечно много раненыхъ избѣгло учета.

Однако, положеніе Петрограда, выбитаго изъ колеи, насыщеннаго горючимъ матеріаломъ и вооруженными людьми, долго еще было крайне неопредѣленнымъ и напряженнымъ.

Отъ членовъ Государственной Думы и правительства, впослѣдствіи я слышалъ, что вѣсы сильно колебались, и они все время чувствовали себя сидящими на бочкѣ съ порохомъ, который ежеминутно могъ вспыхнуть и уничтожить ихъ всѣхъ и создаваемое ими государственное зданіе.

Товарищъ предсѣдателя Совѣта р. и с. д., Скобелевъ говорилъ журналистамъ: «долженъ сознаться, что когда я въ началѣ революціи вышелъ на крыльцо Таврическаго дворца, чтобы встрѣтить кучку солдатъ, пришедшихъ первыми въ Государственную Думу, и обратился къ нимъ съ рѣчью, я былъ почти убѣжденъ, что я говорю одну изъ своихъ послѣднихъ рѣчей, что пройдетъ нѣсколько дней и я буду разстрѣлянъ или повѣшенъ».

А нѣсколько офицеровъ — участниковъ событій увѣряли меня, что растерянность и всеобщее непониманіе положенія въ столицѣ были такъ велики, что *одинъ твердый баталіонъ*, во главѣ съ начальникомъ, понимающимъ чего онъ хочетъ, могъ повернуть вверхъ дномъ всю обстановку.

Какъ бы то ни было, 2 марта Временный комитетъ членовъ Государственной Думы объявилъ о созданіи Временнаго правительства [1]), которое, послѣ длительныхъ переговоровъ съ параллельнымъ органомъ «демократической власти» — Совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, издало декларацію:

1) «Полная и немедленная амнистія по всѣмъ дѣламъ политическимъ и религіознымъ, въ томъ числѣ террористическимъ

---

[1]) Князь Львовъ, Милюковъ, Гучковъ, Коноваловъ, Мануиловъ, Терещенко, Львовъ, Шингаревъ, Годневъ, Керенскій.

покушеніямъ, военнымъ возстаніямъ, аграрнымъ преступленіямъ и т. д.

2) Свобода слова, печати, союзовъ, собраній и стачекъ, съ распространеніемъ политическихъ свободъ на военно-служащихъ въ предѣлахъ, допускаемыхъ военно-техническими условіями.

3) Отмѣна всѣхъ сословныхъ, вѣроисповѣдныхъ и національныхъ ограниченій.

4) Немедленная подготовка къ созыву на началахъ всеобщаго равнаго, прямого и тайнаго голосованія Учредительнаго Собранія, которое установитъ форму правленія и конституцію страны.

5) Замѣна полиціи народной милиціей съ выборнымъ начальствомъ, подчиненнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія.

6) Выборы въ органы мѣстнаго самоуправленія на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія.

7) Не разоруженіе и не выводъ изъ Петрограда воинскихъ частей, принимавшихъ участіе въ революціонномъ движеніи.

8) При сохраненіи воинской дисциплины въ строю и при несеніи военной службы — устраненіе для солдатъ всѣхъ ограниченій въ пользованіи общественными правами, предоставленными всѣмъ остальнымъ гражданамъ.

Временное правительство считаетъ своимъ долгомъ присовокупить, что оно отнюдь не намѣрено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедленія по осуществленію вышеизложенныхъ реформъ и мѣропріятій ».

Эта декларація носила слишкомъ явные слѣды давленія « параллельной » власти. Послѣдняя въ свою очередь издала воззваніе, въ которомъ, между прочимъ, говорилось : « ... въ той мѣрѣ, въ какой зарождающаяся власть будетъ дѣйствовать въ направленіи осуществленія этихъ обязательствъ и рѣшительной борьбы со старой властью, демократія должна оказать ей свою поддержку » и далѣе : « ради успѣха революціонной борьбы надо проявить терпимость и забвеніе несущественныхъ проступковъ противъ демократіи тѣхъ офицеровъ, которые присоединились къ той рѣшительной и окончательной борьбѣ, которую вы ведете со старымъ режимомъ ».

Какъ извѣстно, той-же демократической властью наканунѣ былъ изданъ приказъ № 1.

« Я часто мечталъ объ этой революціи, которая должна была облегчить тяготы нашей войны — говоритъ Людендорфъ [1]) Вѣчная химера! Но сегодня мечта вдругъ исполнилась непредвидѣнно. Я почувствовалъ, что съ меня спала очень большая

---

[1]) « Mes souvenirs de Guerre ».

Присяга.

Стр. 68.

тяжесть. Но я не могъ предположить, что она станетъ могилой для нашего могущества ».

Важнѣйшій дѣятель Германіи—страны, такъ много поработавшей для отравленія души русскаго народа, пришелъ къ позднему сознанію, что « наше моральное паденіе началось съ началомъ русской революціи »...

ГЛАВА V.

Революція и царская семья.

Государь — одинокій, безъ семьи, безъ близкихъ, не имѣя возлѣ себя ни одного человѣка, которому могъ или хотѣлъ довѣриться, переживалъ свою тяжелую драму въ старомъ губернаторскомъ домѣ въ Могилевѣ.

Вначалѣ Протопоповъ и правительство представляли положеніе серьезнымъ, но не угрожающимъ : народныя волненія, которыя надо подавить « рѣшительными мѣрами ». Нѣсколько сотъ пулеметовъ были предоставлены въ распоряженіе командовавшаго войсками петроградскаго округа генерала Хабалова; ему и предсѣдателю совѣта министровъ, князю Голицину, расширены значительно права въ области подавленія безпорядковъ; наконецъ, утромъ 27 съ небольшимъ отрядомъ двинутъ генералъ Ивановъ, съ секретными полномочіями — полноты военной и гражданской власти, о которой онъ долженъ былъ объявить по занятіи Царскаго села. Трудно себѣ представить болѣе неподходящее лицо для выполненія порученія столь огромной важности — по существу — военной диктатуры. Дряхлый старикъ, честный солдатъ, плохо разбиравшійся въ политической обстановкѣ, не обладавшій уже ни силами, ни энергіей, ни волей, ни суровостью... Вѣроятно вспомнили удачное усмиреніе имъ Кронштадта въ 1906 году.

Просматривая впослѣдствіи послѣднія донесенія Хабалова и Бѣляева [1]), я убѣдился въ полной ихъ растерянности, малодушіи и боязни отвѣтственности.

Тучи сгущались.

26 февраля императрица телеграфировала государю : «Я очень встревожена положеніемъ въ городѣ »... Въ этотъ же день Родзянко прислалъ историческую телеграмму : « Положеніе серьезное. Въ столицѣ анархія. Правительство парализовано. Транспортъ, продовольствіе и топливо пришли въ полное разстройство. Растетъ общее недовольство. На улицахъ происходитъ безпорядочная стрѣльба. Части войскъ стрѣляютъ

---

[1]) Военный министръ.

другъ въ друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся довѣріемъ страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедленіе смерти подобно. Молю Бога, чтобы въ этотъ часъ отвѣтственность не пала на вѣнценосца». Эта телеграмма послана была Родзянко и всѣмъ главнокомандующимъ, съ просьбой поддержать его.

27-го утромъ предсѣдатель Думы обратился къ государю съ новой телеграммой: «Положеніе ухудшается, надо принять немедленно мѣры, ибо завтра будетъ уже поздно. Насталъ послѣдній часъ, когда рѣшается судьба родины и династіи».

Трудно думать, что и въ этотъ день государь не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ катастрофическомъ положеніи; вѣрнѣе, онъ — слабовольный и нерѣшительный человѣкъ — искалъ малѣйшаго предлога, чтобы отдалить часъ рѣшенія, фаталистически предоставляя судьбѣ творить невѣдомую волю...

Во всякомъ случаѣ, новое внушительное представленіе генерала Алексѣева, поддержанное отвѣтными телеграммами главнокомандующихъ на призывъ Родзянко, не имѣло успѣха, и государь, обезпокоенный участью своей семьи, утромъ 28 февраля поѣхалъ въ Царское село, не принявъ никакого опредѣленнаго рѣшенія по вопросу объ уступкахъ русскому народу

Генералъ Алексѣевъ — этотъ мудрый и честный патріотъ — не обладалъ достаточной твердостью, властностью и вліяніемъ, чтобы заставить государя рѣшиться на тотъ шагъ, необходимость котораго сознавалась тогда даже императрицей, телеграфировавшей 27-го : « уступки необходимы ».

Два дня безцѣльной поѣздки. Два дня безъ надлежащей связи, освѣдомленности о нароставшихъ и измѣнявшихся ежеминутно событіяхъ... Императорскій поѣздъ, слѣдуя кружнымъ путемъ, распоряженіемъ изъ Петрограда дальше Вишеры пропущенъ не былъ и, послѣ полученія ряда свѣдѣній о признаніи гарнизономъ Петрограда власти Временнаго комитета Государственной Думы, о присоединеніи къ революціи царскосельскихъ войскъ, — государь велѣлъ повернуть на Псковъ.

Вечеромъ 1 марта въ Псковѣ. Разговоръ съ генераломъ Рузскимъ; государь ознакомился съ положеніемъ, но рѣшенія не принялъ. Только въ 2 часа ночи 2-го, вызвавъ Рузскаго вновь, онъ вручилъ ему указъ объ отвѣтственномъ министерствѣ. « Я зналъ, что этотъ компромиссъ запоздалъ » — разсказывалъ Рузскій корреспонденту — « но я не имѣлъ права высказать свое мнѣніе, не получивъ указаній отъ исполнительнаго комитета Государственной Думы, и предложилъ переговорить съ Родзянко » [1]).

Всю ночь телеграфные провода передавали разговоры, полные жуткаго глубокаго интереса и рѣшавшіе судьбы страны:

---

1) Chessin. La revolution russe.

Рузскій съ Родзянко и Алексѣевымъ, Ставка съ главнокомандующими, Лукомскій [1]) — съ Даниловымъ [2]).

Во всѣхъ — ясно сознаваемая неизбѣжность *отреченія*.

Утромъ 2-го Рузскій представилъ государю мнѣнія Родзянко и военныхъ вождей. Императоръ выслушалъ совершенно спокойно, не мѣняя выраженія своего какъ будто застывшаго лица; въ 3 часа дня онъ заявилъ Рузскому, что актъ отреченія въ пользу своего сына имъ уже подписанъ [3]) и передалъ телеграмму объ отреченіи.

Если вѣрить въ закономѣрность общаго историческаго процесса, то все же приходится задуматься надъ фаталистическимъ вліяніемъ случайныхъ эпизодовъ — обыденно-житейскихъ, простыхъ и предотвратимыхъ. *Тридцать минутъ*, протекшія вслѣдъ за симъ, измѣнили въ корнѣ ходъ событій : не успѣли разослать телеграмму, какъ пришло сообщеніе, что въ Псковъ ѣдутъ делегаты Комитета Государственной Думы, Гучковъ и Шульгинъ... Этого обстоятельства, доложеннаго Рузскимъ государю, было достаточно, чтобы онъ вновь отложилъ рѣшеніе и задержалъ опубликованіе акта.

Вечеромъ прибыли делегаты.

Среди глубокаго молчанія присутствующихъ [4]) Гучковъ нарисовалъ картину той бездны, къ которой подошла страна, и указалъ на единственный выходъ — отреченіе.

— Я вчера и сегодня цѣлый день обдумывалъ и принялъ рѣшеніе отречься отъ престола — отвѣтилъ государь. — До 3 часовъ дня я готовъ былъ пойти на отреченіе въ пользу моего сына, но затѣмъ я понялъ, что разстаться со своимъ сыномъ я неспособенъ. Вы это, надѣюсь, поймете? Поэтому я рѣшилъ отречься въ пользу моего брата.

Делегаты, застигнутые врасплохъ такой неожиданной постановкой вопроса, не протестовали. Гучковъ — по мотивамъ сердца — « не чувствуя себя въ силахъ вмѣшиваться въ отцовскія чувства и считая невозможнымъ въ этой области какое-нибудь давленіе » [5]). Шульгинъ — по мотивамъ политическимъ: «быть можетъ, въ душѣ маленькаго царя будутъ расти недобрыя чувства по отношенію къ людямъ, разлучившимъ его съ отцомъ и матерью; кромѣ того, большой вопросъ, можетъ ли регентъ принести присягу на вѣрность конституціи за малолѣтняго императора!..

« Чувства » маленькаго царя — это былъ вопросъ отдален-

---

[1]) Генералъ-квартирмейстеръ штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

[2]) Начальникъ штаба Сѣвернаго фронта (Рузскаго).

[3]) Актъ былъ составленъ въ Ставкѣ и присланъ государю.

[4]) Фредериксъ, Нарышкинъ, Рузскій, Гучковъ, Шульгинъ.

[5]) Разсказъ В. В. Шульгина.

наго будущаго. Что касается юридическихъ обоснованій, то само существо революціи отрицаетъ юридическую законность ея послѣдствій; слишкомъ шатко было юридическое обоснованіе всѣхъ трехъ актовъ : *вынужденнаго* отреченія императора Николая II, отказа его отъ наслѣдственныхъ правъ за *несовершеннолѣтняго сына* и, наконецъ, впослѣдствіи — передача верховной власти Михаиломъ Александровичемъ — лицомъ, *не воспріявшимъ ее,* — Временному правительству, путемъ подписанія акта, въ которомъ великій князь « просилъ » всѣхъ россійскихъ гражданъ подчиниться этому правительству.

Неудивительно, что « въ общемъ сознаніи современниковъ этого перваго момента, какъ говоритъ Милюковъ, — новая власть, созданная революціей, вела свое преемство не отъ актовъ 2 и 3 марта, а отъ событій 27 февраля »...

Я могу прибавить, что и впослѣдствіи въ сознаніи многихъ лицъ высшаго команднаго состава, ставившихъ на первый планъ спасеніе родины, въ этомъ вопросѣ соображенія юридическаго, партійно-политическаго и династическаго характера не играли никакой роли. Это обстоятельство имѣетъ большое значеніе для уясненія многихъ послѣдующихъ явленій.

Около 12 час. ночи на 3 марта, послѣ нѣкоторыхъ поправокъ, государь вручилъ делегатамъ и Рузскому два экземпляра манифеста объ отреченіи.

. . . .

« Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее нашего дорогого отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца.

Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы, и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совмѣстно со славными нашими союзниками можетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи сочли мы долгомъ совѣсти облегчить народу нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и въ согласіи съ Государственной Думой признали мы за благо отречься отъ престола государства Россійскаго и сложить съ себя верховную власть. Не желая разставаться съ любимымъ сыномъ нашимъ, мы передаемъ наслѣдіе наше брату нашему, великому князю Михаилу Александровичу и благословляемъ его на вступленіе на престолъ государства Россійскаго.

Заповѣдуемъ брату нашему править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единенiи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденiяхъ на тѣхъ началахъ, кои ими будутъ установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу во имя горячо любимой родины.

Призываю всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества къ исполненiю своего святого долга передъ нимъ — повиновенiемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытанiй и помочь ему вмѣстѣ съ представителями народа вывести государство Россiйское на путь побѣды, благоденствiя и славы.

Да поможетъ Господь Богъ Россiи. Николай ».

Поздно ночью поѣздъ уносилъ отрекшагося императора въ Могилевъ. Мертвая тишина, опущенныя шторы и тяжкiя, тяжкiя думы. Никто никогда не узнаетъ, какiя чувства боролись въ душѣ Николая II — отца, монарха и просто человѣка, когда въ Могилевѣ, при свиданiи съ Алексѣевымъ, онъ, глядя на него усталыми, ласковыми глазами, какъ-то нерѣшительно сказалъ :

— *Я передумалъ. Прошу васъ послать эту телеграмму въ Петроградъ.*

На листкѣ бумаги отчетливымъ почеркомъ государь писалъ собственноручно о своемъ согласiи на вступленiе на престолъ сына своего Алексѣя...

Алексѣевъ унесъ телеграмму и... не послалъ. Было слишкомъ поздно : странѣ и армiи объявили уже два манифеста.

Телеграмму эту Алексѣевъ, « чтобы не смущать умы », никому не показывалъ, держалъ въ своемъ бумажникѣ и передалъ мнѣ въ концѣ мая, оставляя верховное командованiе. Этотъ интересный для будущихъ бiографовъ Николая II документъ хранился затѣмъ въ секретномъ пакетѣ въ генералъ-квартирмейстерской части Ставки.

* * *

Между тѣмъ, около полудня 3 марта у великаго князя Михаила Александровича, который съ 27 февраля не имѣлъ связи со Ставкой и государемъ, собрались члены правительства и Временнаго комитета [1]. Въ сущности вопросъ былъ предрѣшенъ и тѣмъ настроенiемъ, которое царило въ Совѣтѣ рабочихъ депутатовъ по полученiи извѣстiя о манифестѣ, и вынесенной исполнительнымъ комитетомъ Совѣта резолюцiей протеста, доведенной до свѣдѣнiя правительства, и непримиримой пози-

---

[1] Князь Львовъ, Милюковъ, Керенскiй, Некрасовъ, Терещенко, Годневъ, Львовъ, Гучковъ, Родзянко, Шульгинъ, Ефремовъ, Карауловъ.

ціей Керенскаго, и общимъ соотношеніемъ силъ : кромѣ Милюкова и Гучкова — всѣ прочія лица, «отнюдь не имѣя никакого намѣренія оказывать на великаго князя какое-либо давленіе», въ страстныхъ тонахъ совѣтовали ему отречься. Милюковъ предостерегалъ, что «сильная власть... нуждается въ опорѣ привычнаго для массъ символа», что «Временное правительство—одно — можетъ потонуть въ океанѣ народныхъ волненій и до Учредительнаго собранія не доживетъ» [1])...

Переговоривъ еще разъ съ предсѣдателемъ Государственной Думы Родзянко, великій князь заявилъ о своемъ окончательномъ рѣшеніи отречься.

Въ тотъ же день обнародовано «заявленіе» великаго князя Михаила Александровича:

«Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшаго мнѣ императорскій всероссійскій престолъ въ годину безпримѣрной войны и волненій народа.

Одушевленный со всѣмъ народомъ мыслью, что выше всего благо родины нашей, принялъ я твердое рѣшеніе въ томъ лишь случаѣ воспринять верховную власть, если такова будетъ воля великаго народа нашего, которому и надлежитъ всенароднымъ голосованіемъ черезъ представителей своихъ въ Учредительномъ собраніи установить образъ правленія и новые основные законы государства Россійскаго.

Призывая благословеніе Божіе, прошу всѣхъ гражданъ державы россійской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти впредь до того, какъ созванное въ возможно кратчайшій срокъ, на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія Учредительное Собраніе своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразитъ волю народа.

Михаилъ».

Послѣ отреченія великій князь поселился возлѣ Гатчины, не принималъ рѣшительно никакого участія въ политической жизни страны и жилъ тамъ до середины марта 1918 г., когда по иниціативѣ мѣстнаго большевистскаго комитета былъ арестованъ, препровожденъ въ Петроградъ и затѣмъ вскорѣ сосланъ въ Пермскую губернію.

Первоначально ходили слухи, что около половины іюля 1918 года ему, вмѣстѣ съ преданнымъ секретаремъ-англичаниномъ, удалось бѣжать отъ большевиковъ; съ тѣхъ поръ объ участи его никто ничего опредѣленнаго не знаетъ. Всѣ розыски, произведенные органами Южнаго и Сибирскаго правительствъ и по иниціативѣ вдовствующей императрицы не привели къ достовѣрнымъ результатамъ. Точно также со стороны больше-

---

[1]) Милюковъ. «Исторія второй русской революціи».

виковъ не было дано никакихъ официіальныхъ разъясненій. Позднѣйшіе изслѣдованія, однако, заставляютъ думать, что «освобожденіе» явилось провокаціей, великій князь увезенъ былъ тайно большевиками, убитъ недалеко отъ Перми, и тѣло его спущено подъ ледъ.

Эта таинственность исчезновенія великаго князя родила много легендъ и вызвала даже появленіе въ Сибири самозванцевъ. Лѣтомъ 1918 года, ко времени первыхъ успѣховъ Сибирской арміи распространился широко по совѣтской Россіи и Югу слухъ о томъ, что сибирскія войска ведетъ противъ большевиковъ великій князь Михаилъ Александровичъ. Газеты печатали его манифестъ. Періодически эти слухи и печатаніе апокрифическихъ манифестовъ въ провинціальной печати, преимущественно крайней правой, возобновлялись даже въ 20-мъ году (въ Крыму).

Нужно замѣтить, впрочемъ, что когда лѣтомъ 1918 года кіевскіе монархисты вели сильную кампанію за приданіе антибольшевистскому военному движенію монархическаго характера, они отказались отъ легитимнаго принципа, какъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, персональнаго свойства кандидатовъ, такъ — въ отношеніи Михаила Александровича — и потому, что онъ «связалъ себя» торжественнымъ обѣщаніемъ передъ Учредительнымъ Собраніемъ.

Учитывая всю создавшуюся къ марту 1917 года обстановку, я прихожу къ убѣжденію, что борьба за оставленіе власти въ рукахъ императора Николая II вызвала бы анархію, паденіе фронта и окончилась бы неблагополучно и для него, и для страны; поддержка регентства Михаила Александровича была бы проведена съ нѣкоторой борьбой, но безъ потрясеній и съ безусловнымъ успѣхомъ. Нѣсколько труднѣе, и все же возможнымъ представлялось утвержденіе на престолѣ Михаила Александровича, при условіи введенія имъ широкой конституціи.

И члены Временного правительства и Временнаго комитета, за исключеніемъ Милюкова и Гучкова, терроризованные Совѣтомъ рабочихъ депутатовъ и переоцѣнивая силу и значеніе возбужденной солдатской и рабочей массы Петрограда, взяли на себя большую историческую отвѣтственность — убѣдить великаго князя отказаться отъ немедленнаго воспріятія верховной власти.

Дѣло не въ монархизмѣ и не въ династіи. Это — вопросы совершенно второстепенные. Я говорю только о Россіи.

Трудно, конечно, сказать, насколько прочна и длительна была бы эта власть, какія метаморфозы испытала бы она впослѣдствіи, но, если бы только на время войны она сберегла отъ распада армію, весь ходъ дальнѣйшей исторіи русской державы могъ бы стать на путь эволюціи и избавиться отъ тѣхъ

небывалыхъ потрясенiй, которыя нынѣ ставятъ вопросъ о дальнѣйшемъ ея существованiи.

***

7 марта Временное правительство постановило « признать отрекшагося императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшагося императора въ Царское Село ». Выполненiе этого постановленiя въ отношенiи императрицы возложено было на генерала Корнилова, что впослѣдствiи не могли ему простить ортодоксальные монархисты. Какъ странно : Александра Федоровна послѣ объявленiя ей объ арестѣ, высказала удовлетворенiе, что это было сдѣлано славнымъ генераломъ Корниловымъ, а не кѣмъ либо изъ членовъ новаго правительства...

Въ отношенiи государя исполненiе правительственнаго распоряженiя возложено было на четырехъ членовъ Государственной Думы.

8 марта, простившись со Ставкой, государь уѣхалъ изъ Могилева при гробовомъ молчанiи собравшагося на вокзалѣ народа; въ послѣднiй разъ его провожали полные горючихъ слезъ глаза матери.

Чтобы понять казавшееся страннымъ отношенiе правительства къ государевой семьѣ во время пребыванiя ея и въ Царскомъ Селѣ, и въ Тобольскѣ, нужно напомнить слѣдующее обстоятельство : не взирая на то, что за всѣ 7 съ половиной мѣсяцевъ власти Временнаго правительства не было ни одной серьезной попытки къ освобожденiю арестованныхъ, они пользовались исключительнымъ вниманiемъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ; и въ засѣданiи Совѣта 10 марта товарищъ предсѣдателя Соколовъ при полномъ одобренiи собранiя докладывалъ : « вчера стало извѣстнымъ, что Временное правительство изъявило согласiе на отъѣздъ Николая II въ Англiю и даже вступило объ этомъ въ переговоры съ британскими властями безъ согласiя и безъ вѣдома исполнительнаго комитета совѣта рабочихъ депутатовъ. Мы мобилизовали всѣ находящiяся подъ нашимъ влiянiемъ воинскiя части и поставили дѣло такъ, чтобы Николай II фактически не могъ уѣхать изъ Царскаго Села безъ нашего согласiя. По линiямъ желѣзныхъ дорогъ были разосланы соотвѣтствующiя телеграммы... задержать поѣздъ съ Николаемъ II, буде таковой уѣдетъ... Мы командировали своихъ комиссаровъ... отрядивъ соотвѣтствующее количество воинской силы съ броневыми автомобилями и окружили Александровскiй дворецъ плотнымъ кольцомъ. Затѣмъ мы вступили въ переговоры съ Временнымъ правительствомъ, которое санкцiонировало всѣ наши мѣропрiятiя. Въ настоящее

время бывшій царь находится не только подъ надзоромъ Временнаго правительства, но и нашимъ надзоромъ »...

1 августа 1917 года царская семья была отправлена въ Тобольскъ, а послѣ утвержденія въ Сибири совѣтской власти императоръ съ семьей былъ перевезенъ въ Екатеринбургъ, и тамъ, подвергаясь невѣроятному глумленію черни, мученіями и смертью своею и своей семьи [1]) — заплатилъ за всѣ вольныя и невольныя прегрѣшенія противъ русскаго народа.

Когда во время второго Кубанскаго похода, на станціи Тихорѣцкой, получивъ извѣстіе о смерти императора, я приказалъ Добровольческой арміи отслужить панихиды, этотъ фактъ вызвалъ жестокое осужденіе въ демократическихъ кругахъ и печати...

Забыли мудрое слово : « мнѣ отмщеніе и азъ воздамъ »...

---

1) Убійство произошло въ ночь съ 16 на 17 іюля 1918 года.

ГЛАВА VI.

Революція и армія. — Приказъ № 1.

Событія застали меня далеко отъ столицы, въ Румыніи, гдѣ я командовалъ 8-мъ армейскимъ корпусомъ. Оторванные отъ родины, мы, если и чувствовали извѣстную напряженность политической атмосферы, то не были подготовлены вовсе ни къ такой неожиданно скорой развязкѣ, ни къ тѣмъ формамъ, которыя она приняла.

Фронтъ былъ поглощенъ своими частными интересами и заботами. Готовились къ зимнему наступленію, которое вызывало совершенно отрицательное отношеніе къ себѣ у всего команднаго состава нашей 4-ой арміи; употребляли всѣ усилія, чтобы ослабить до нѣкоторой хотя бы степени ту ужасную хозяйственную разруху, которую создали намъ румынскіе пути сообщенія. Гдѣ-то, въ Новороссіи, на нашей базѣ всего было достаточно, но до насъ ничего не доходило. Лошади дохли отъ безкормицы, люди мерзли безъ сапогъ и теплаго бѣлья, и заболѣвали тысячами; изъ нетопленныхъ румынскихъ вагоновъ, неприспособленныхъ подъ больныхъ и раненыхъ, вынимали окоченѣлые трупы и складывали, какъ дрова, на станціонныхъ платформахъ. Молва катилась, преувеличивая отдѣльные эпизоды, волновала, искала виновныхъ...

Мѣстами, въ особенности на фронтѣ 9-ой арміи, на высокихъ горахъ, въ жестокую стужу, въ холодныхъ землянкахъ по недѣлямъ жили на позиціи люди — замерзавшіе, полуголодные ; съ огромнымъ трудомъ по козьимъ тропамъ доставляли имъ хлѣбъ и консервы.

Потомъ съ большимъ трудомъ жизнь какъ будто немного наладилась. Во всякомъ случаѣ, едва-ли когда-нибудь въ теченіе отечественной войны, войскамъ приходилось жить въ такихъ тяжкихъ условіяхъ, какъ на Румынскомъ фронтѣ зимою 1916-17 года. Я подчеркиваю это обстоятельство, принимая во вниманіе, что войска Румынскаго фронта сохранили большую боеспособность и развалились впослѣдствіи позже всѣхъ. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, что со временъ Суворовскаго швейцарскаго похода и Севастополя не измѣнилась необык-

новенная выносливость русской арміи, что тяжесть боевой жизни не имѣла значенія въ вопросѣ о моральномъ ея состояніи и что растлѣніе шло въ строгой послѣдовательности отъ центра (Петрограда) къ периферіямъ.

Утромъ 3-го марта мнѣ подали телеграмму изъ штаба арміи « для личнаго свѣдѣнія » о томъ, что въ Петроградѣ вспыхнуло возстаніе, что власть перешла къ Государственной Думѣ и что ожидается опубликованіе важныхъ государственныхъ актовъ. Черезъ нѣсколько часовъ телеграфъ передалъ и манифесты императора Николая II и великаго князя Михаила Александровича. Сначала было приказано распространить ихъ, потомъ, къ немалому моему смущенію (телефоны разнесли уже вѣсть), задержать, потомъ, наконецъ, снова — распространить. Эти колебанія, повидимому, были вызваны переговорами Временнаго комитета Государственной Думы и штаба Сѣвернаго фронта о задержкѣ опубликованія актовъ, ввиду неожиданнаго измѣненія государемъ основной ихъ идеи : наслѣдованіе престола не Алексѣемъ Николаевичемъ, а Михаиломъ Александровичемъ. Задержать, однако, уже не удалось.

Войска были ошеломлены — трудно опредѣлить другимъ словомъ первое впечатлѣніе, которое произвело опубликованіе манифестовъ. Ни радости, ни горя. Тихое, сосредоточенное молчаніе. Такъ встрѣтили полки 14-ой и 15-й дивизій вѣсть объ отреченіи своего императора. И только мѣстами въ строю непроизвольно колыхались ружья, взятыя на караулъ, и по щекамъ старыхъ солдатъ катились слезы...

Спустя нѣкоторое время, когда улеглось первое впечатлѣніе, я два раза собиралъ старшихъ начальниковъ обѣихъ дивизій съ цѣлью выяснить настроеніе войскъ и бесѣдовалъ съ частями. Эти доклады, личныя впечатлѣнія, донесенія сосѣднихъ корпусовъ, которыя я читалъ потомъ въ штабѣ арміи, даютъ мнѣ возможность оцѣнить объективно это настроеніе. Главнымъ образомъ, конечно, офицерской среды, ибо солдатская масса — слишкомъ темная, чтобы разобраться въ событіяхъ и слишкомъ инертная, чтобы тотчасъ реагировать на нихъ — тогда не вполнѣ еще опредѣлилась.

Чтобы передать точно тогдашнее настроеніе, не преломленное сквозь призму времени, я приведу выдержки изъ своего письма къ близкимъ отъ 8 марта :

« Перевернулась страница исторіи. Первое впечатлѣніе ошеломляющее, благодаря своей полной неожиданности и грандіозности. Но въ общемъ войска отнеслись ко всѣмъ событіямъ совершенно спокойно. Высказываются осторожно, но въ настроеніи массы можно уловить совершенно опредѣленныя теченія :

1) Возвратъ къ прежнему немыслимъ.

2) Страна получитъ государственное устройство, достойное

великаго народа: вѣроятно, конституціонную ограниченную монархію.

3) Конецъ нѣмецкому засилію, и побѣдное продолженіе войны ».

Отреченіе государя сочли неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всей нашей внутренней политики послѣднихъ лѣтъ. Но никакого озлобленія лично противъ него и противъ царской семьи не было. Все было прощено и забыто. Наоборотъ, всѣ интересовались ихъ судьбой и опасались за нее.

Назначеніе Верховнымъ главнокомандующимъ Николая Николаевича и его начальникомъ штаба генерала Алексѣева было встрѣчено и въ офицерской и въ солдатской средѣ вполнѣ благопріятно.

Интересовались, будетъ ли армія представлена въ Учредительномъ Собраніи.

Къ составу Временного правительства отнеслись довольно безучастно, къ назначенію военнымъ министромъ штатскаго человѣка отрицательно, и только участіе его въ работахъ по государственной оборонѣ и близость къ офицерскимъ кругамъ сглаживали впечатлѣніе.

Многимъ кажется удивительнымъ и непонятнымъ тотъ фактъ, что крушеніе вѣкового монархическаго строя не вызвало среди арміи, воспитанной въ его традиціяхъ, не только борьбы, но даже отдѣльныхъ вспышекъ. Что армія не создала своей Вандеи...

Мнѣ извѣстны только три эпизода рѣзкаго протеста : движеніе отряда генерала Иванова на Царское Село, организованное Ставкой въ первые дни волненій въ Петроградѣ, выполненное весьма неумѣло и вскорѣ отмѣненное, и двѣ телеграммы, посланныя государю командирами 3-го коннаго и гвардейскаго коннаго корпусовъ, графомъ Келлеромъ [1]) и ханомъ Нахичеванскимъ. Оба они предлагали себя и свои войска въ распоряженіе государя для подавленія « мятежа »...

Было бы ошибочно думать, что армія являлась вполнѣ подготовленной для воспріятія временной « демократической республики », что въ ней не было « вѣрныхъ частей » и « вѣрныхъ начальниковъ », которые рѣшились бы вступить въ борьбу. Несомнѣнно были. Но сдерживающимъ началомъ для всѣхъ ихъ являлись два обстоятельства : первое — видимая легальность обоихъ актовъ отреченія, причемъ, второй изъ нихъ, призывая подчиниться Временному правительству, « облеченному всей полнотой власти », выбивалъ изъ рукъ монархистовъ всякое оружіе, и второе — боязнь междуусобной войной открыть фронтъ. Армія *тогда* была послушна своимъ вождямъ. А они — генералъ Алексѣевъ, всѣ главнокомандующіе — при-

---

[1]) Убитъ въ Кіевѣ въ 1918 году петлюровцами.

знали новую власть. Вновь назначенный Верховный главнокомандующій, великій князь Николай Николаевичъ, въ первомъ приказѣ своемъ говорилъ : «Установлена власть въ лицѣ новаго правительства. Для пользы нашей родины я, Верховный главнокомандующій, призналъ ее, показавъ тѣмъ примѣръ нашего воинскаго долга. Повелѣваю всѣмъ чинамъ славной нашей арміи и флота неуклонно повиноваться установленному правительству черезъ своихъ прямыхъ начальниковъ. Только тогда Богъ намъ дастъ побѣду ».

***

Время шло.

Отъ частей корпуса стало поступать ко мнѣ множество крупныхъ и мелкихъ недоумѣнныхъ вопросовъ :

Кто-же у насъ представляетъ верховную власть: Временный комитетъ, создавшій Временное правительство, или это послѣднее? Запросилъ, не получилъ отвѣта. Само Временное правительство, повидимому, не отдавало себѣ яснаго отчета о существѣ своей власти.

Кого поминать на богослуженіи?

Пѣть ли народный гимнъ и « спаси Господи люди Твоя »?..

Эти кажущіяся мелочи вносили, однако, нѣкоторое смущеніе въ умы и нарушали установившійся военный обиходъ.

Начальники просили скорѣе установить присягу.

Былъ и такой вопросъ : имѣлъ ли право императоръ Николай Александровичъ отказаться отъ правъ престолонаслѣдія за своего несовершеннолѣтняго сына?..

Скоро, однако, другіе вопросы стали занимать войска : полученъ былъ первый приказъ военнаго министра Гучкова, съ измѣненіями устава внутренней службы въ пользу «демократизаціи арміи». [1]) Этимъ приказомъ, на первый взглядъ довольно безобиднымъ, отмѣнялось титулованіе офицеровъ, обращеніе къ солдатамъ на «ты» и цѣлый рядъ мелкихъ ограниченій, установленныхъ для солдатъ уставомъ — воспрещеніе куренія на улицахъ и въ другихъ общественныхъ мѣстахъ, посѣщенія клубовъ и собраній, игры въ карты и т. д.

Послѣдствія были совершенно неожиданныя для лицъ, не знавшихъ солдатской психологіи. Строевые-же начальники понимали, что, если необходимо устранить нѣкоторыя отжившія формы, то дѣлать это надо исподволь, осторожно, а главное, отнюдь не придавая этому характера «завоеваній революціи»...

Солдатская масса, не вдумавшись нисколько въ смыслъ этихъ мелкихъ измѣненій устава, приняла ихъ просто, какъ

---

[1]) Отъ 5 марта.

освобожденіе отъ стѣснительнаго регламента службы, быта и чинопочитанія.

— Свобода, и кончено!

Впослѣдствіи военному министру, въ приказѣ 24 марта, пришлось разъяснять такія, напримѣръ, положенія: « воинскимъ чинамъ предоставлено право *свободнаго* посѣщенія, наравнѣ со всѣми гражданами, всѣхъ общественныхъ мѣстъ, театровъ, собраній, концертовъ и проч., а также и право проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ въ вагонахъ всѣхъ классовъ. Однако, право *свободы* посѣщенія этихъ мѣстъ отнюдь не означаетъ права безплатнаго пользованія ими, какъ то повидимому понято нѣкоторыми солдатами »...

Нарушеніе дисциплины и неуважительное отношеніе къ начальникамъ усилились. Въ частяхъ, и особенно въ тыловыхъ, начала сильно развиваться карточная игра съ дурными послѣдствіями для солдатъ, имѣвшихъ на рукахъ казенныя деньги или причастныхъ къ хозяйству. Командовавшій 4-ой арміей для прекращенія этого явленія принялъ весьма демократическую мѣру, запретивъ на время войны карточную игру *всѣмъ* — генераламъ, офицерамъ и солдатамъ. Временное правительство только 22 августа 1917 года, обезпокоенное послѣдствіями этого, казалось, мелкаго измѣненія устава въ пользу демократизаціи, сочло себя вынужденнымъ особымъ постановленіемъ « воспретить военнослужащимъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, а также въ казармахъ, дворахъ, военныхъ помѣщеніяхъ и внѣ театра войны — всякую игру въ карты ».

Но если всѣ эти мелкія измѣненія устава, распространительно толкуемыя соладатами, отражались только въ большей или меньшей степени на воинской дисциплинѣ, то разрѣшеніе военнымъ лицамъ во время войны и революціи « участвовать въ качествѣ членовъ въ различныхъ союзахъ и обществахъ, образуемыхъ съ политической цѣлью »... представляло уже угрозу самому существованію арміи.

Ставка, обезпокоенная этимъ обстоятельствомъ, прибѣгнула тогда къ небывалому еще въ арміи способу плебисцита: всѣмъ начальникамъ, до командира полка включительно, предложено было высказаться по поводу новыхъ приказовъ въ телеграммахъ, адресованныхъ непосредственно военному министру. Я не знаю, справился ли телеграфъ со своей задачей, достигла-ли назначенія эта огромная масса телеграммъ, но всѣ тѣ, которыя стали мнѣ извѣстны, были полны осужденія, во всѣхъ сквозилъ страхъ за будущее арміи.

А въ то-же время Военный совѣтъ, состоявшій изъ старшихъ генераловъ — якобы хранителей опыта и традиціи арміи — въ Петроградѣ, въ засѣданіи своемъ 10 марта постановилъ доложить Временному правительству:

« ... Военный совѣтъ считаетъ своимъ долгомъ засвидѣ-

тельствовать полную свою солидарность съ тѣми энергичными мѣрами, которыя Временное правительство принимаетъ въ отношеніи реформъ нашихъ вооруженныхъ силъ, соотвѣтственно новому укладу жизни въ государствѣ и арміи, въ убѣжденіи, что эти реформы наилучшимъ образомъ будутъ способствовать скорѣйшей побѣдѣ нашего оружія и освобожденію Европы отъ гнета прусскаго милитаризма».

Я не могу послѣ этого не войти въ положеніе штатскаго военнаго министра.

Намъ трудно было понять, какими мотивами руководствовалось военное министерство, издавая свои приказы. Мы не знали тогда о безудержномъ оппортунизмѣ лицъ, окружавшихъ военнаго министра, о томъ, что Временное правительство находится въ плѣну у Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и вступило съ нимъ на путь соглашательства, являясь всегда страдательной стороной [1]).

***

1-го марта Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ былъ отданъ приказъ № 1, приведшій къ переходу фактической военной власти къ солдатскимъ комитетамъ, къ выборному началу и смѣнѣ солдатами начальниковъ, — приказъ, имѣющій такую широкую и печальную извѣстность и давшій первый и главный толчокъ къ развалу арміи.

ПРИКАЗЪ № 1.

1 марта 1917 года.

По гарнизону Петроградскаго округа всѣмъ солдатамъ гвардіи, арміи, артиллеріи и флота для немедленнаго и точнаго исполненія, а рабочимъ Петрограда для свѣдѣнія.

Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ постановилъ:

1) Во всѣхъ ротахъ, баталіонахъ, полкахъ, паркахъ, батареяхъ, эскадронахъ и отдѣльныхъ службахъ разнаго рода военныхъ управленій и на судахъ военнаго флота немедленно выбрать комитеты изъ выборныхъ представителей отъ нижнихъ чиновъ вышеуказанныхъ воинскихъ частей.

2) Во всѣхъ воинскихъ частяхъ, которыя еще не выбрали своихъ представителей въ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, избрать по одному представителю отъ ротъ, которымъ и явиться съ письменными удостовѣреніями въ зданіе Государственной Думы къ 10 часамъ утра, 2-го сего марта.

---

1) На съѣздѣ совѣтовъ (30 марта) Церетелли призналъ, что въ контактной комиссіи не было случая, чтобы въ важныхъ вопросахъ Временное правительство не шло на соглашеніе.

Ген. Крымовъ.

Стр. 72.

3) Во всѣхъ своихъ политическихъ выступленіяхъ воинская часть подчиняется Совѣту Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и своимъ комитетамъ.

4) Приказы военной комиссіи Государственной Думы слѣдуетъ исполнять только въ тѣхъ случаяхъ, когда они не противорѣчатъ приказамъ и постановленіямъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

5) Всякаго рода оружіе, какъ-то : винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должно находиться въ распоряженіи и подъ контролемъ ротныхъ и баталіонныхъ комитетовъ и ни въ какомъ случаѣ не выдаваться офицерамъ, даже по ихъ требованіямъ.

6) Въ строю и при отправленіи служебныхъ обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но внѣ службы и строя, въ своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни въ чемъ не могутъ быть умалены въ тѣхъ правахъ, коими пользуются всѣ граждане.

Въ частности, вставаніе во фронтъ и обязательное отдаваніе чести внѣ службы отмѣняется.

7) Равнымъ образомъ отмѣняется титулованіе офицеровъ : ваше превосходительство, благородіе и т. п., и замѣняется обращеніемъ: господинъ генералъ, господинъ полковникъ и т. д.

Грубое обращеніе съ солдатами всякихъ воинскихъ чиновъ и въ частности обращеніе къ нимъ на «ты», воспрещается и о всякомъ нарушеніи сего, равно какъ и о всѣхъ недоразумѣніяхъ между офицерами и солдатами, послѣдніе обязаны доводить до свѣдѣнія ротныхъ комитетовъ.

Петроградскій Совѣтъ
Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Генералъ Монкевицъ увѣряетъ, что приказъ такого-же содержанія онъ читалъ въ 1905 году въ Красноярскѣ, изданный совѣтомъ депутатовъ 3-го желѣзнодорожнаго баталіона [1]). Несомнѣнно приказъ этотъ — штампъ соціалистической мысли, не поднявшейся до пониманія законовъ бытія арміи или, вѣрнѣе, наоборотъ—сознательно ниспровергавшей ихъ. Редактированіе приказа приписываютъ присяжному повѣренному Н. Д. Соколову, который извлекъ, якобы, образецъ его изъ своего архива, какъ бывшій защитникъ по дѣлу совѣта 1905 года. Генералъ Потаповъ называетъ имена составителей приказа № 2, дополнявшаго первый, въ предположеніи, что та-же комиссія редактировала и № 1. [2]).

---

[1]) Монкевицъ. La décomposition de l'armée russe.

[2]) Соколовъ, Доброницкій, Борисовъ, Кудрявцевъ, Филипповскій, Падергинъ, Заасъ, Чекалинъ, Кремковъ.

Милюковъ упоминаетъ о томъ, будто 4 марта рѣшено было расклеить заявленіе Керенскаго и Чхеидзе, что приказъ № 1 не исходитъ отъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Такое заявленіе не попало ни въ печать, ни на фронтъ и совершенно не соотвѣтствовало-бы истинѣ, ибо выпускъ приказа Совѣтомъ не подлежитъ никакому сомнѣнію и подтверждается его руководителями.

Результаты приказа № 1 отлично были поняты вождями революціонной демократіи. Говорятъ, что Керенскій впослѣдствіи патетически заявлялъ, что отдалъ бы десять лѣтъ жизни, чтобы приказъ не былъ подписанъ... Произведенное военными властями разслѣдованіе « не обнаружило » авторовъ его. Чхеидзе и прочіе столпы Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ впослѣдствіи отвергали участіе свое личное и членовъ комитета въ редактированіи приказа.

Пилаты! Они умывали руки, отвергая начертаніе своего же символа вѣры. Ибо въ отчетѣ о секретномъ засѣданіи правительства, главнокомандующихъ и исполнительнаго комитета рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ 4 мая 1917 года записаны ихъ слова. [1]).

Церетелли : « Вамъ, можетъ быть, былъ бы понятенъ приказъ № 1, если бы вы знали обстановку, въ которой онъ былъ изданъ. Передъ нами была неорганизованная толпа и ее надо было организовать »...

Скобелевъ : « Я считаю необходимымъ разъяснить ту обстановку, при которой былъ изданъ приказъ № 1. Въ войскахъ, которыя свергли старый режимъ, командный составъ не присоединился къ возставшимъ и, чтобы лишить его значенія, мы были вынуждены издать приказъ № 1. У насъ была скрытая тревога, какъ отнесется къ революціи фронтъ. Отдаваемыя распоряженія внушали опасенія. Сегодня мы убѣдились, что основанія для этого были ».

Еще болѣе искреннимъ былъ Іосифъ Гольденбергъ, членъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и редакторъ « Новой Жизни ». Онъ говорилъ французскому писателю Claude Anet [2]) :

« Приказъ № 1 — не ошибка, а необходимость. Его редактировалъ не Соколовъ; онъ является единодушнымъ выраженіемъ воли Совѣта. Въ день, когда мы « сдѣлали революцію », мы поняли, что если не развалить старую армію, она раздавитъ революцію. Мы должны были выбирать между арміей и революціей. Мы не колебались : мы приняли рѣшеніе въ пользу послѣдней и употребили — я смѣло утверждаю это — надлежащее средство ».

---

1) См. главу XXII.

2) La révolution russe.

5 марта Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ отдалъ приказъ № 2 « въ разъясненіе и дополненіе № 1 ». Приказъ этотъ, оставляя въ силѣ всѣ основныя положенія, установленныя № I-мъ, добавлялъ : приказъ № 1 установилъ комитеты, но не выборное начальство; тѣмъ не менѣе, всѣ произведенные уже выборы офицеровъ должны остаться въ силѣ; комитеты имѣютъ право возражать противъ назначенія начальниковъ; всѣ петроградскіе солдаты должны подчиняться политическому руководству исключительно Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, а въ вопросахъ, относящихся до военной службы — военнымъ властямъ. Этотъ приказъ, весьма несущественно отличавшійся отъ № 1-го, былъ уже скрѣпленъ предсѣдателемъ военной комиссіи Временного правительства...

Генералъ Потаповъ, именовавшійся « предсѣдателемъ военной комиссіи Государственной Думы », такъ говоритъ о создавшихся взаимоотношеніяхъ между Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и военнымъ министромъ : « 6 марта вечеромъ на квартиру Гучкова пришла делегація Совдепа въ составѣ Соколова, Нахамкеса и Филипповскаго (ст. лейтенантъ), Скобелева, Гвоздева, солдатъ Падергина и Кудрявцева (инженера) по вопросу о реформахъ въ арміи... Происходившее засѣданіе было очень бурнымъ. Требованія делегаціи Гучковъ призналъ для себя невозможными и нѣсколько разъ выходилъ, заявляя о сложеніи съ себя званія министра. Съ его уходомъ я принималъ предсѣдательствованіе, вырабатывались соглашенія, снова приглашался Гучковъ, и засѣданіе закончилось воззваніемъ, которое было подписано отъ совдепа Скобелевымъ, отъ комитета Государственной Думы мною и отъ правительства — Гучковымъ. Воззваніе аннулировало приказы № 1 и № 2, но военный министръ далъ обѣщаніе проведенія въ арміи болѣе реальныхъ, чѣмъ онъ предполагалъ, реформъ по введенію новыхъ правилъ взаимоотношеній команднаго состава и солдатъ ». Эти реформы должна была провести комиссія генерала Поливанова.

Единственнымъ компетентнымъ военнымъ человѣкомъ въ этомъ своеобразномъ « военномъ совѣтѣ » являлся генералъ Потаповъ, который и долженъ нести свою долю нравственной отвѣтственности за « болѣе реальныя реформы » ...

Въ дѣйствительности же, воззваніе, опубликованное въ газетахъ 8 марта вовсе не аннулировало приказовъ № 1 и № 2, а лишь разъяснило, что они относятся только къ войскамъ Петроградскаго военнаго округа. « Что же касается армій фронта, то военный министръ обѣщалъ незамедлительно выработать, въ согласіи съ Исполнительнымъ комитетомъ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, новыя правила отношеній солдатъ и команднаго состава ». Какъ приказъ № 2, такъ и это воззваніе не получили никакого распространенія въ вой-

скахъ и ни въ малѣйшей степени не повліяли на ходъ событій, вызванныхъ къ жизни приказомъ № 1.

Быстрое и повсемѣстное, по всему фронту и тылу, распространеіне приказа № 1 обусловливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что идеи, проведенныя въ немъ, зрѣли и культивировались много лѣтъ — одинаково въ подпольяхъ Петрограда и Владивостока, какъ заученныя прописи проповѣдывались всѣми мѣстными армейскими демагогами, всѣми наводнившими фронтъ делегатами, снабженными печатью неприкосновенности отъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Были и такіе факты : въ самомъ началѣ революціи, когда еще никакіе совѣтскіе приказы не проникли на Румынскій фронтъ, командующій 6-ой арміей генералъ Цуриковъ по требованію мѣстныхъ демагоговъ ввелъ у себя комитеты и даже пространной телеграммой, заключавшей доказательства пользы нововведенія, сообщилъ объ этомъ и намъ — командирамъ корпусовъ чужой арміи.

Съ другой стороны нѣкоторыя солдатскія организаціи отнеслись отрицательно къ приказу, считая его провокаціей. Такъ нижегородскій совѣтъ солдатскихъ депутатовъ 4 марта постановилъ не принимать къ исполненію полученную « прокламацію » и призвать войска « повиноваться Временному правительству, его органамъ и командному составу ».

***

Мало-по-малу солдатская масса зашевелилась. Началось съ тыловъ, всегда болѣе развращенныхъ, чѣмъ строевыя части; среди военной полуинтеллигенціи — писарей, фельдшеровъ, въ техническихъ командахъ. Ко второй половинѣ марта, когда въ нашихъ частяхъ только усилились нѣсколько дисциплинарные проступки, командующій 4-ой арміей въ своей главной квартирѣ ожидалъ съ часу на часъ, что его арестуютъ распущенныя нестроевыя банды...

Прислали, наконецъ, текстъ присяги « на вѣрность службы Россійскому государству ». Идея верховной власти была выражена словами :

« ... Обязуюсь повиноваться Временному правительству, нынѣ возглавляющему россійское государство, впредь до установленія воли народа при посредствѣ Учредительнаго собранія».

Приведеніе войскъ къ присягѣ повсюду прошло спокойно, но идиллическихъ ожиданій начальниковъ не оправдало : ни подъема, ни успокоенія въ смятенные умы не внесло. Могу отмѣтить лишь два характерныхъ эпизода. Командиръ одного изъ корпусовъ на Румынскомъ фронтѣ во время церемоніи присяги умеръ отъ разрыва сердца. Графъ Келлеръ заявилъ, что приводить къ присягѣ свой корпусъ не станетъ, такъ какъ

не понимаетъ существа и юридическаго обоснованія [1]) верховной власти Временнаго правительства; не понимаетъ, какъ можно присягать повиноваться Львову, Керенскому и прочимъ опредѣленнымъ лицамъ, которые могутъ вѣдь быть удалены или оставить свои посты... Князь Репнинъ 20 вѣка послѣ судебной волокиты ушелъ на покой, и до самой смерти своей не одѣлъ машкеры...

Было-ли дѣйствительно принесеніе присяги машкерой? Думаю, что для многихъ лицъ, которые не считали присягу простой формальностью — далеко не однихъ монархистовъ — это, во всякомъ случаѣ, была большая внутренняя драма, тяжело переживаемая; это была тяжелая жертва, приносимая во спасеніе Родины и для сохраненія арміи...

Въ половинѣ марта я былъ вызванъ на совѣщаніе къ командующему 4-ой арміей, генералу Рагозѣ. Участвовали генералы Гавриловъ, Сычевскій и начальникъ штаба Юнаковъ [2]). Отсутствовалъ графъ Келлеръ, не признавшій новой власти.

Намъ прочли длинную телеграмму генерала Алексѣева, полную безпросвѣтнаго пессимизма, о начинающейся дезорганизаціи правительственнаго аппарата и развалѣ арміи; демагогическая дѣятельность Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, тяготѣвшаго надъ волей и совѣстью Временнаго правительства; полное безсиліе послѣдняго; вмѣшательство обоихъ органовъ въ управленіе арміей. Въ качествѣ противодѣйствующаго средства противъ развала арміи намѣчалась... посылка государственно мыслящихъ делегатовъ изъ состава Думы и Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ на фронтъ для убѣжденія...

На всѣхъ телеграмма произвела одинаковое впечатлѣніе :

Ставка выпустила изъ своихъ рукъ управленіе арміей. Между тѣмъ, грозный окрикъ верховнаго командованія, поддержанный сохранившей въ первыя двѣ недѣли дисциплину и повиновеніе арміей, быть можетъ, могъ поставить на мѣсто переоцѣнивавшій свое значеніе Совѣтъ, не допустить «демократизаціи » арміи и оказать соотвѣтственное давленіе на весь ходъ политическихъ событій, не нося характера ни контръ-революціи, ни военной диктатуры. Лояльность командиаго состава и полное отсутствіе съ его стороны активнаго противодѣйствія разрушительной политикѣ Петрограда, превзошли всѣ ожиданія революціонной демократіи.

Корниловское выступленіе запоздало...

Мы составили сообща отвѣтную телеграмму, предлагая

---

[1]) На вопросъ толпы, кто выбралъ Временное правительство, Милюковъ отвѣтилъ: — Насъ выбрала русская революція.

[2]) Впослѣдствіи — начальникъ штаба Петлюры.

рѣшительныя мѣры противъ чужого вмѣшательства въ военное управленіе.

Въ штабѣ я ознакомился съ телеграммами Родзянко и Алексѣева главнокомандующимъ и отъ нихъ государю. Какъ извѣстно, всѣ главнокомандующіе [1]) присоединились къ просьбѣ Родзянко. Но Западный фронтъ долго задерживалъ отвѣтъ; Румынскій также долго уклонялся отъ прямого отвѣта и все добивался по аппарату у сосѣднихъ штабовъ, какой отвѣтъ дали другіе. Наконецъ, отъ Румынскаго фронта послана была телеграмма, въ первой части которой высказывалось глубокое возмущеніе «дерзкимъ предложеніемъ предсѣдателя Государственной Думы», а во второй, принимая во вниманіе сложившуюся обстановку, какъ единственный выходъ, указывалось, принятіе предложенія...

18 марта я получилъ приказаніе немедленно, отправиться въ Петроградъ къ военному министру. Быстро собравшись, я выѣхалъ въ ту-же ночь, и, пользуясь сложной комбинаціей повозокъ, автомобилей и желѣзныхъ дорогъ, на 6-ой день прибылъ въ столицу.

По пути, проѣзжая черезъ штабы Лечицкаго, Каледина, Брусилова, встрѣчая много лицъ военныхъ и причастныхъ къ арміи, я слышалъ все однѣ и тѣ-же горькія жалобы, все одну и ту-же просьбу:

— Скажите *имъ*, что *они* губятъ армію...

Телеграмма не давала никакого намека на цѣль моего вызова. Полная, волнующая неизвѣстность, всевозможныя догадки и предположенія.

Только въ Кіевѣ слова пробѣгавшаго мимо газетчика поразили меня своей полной неожиданностью:

— Послѣднія новости... Назначеніе генерала Деникина начальникомъ штаба Верховнаго главнокомандующаго...

---

1) Вел. кн. Николай Николаевичъ, Рузскій, Эвертъ, Брусиловъ, Сахаровъ.

ГЛАВА VII.

Впечатлѣнія отъ Петрограда въ концѣ марта 1917 года.

Передъ своимъ отреченіемъ императоръ подписалъ два указа — о назначеніи предсѣдателемъ Совѣта министровъ кн. Львова и Верховнымъ главнокомандующимъ великаго князя Николая Николаевича. « Въ связи съ общимъ отношеніемъ къ династіи Романовыхъ », какъ говорили петроградскіе офиціозы, а въ дѣйствительности, изъ опасенія Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ попытокъ военнаго переворота, великому князю Николаю Николаевичу 9 марта было сообщено Временнымъ правительствомъ о нежелательности его оставленія въ должности Верховнаго главнокомандующаго.

Министръ-предсѣдатель, князь Львовъ писалъ : « создавшееся положеніе дѣлаетъ неизбѣжнымъ оставленіе Вами этого поста. Народное мнѣніе рѣшительно и настойчиво высказывается противъ занятія членами дома Романовыхъ какихъ либо государственныхъ должностей. Временное правительство не считаетъ себя въ правѣ оставаться безучастнымъ къ голосу народа, пренебреженіе которымъ могло бы привести къ самымъ серьезнымъ осложненіямъ. Временное правительство убѣждено, что Вы, во имя блага родины, пойдете навстрѣчу требованіямъ положенія и сложите съ себя еще до пріѣзда Вашего въ Ставку званіе Верховнаго главнокомандующаго ».

Письмо это застало великаго князя уже въ Ставкѣ, и онъ, глубоко обиженный, немедленно сдалъ командованіе генералу Алексѣеву, отвѣтивъ правительству : «Радъ вновь доказать мою любовь къ Родинѣ, въ чемъ Россія *до сихъ поръ* не сомнѣвалась »...

Возникъ огромной важности вопросъ о замѣстителѣ... Ставка волновалась, ходили всевозможные слухи, но ко дню моего проѣзда черезъ Могилевъ ничего опредѣленнаго не было еще извѣстно.

23-го я явился къ военному министру Гучкову, съ которымъ раньше никогда не приходилось встрѣчаться.

Отъ него я узналъ, что правительство рѣшило назначить Верховнымъ главнокомандующимъ генерала М. В. Алексѣева. Вначалѣ вышло разногласіе : Родзянко и другіе были противъ него. Родзянко предлагалъ Брусилова... Теперь окончательно

рѣшили вопросъ въ пользу Алексѣева. Но, считая его человѣкомъ мягкаго характера, правительство сочло необходимымъ подпереть Верховнаго главнокомандующаго боевымъ генераломъ въ роли начальника штаба. Остановились на мнѣ, съ тѣмъ, чтобы, пока я не войду въ курсъ работы, временно оставался въ должности начальника штаба генералъ Клембовскій, бывшій тогда помощникомъ Алексѣева [1]).

Нѣсколько подготовленный къ такому предложенію отдѣломъ « вѣсти и слухи » кіевской газетки, я все же былъ и взволнованъ, и нѣсколько даже подавленъ тѣми широчайшими перспективами работы, которыя открылись такъ неожиданно, и той огромной нравственной отвѣтственностью, которая была сопряжена съ назначеніемъ. Долго и искренно я отказывался отъ него, приводя достаточно серьезные мотивы : вся служба моя прошла въ строю и въ строевыхъ штабахъ; всю войну я командовалъ дивизіей и корпусомъ и къ этой боевой и строевой дѣятельности чувствовалъ призваніе и большое влеченіе; съ вопросами политики, государственной обороны и администраціи — въ такомъ огромномъ, государственномъ масштабѣ — не сталкивался никогда... Назначеніе имѣло еще одну не совсѣмъ пріятную сторону : какъ оказывается, Гучковъ объяснилъ генералу Алексѣеву откровенно мотивы моего назначенія и отъ имени Временного правительства поставилъ вопросъ объ этомъ назначеніи до нѣкоторой степени ультимативно.

Создалось большое осложненіе : навязанный начальникъ штаба, да еще съ такой не слишкомъ пріятной мотивировкой...

Но возраженія мои не подѣйствовали. Я выговорилъ себѣ, однако, право, прежде, чѣмъ принять окончательное рѣшеніе, переговорить откровенно съ генераломъ Алексѣевымъ.

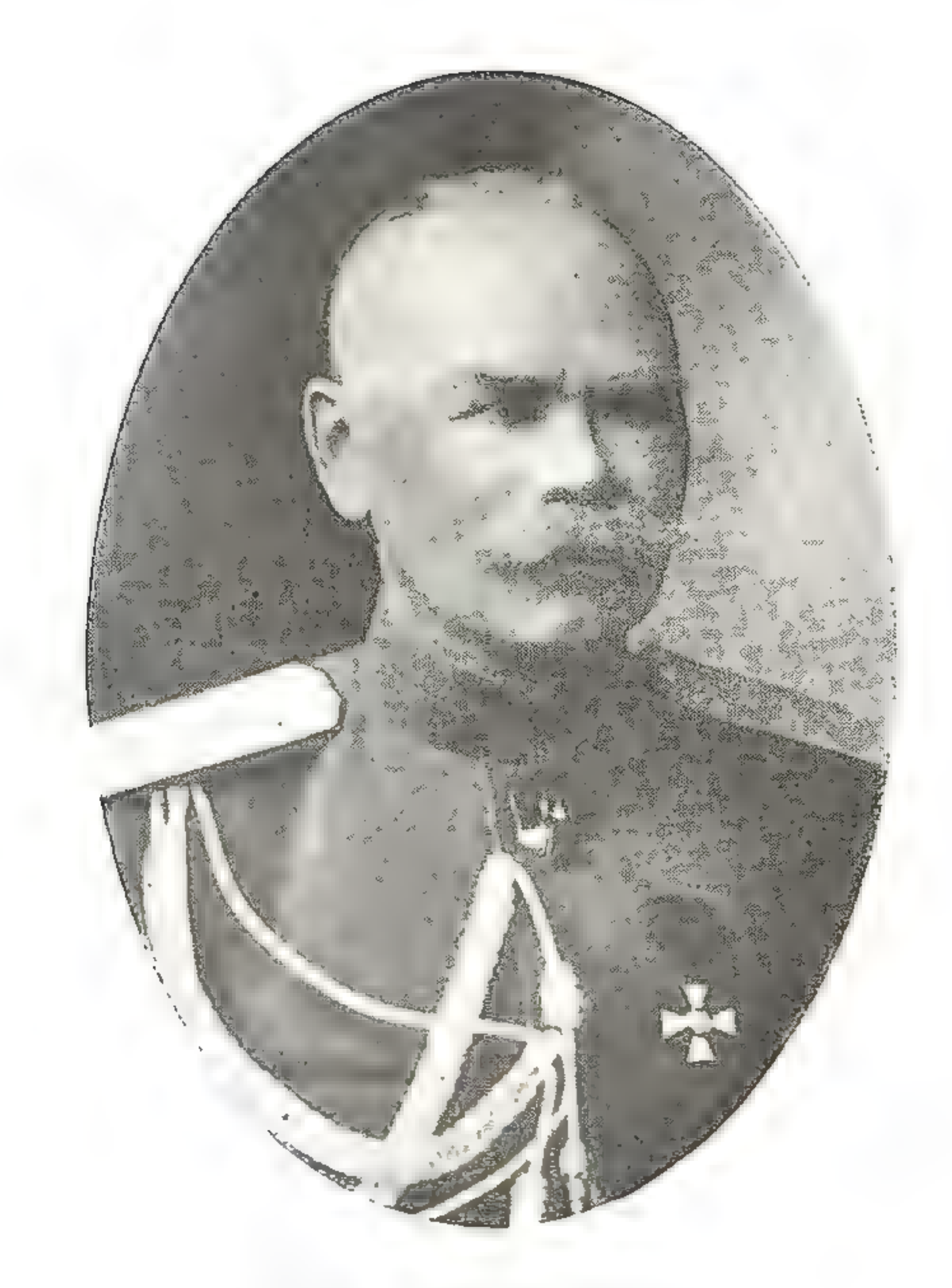
Между прочимъ, военный министръ во время моего посѣщенія вручилъ мнѣ длинные списки командующаго генералитета до начальниковъ дивизій включительно, предложивъ сдѣлать отмѣтки противъ фамиліи каждаго извѣстнаго мнѣ генерала объ его годности или негодности къ командованію. Такихъ листовъ съ помѣтками, сдѣланными неизвѣстными мнѣ лицами, пользовавшимися очевидно довѣріемъ министра, было у него нѣсколько экземпляровъ. А позднѣе, послѣ объѣзда Гучковымъ фронта, я видѣлъ эти списки, превратившіеся въ широкія простыни съ 10-12 графами.

Въ служебномъ кабинетѣ министра встрѣтилъ своего товарища генерала Крымова [2]) и вмѣстѣ съ нимъ присутство-

---

[1]) Генералъ Клембовскій былъ назначенъ на эту должность генераломъ Гурко во время исправленія имъ должности начальника штаба Верховнаго главнокомандующаго, когда Алексѣевъ былъ боленъ.

[2]) Генералъ Крымовъ — начальникъ Уссурійской дивизіи, потомъ командиръ 3 коннаго корпуса, сыгравшій такую видную роль въ кор-

Ген. Алексѣевъ.

Стр. 78.

Ставка. Генералъ-квартирмейстерская часть.

Стр. 79.

валъ при докладѣ помощниковъ военнаго министра [1]). Вопросы текущіе, не интересные. Ушли съ Крымовымъ въ сосѣднюю пустую комнату. Разговорились откровенно.

— Ради Бога, Антонъ Ивановичъ, не отказывайся отъ должности — это совершенно необходимо.

Онъ подѣлился со мною впечатлѣніями, разсказывая своими отрывочными фразами, оригинальнымъ, нѣсколько грубоватымъ языкомъ и всегда искреннимъ тономъ.

Пріѣхалъ онъ 14 марта, вызванный Гучковымъ, съ которымъ раньше еще былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и работалъ вмѣстѣ. Предложили ему рядъ высокихъ должностей, просилъ осмотрѣться, потомъ отъ всѣхъ отказался. « Вижу — нечего мнѣ тутъ дѣлать въ Петроградѣ, не по душѣ все ». Не понравилось ему очень окруженіе Гучкова. « Оставляю ему полковника генеральнаго штаба Самарина для связи — пусть хоть одинъ живой человѣкъ будетъ ». Иронія судьбы : этотъ, пользовавшійся такимъ довѣріемъ Крымова офицеръ, впослѣдствіи сыгралъ роковую роль, послуживъ косвенно причиной его самоубійства...

Къ политическому положенію Крымовъ отнесся крайне пессимистически :

— Ничего ровно изъ этого не выйдетъ. Развѣ можно при такихъ условіяхъ вести дѣло, когда правительству шагу не даютъ ступить совдепъ и разнузданная солдатня. Я предлагалъ имъ въ два дня расчистить Петроградъ одной дивизіей — конечно, не безъ кровопролитія... Ни за что: Гучковъ не согласенъ, Львовъ за голову хватается : « помилуйте, это вызвало-бы такія потрясенія ! » Будетъ хуже. На дняхъ уѣзжаю къ своему корпусу : не стоитъ терять связи съ войсками, только на нихъ и надежда — до сихъ поръ корпусъ сохранился въ полномъ порядкѣ; можетъ быть удастся поддержать это настроеніе.

* * *

Четыре года я не видѣлъ Петрограда. Но теперь странное и тягостное чувство вызывала столица... начиная съ разгромленной гостинницы « Асторія », гдѣ я остановился, и гдѣ въ вестибюлѣ дежурилъ караулъ грубыхъ и распущенныхъ гвардейскихъ матросовъ; улицы — такія-же суетливыя, но грязныя и переполненныя новыми господами положенія, въ защитныхъ шинеляхъ, — далекими отъ боевой страды, углубляющими и спасающими революцію. Отъ кого?.. Я много читалъ раньше о томъ восторженномъ настроеніи, которое, якобы,

---

ниловскомъ выступленіи. До революціи — одинъ изъ иниціаторовъ предполагавшагося дворцоваго переворота.

[1]) Филатьевъ, Новицкій, Маниковскій и сенаторъ Гаринъ

царило въ Петроградѣ, и не нашелъ его. Нигдѣ. Министры и правители, съ блѣдными лицами, вялыми движеніями, измученные безсонными ночами и безконечными рѣчами въ засѣданіяхъ, совѣтахъ, комитетахъ, делегаціяхъ, представителямъ, толпѣ... Искусственный подъемъ, бодрящая, взвинчивающая настроеніе, опостылѣвшая, вѣроятно, самому себѣ фраза, и... тревога, глубокая тревога въ сердцѣ. И никакой практической работы : министры по существу не имѣли ни времени, ни возможности хоть нѣсколько сосредоточиться и заняться текущими дѣлами своихъ вѣдомствъ; и заведенная бюрократическая машина, скрипя и хромая, продолжала кое-какъ работать старыми частями и съ новымъ приводомъ...

Рядовое офицерство, нѣсколько растерянное и подавленное, чувствовало себя пасынками революціи и никакъ не могло взять надлежащій тонъ съ солдатской массой. А на верхахъ, въ особенности, среди генеральнаго штаба, появился уже новый типъ оппортуниста, слегка демагога, игравшій на слабыхъ стрункахъ Совѣта и новаго правящаго рабоче-солдатскаго класса, старавшійся угожденіемъ инстинктамъ толпы стать ей близкимъ, нужнымъ и на фонѣ революціоннаго безвременья открыть себѣ неограниченныя возможности военно-общественной карьеры.

Слѣдуетъ, однако, признать, что въ то время еще военная среда оказалась достаточно здоровой, ибо, не взирая на всѣ разрушающіе эксперименты, которые надъ ней производили, не дала пищи этимъ росткамъ. Всѣ лица подобнаго типа, какъ, напримѣръ, молодые помощники военнаго министра Керенскаго, а также генералы Брусиловъ, Черемисовъ, Бончъ-Бруевичъ, Верховскій, адмиралъ Максимовъ и др. не смогли укрѣпить своего вліянія и положенія среди офицерства.

Наконецъ, петроградскій гражданинъ — въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова — отнюдь не ликовалъ. Первый пылъ остылъ, и на смѣну явилась нѣкоторая озабоченность и неувѣренность.

Не могу не отмѣтить одного общаго явленія тогдашней петроградской жизни. Люди перестали быть сами собой. Многіе, какъ будто, играли заученную роль на сценѣ жизни, обновленной дыханіемъ революціи. Начиная съ засѣданій Временного правительства, гдѣ, какъ мнѣ говорили, присутствіе « заложника демократіи » — Керенскаго придавало не совсѣмъ искренній характеръ обмѣну мнѣній... Побужденія тактическія, партійныя, карьерныя, осторожность, чувство самосохраненія, психозъ и не знаю еще какія дурныя и хорошія чувства заставляли людей надѣть шоры и ходить въ нихъ въ роли апологетовъ или, по крайней мѣрѣ, безстрастныхъ зрителей « завоеваній революціи » — такихъ завоеваній, отъ которыхъ явно пахло смертью и тлѣніемъ.

Отсюда — лживый пафосъ безконечныхъ митинговыхъ рѣчей. Отсюда — эти странныя на видъ противорѣчія: князь Львовъ, говорившій съ трибуны: «процессъ великой революціи еще не законченъ, но каждый прожитый день укрѣпляетъ вѣру въ неизсякаемыя творческія силы русскаго народа, въ его государственный разумъ, въ величіе его души»... И тотъ же Львовъ, въ бесѣдѣ съ Алексѣевымъ горько жалующійся на невозможныя условія работы Временного правительства, создаваемыя все болѣе растущей въ Совѣтѣ и въ странѣ демагогіей.

Керенскій — идеологъ солдатскихъ комитетовъ съ трибуны, и Керенскій — въ своемъ вагонѣ нервно бросающій адъютанту:

— Гоните вы эти проклятые комитеты въ шею!..

Чхеидзе и Скобелевъ — въ засѣданіи съ правительствомъ и главнокомандующими горячо отстаивающіе полную демократизацію арміи, и они же,—въ перерывѣ засѣданія въ частномъ разговорѣ за стаканомъ чая признающіе необходимость суровой военной дисциплины и свое безсиліе провести ея идею черезъ Совѣтъ...

Повторяю, что и тогда уже, въ концѣ марта, въ Петроградѣ чувствовалось, что слишкомъ долго идетъ пасхальный перезвонъ, вмѣсто того, чтобы сразу ударить въ набатъ. Только два человѣка изъ всѣхъ, съ которыми мнѣ пришлось бесѣдовать, не дѣлали себѣ никакихъ иллюзій:

Крымовъ и Корниловъ.

* * *

Съ Корниловымъ я встрѣтился первый разъ на поляхъ Галиціи, возлѣ Галича, въ концѣ августа 1914 г., когда онъ принялъ 48 пѣх. дивизію, а я — 4 стрѣлковую (желѣзную) бригаду. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе 4 мѣсяцевъ непрерывныхъ, славныхъ и тяжкихъ боевъ наши части шли рядомъ въ составѣ XXIV корпуса, разбивая врага, перейдя Карпаты [1]), вторгаясь въ Венгрію. Въ силу крайне растянутыхъ фронтовъ, мы рѣдко видѣлись, но это не препятствовало хорошо знать другъ друга. Тогда уже совершенно ясно опредѣлились для меня главныя черты Корнилова — военоначальника: большое умѣніе воспитывать войска; изъ второсортной части Казанскаго округа онъ въ нѣсколько недѣль сдѣлалъ отличнѣйшую боевую дивизію; рѣшимость и крайнее упорство въ веденіи самой тяжелой, казалось, обреченной, операціи; необычайная личная храбрость, которая страшно импонировала войскамъ и создавала ему среди нихъ большую популярность; наконецъ,— высокое соблюденіе военной этики, въ отношеніи сосѣднихъ

1) Корниловъ — у Гуменнаго, я — у Мезоляборча.

частей и соратниковъ — свойство, противъ котораго часто грѣшили и начальники и войсковыя части.

Послѣ изумившаго всѣхъ бѣгства изъ австрійскаго плѣна, въ который Корниловъ попалъ тяжело раненымъ, прикрывая отступленіе Брусилова изъ-за Карпатъ, къ началу революціи онъ командовалъ XXV корпусомъ.

Всѣ, знавшіе хоть немного Корнилова, чувствовали, что онъ долженъ сыграть большую роль на фонѣ русской революціи.

2 марта Родзянко телеграфировалъ непосредственно Корнилову : « Временный комитетъ Государственной Думы, образовавшійся для возстановленія порядка въ столицѣ, принужденъ былъ взять въ свои руки власть, ввиду того, что подъ давленіемъ войскъ и народа старая власть никакихъ мѣръ для успокоенія населенія не предприняла и совершенно устранена. Въ настоящее время власть будетъ передана временнымъ комитетомъ Государственной Думы — Временному правительству, образованному подъ предсѣдательствомъ князя Львова. Войска подчинились новому правительству, не исключая состоящихъ въ войскѣ, а также въ Петроградѣ лицъ императорской фамиліи, и всѣ слои населенія признаютъ только новую власть. Необходимо для установленія полнаго порядка, для спасенія столицы отъ анархіи назначеніе на должность главнокомандующаго петроградскимъ военнымъ округомъ доблестнаго боевого генерала, имя котораго было бы популярно и авторитетно въ глазахъ населенія. Комитетъ Государственной Думы признаетъ такимъ лицомъ ваше превосходительство, какъ извѣстнаго всей Россіи героя. Временный комитетъ проситъ васъ, во имя спасенія родины, не отказать принять на себя должность главнокомандующаго въ Петроградѣ и прибыть незамедлительно въ Петроградъ. Ни минуты не сомнѣваемся, что вы не откажетесь вступить въ эту должность и тѣмъ оказать неоцѣнимую услугу родинѣ. № 159. Родзянко ».

Все построеніе этой телеграммы и такой « революціонный » путь назначенія, минуя военное командованіе, очевидно не понравились Ставкѣ : на телеграммѣ, проходившей черезъ Ставку, имѣется помѣтка « не отправлена », но въ тотъ же день генералъ Алексѣевъ отдалъ свой приказъ (№ 334) : « допускаю ко временному главнокомандованію войсками петроградскаго военнаго округа... генералъ-лейтенанта Корнилова ».

Я подчеркнулъ этотъ маленькій эпизодъ для уясненія, какъ путемъ цѣлаго ряда мелкихъ личныхъ треній, возникли впослѣдствіи не совсѣмъ нормальныя отношенія между двумя крупными историческими дѣятелями...

Съ Корниловымъ я бесѣдовалъ въ домѣ военнаго министра, за обѣдомъ — единственное время его отдыха въ теченіи дня. Корниловъ — усталый, угрюмый и довольно пессимистически настроенный, разсказывалъ много о состояніи Петроградскаго

гарнизона и своихъ взаимоотношеніяхъ съ Совѣтомъ. То обаяніе, которымъ онъ пользовался въ арміи, здѣсь — въ нездоровой атмосферѣ столицы, среди деморализованныхъ войскъ — поблекло. Они митинговали, дезертировали, торговали за прилавкомъ и на улицѣ, нанимались дворниками, тѣлохранителями, участвовали въ налетахъ и самочинныхъ обыскахъ, но не несли службы. Подойти къ ихъ психологіи боевому генералу было трудно. И, если часто ему удавалось личнымъ презрѣніемъ опасности, смѣлостью, мѣткимъ, образнымъ словомъ овладѣть толпой во образѣ воинской части, то бывали случаи и другіе, когда войска не выходили изъ казармъ для встрѣчи своего главнокомандующаго, подымали свистъ, срывали георгіевскій флажокъ съ его автомобиля (финляндскій гвардейскій полкъ).

Общее политическое положеніе Корниловъ опредѣлялъ такъ-же, какъ и Крымовъ : отсутствіе власти у правительства и неизбѣжность жестокой расчистки Петрограда. Въ одномъ они расходились : Корниловъ упрямо надѣялся еще, что ему удастся подчинить своему вліянію большую часть петроградскаго гарнизона — надежда, какъ извѣстно, не сбывшаяся.

ГЛАВА VIII.

Ставка; ея роль и положеніе.

25 марта я пріѣхалъ въ Ставку и тотчасъ былъ принятъ Алексѣевымъ.

Алексѣевъ, конечно, обидѣлся.

— Ну что-же, разъ приказано...

Я снова, какъ и въ министерствѣ, указалъ рядъ мотивовъ противъ своего назначенія, и въ томъ числѣ отсутствіе всякаго влеченія къ штабной работѣ. Просилъ генерала Алексѣева совершенно откровенно, не стѣсняясь никакими условностями, какъ своего стараго профессора, высказать свой взглядъ, ибо безъ его желанія я ни въ какомъ случаѣ этой должности не приму.

Алексѣевъ говорилъ вѣжливо, сухо, обиженно и уклончиво : масштабъ широкій, дѣло трудное, нужна подготовка, « ну что-же, будемъ вмѣстѣ работать»...

Я, за всю свою долгую службу, не привыкшій къ подобной роли, не могъ, конечно, помириться съ такой постановкой вопроса.

— При такихъ условіяхъ я категорически отказываюсь отъ должности. И чтобы не создавать ни малѣйшихъ треній между вами и правительствомъ, заявлю, что это исключительно мое личное рѣшеніе.

Алексѣевъ вдругъ перемѣнилъ тонъ.

— Нѣтъ, я прошу васъ не отказываться. Будемъ работать вмѣстѣ, я помогу вамъ; наконецъ, ничто не мѣшаетъ мѣсяца черезъ два, если почувствуете, что дѣло не нравится — уйти на первую откроющуюся армію. Надо вотъ только поговорить съ Клембовскимъ : онъ, конечно, помощникомъ не останется...

Простились уже не такъ холодно.

Но прошелъ день, два — результатовъ никакихъ. Я жилъ въ вагонѣ-гостинницѣ, не ходилъ ни въ Ставку, ни въ собраніе [1]) и не желая долѣе переносить такое нелѣпое и незаслуженное положеніе, собрался уже вернуться въ Петроградъ. Но 28 марта пріѣхалъ въ Ставку военный министръ и разрубилъ узелъ :

---

[1]) « Сѣлъ въ бестъ », какъ острили въ Ставкѣ, которую очень волновалъ ходъ переговоровъ.

Клембовскому было предложено назначеніе командующимъ арміей, или членомъ Военнаго совѣта; онъ выбралъ послѣднее. Я, 5-го апрѣля, вступилъ въ должность начальника штаба.

Тѣмъ не менѣе, такой полу-принудительный способъ назначенія Верховному главнокомандующему ближайшаго помощника не прошелъ безслѣдно: между генераломъ Алексѣевымъ и мною легла нѣкоторая тѣнь и только къ концу его командованія она разсѣялась. — Генералъ Алексѣевъ въ моемъ назначеніи увидѣлъ опеку правительства... Вынужденный съ первыхъ же шаговъ вступить въ оппозицію Петрограду, служа исключительно дѣлу, оберегая Верховнаго — часто безъ его вѣдома — отъ многихъ треній и столкновеній своимъ личнымъ участіемъ въ нихъ, я со временемъ установилъ съ генераломъ Алексѣевымъ отношенія, полныя внутренней теплоты и довѣрія, которыя не порывались до самой его смерти.

2-го апрѣля генераломъ Алексѣевымъ получена была телеграмма: « Временное правительство назначаетъ Васъ Верховнымъ главнокомандующимъ. Оно вѣритъ, что армія и флотъ подъ Вашимъ твердымъ руководствомъ исполнятъ свой долгъ передъ родиной до конца ». Числа 10-го состоялся приказъ и о моемъ назначеніи.

И такъ, начальникъ штаба Верховнаго главнокомандующаго. Множество поздравительныхъ телеграммъ и писемъ — искреннихъ и... съ расчетомъ. Дѣйствительно огромный масштабъ и такой навалъ работы, котораго ранѣе никогда въ жизни я не испытывалъ и который вначалѣ буквально придавилъ меня физически и духовно. Установился невозможный режимъ: два раза въ день въ собраніе и обратно — завтракать и обѣдать, вотъ и вся прогулка; прочее время — текущая переписка, изученіе исторіи возникавшихъ вопросовъ, доклады, пріемы — и такъ до глубокой ночи. Запасъ здоровья, пріобрѣтенный за три года полевой боевой жизни оказался весьма кстати. Безъ него было-бы худо. Постепенно, однако, создавалась нѣкоторая преемственность въ работѣ и почва подъ ногами въ смыслѣ опредѣленности рѣшеній и освѣдомленности.

Оба ближайшіе помощника начальника штаба ушли: генералъ-квартирмейстеръ Лукомскій, не ладившій съ Алексѣевымъ и, можетъ быть, не хотѣвшій подчиниться младшему, былъ назначенъ командиромъ перваго армейскаго корпуса; дежурный генералъ Кондзеровскій обидѣлся на Гучкова, сказавшаго ему, что дежурство [1]) Ставки вызываетъ всеобщую ненависть въ арміи, и также ушелъ, получивъ назначеніе членомъ Военнаго совѣта, сохранивъ со мной прекрасныя отношенія. Здѣсь крылось глубокое недоразумѣніе и личные счеты

[1]) « Дежурство » — административно-организаціонный отдѣлъ Ставки.

какихъ то освѣдомителей, ибо въ Кондзеровскомъ я встрѣтилъ рѣдкую доброту и отзывчивость къ интересамъ самыхъ маленькихъ чиновъ арміи.

Ихъ уходъ также осложнилъ нѣсколько положеніе. Перваго замѣнилъ приглашенный ранѣе Алексѣевымъ, генералъ Юзефовичъ, второго — Минутъ. Ушелъ еще со своего поста по политическимъ мотивамъ генералъ-инспекторъ артиллеріи, великій князь Сергѣй Михайловичъ. Его замѣнилъ генералъ Ханжинъ, впослѣдствіи командовавшій арміей въ войскахъ адмирала Колчака. Два доклада Сергѣя Михайловича нарисовали мнѣ такую отчетливую картину состоянія русской артиллеріи, подчеркнули такое изумительное знаніе имъ личнаго состава, что я искренно пожалѣлъ объ уходѣ такого сотрудника.

* * *

Ставка вообще не пользовалась расположеніемъ. Въ кругахъ революціонной демократіи ее считали гнѣздомъ контръреволюціи, хотя она рѣшительно ничѣмъ не оправдывала это названіе : при Алексѣевѣ — высоко лояльная борьба противъ развала арміи, безъ всякаго вмѣшательства въ общую политику; при Брусиловѣ — оппортунизмъ съ уклономъ даже въ сторону искательства передъ революціонной демократіей. Что касается корниловскаго движенія, то оно, не будучи въ своей основѣ контръ-революціоннымъ, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно имѣло цѣлью борьбу противъ полубольшевистскихъ совѣтовъ. Но и тогда лояльность чиновъ Ставки опредѣлилась достаточно наглядно : въ корниловскомъ выступленіи активно участвовало изъ нихъ лишь нѣсколько человѣкъ; послѣ ликвидаціи института верховныхъ главнокомандующихъ и введенія новаго института — « главковерховъ » почти вся Ставка (при Керенскомъ) или довольно большая часть ея (при Крыленко) продолжали текущую работу.

Армія также не любила Ставку — и за дѣло, и по недоразумѣнію, такъ какъ тамъ плохо разбирались въ опредѣленіи служебныхъ функцій, и многіе недочеты снабженія, быта, прохожденія службы, наградъ и т. д. относили къ Ставкѣ, тогда какъ эти вопросы составляли всецѣло компетенцію военнаго министерства и подчиненныхъ ему органовъ. Ставка всегда стояла нѣсколько вдали отъ арміи. И если при сравнительно нормальныхъ, налаженныхъ взаимоотношеніяхъ до-революціоннаго періода это обстоятельство не отражалось слишкомъ рѣзко на дѣйствіяхъ правящаго механизма, то теперь, когда жизнь арміи не шла, а кипѣла въ водоворотѣ событій, Ставка поневолѣ отставала отъ жизни.

Правительство также относилось къ Ставкѣ отрицательно. Министры, посѣтившіе ее 18-19 марта, вынесли впечатлѣніе о

« громоздскости Ставки, невозможности опредѣленія отвѣтственности, смѣшеніи правъ и обязанностей, особенно въ отношеніи великихъ князей, занявшихъ созданные для нихъ посты инспекторовъ кавалеріи, авіаціи, казачьихъ войскъ, гвардіи и т. д.... Назначенія начальниковъ дѣлались по связямъ. Система учета живыхъ и матеріальныхъ силъ неудовлетворительна : ошибка въ оцѣнкѣ боевыхъ силъ допускалась до трехъ милліоновъ (!), оцѣнка снабженія дѣлалась съ огромными допусками [1]) » и т. д. Не оспаривая извѣстные недочеты Ставки, о которыхъ говорится ниже, считаю преувеличеннымъ обвиненіе въ « назначеніяхъ по связямъ », возводимыхъ въ общее правило. Несомнѣнно эта слабость человѣческая имѣла мѣсто въ старой Ставкѣ, но никогда не доходила до той вакханаліи, какая проявилась въ революціонный періодъ, когда были опрокинуты всякіе стажи знанія, опыта, заслугъ — подъ плѣнительнымъ лозунгомъ :

— Дорогу талантамъ!

Но бѣда въ томъ, что таланты зачастую опредѣлялись подъ большимъ давленіемъ столь компетентныхъ учрежденій, какъ войсковые комитеты.

Помню, какъ самому мнѣ приходилось выдержать большую борьбу съ генеральнымъ штабомъ по поводу требованія моего, не считаясь со старшинствомъ чиновъ, предоставлять все-же высшія командныя должности только офицерамъ, прошедшимъ практическую школу полкового командира. Въ частности, я навлекъ на себя большое неудовольствіе будущаго военнаго министра, полковника Верховскаго, не допустивъ его назначенія съ должности начальника штаба дивизіи — начальникомъ дивизіи.

Наконецъ, въ отношеніяхъ правительства къ Ставкѣ не могли не возникнуть нѣкоторыя тренія, вслѣдствіе постояннаго протеста противъ цѣлаго ряда правительственныхъ мѣропріятій, разрушавшихъ армію. Никакихъ другихъ серьезныхъ причинъ къ разногласію не существовало, такъ какъ вопросы внутренней политики ни въ малѣйшей степени ни генераломъ Алексѣевымъ, ни мною, ни отдѣлами Ставки не затрагивались. Ставка была, въ полномъ смыслѣ этого слова, аполитична, и Временное правительство въ первые мѣсяцы революціи имѣло въ ней совершенно надежный техническій аппаратъ. Ставка оберегала лишь высшіе интересы арміи и, въ предѣлахъ веденія войны и арміи, добивалась полной мощи Верховному главнокомандующему. Я скажу болѣе : личный составъ Ставки казался мнѣ бюрократическимъ, слишкомъ погруженнымъ въ сферу чисто спеціальныхъ интересовъ и — плохо-ли, хорошо-ли

1) Въ передачѣ генерала Потапова.

— мало интересующимся общими политическими и соціальными вопросами, выдвигаемыми жизнью.

Штаты Ставки были поистинѣ велики. Они росли и непрестанно развивались, обусловливаясь иногда « устройствомъ » опредѣленнаго лица или приданіемъ ему опредѣленнаго антуража. Особенно отличались « военныя сообщенія » и « пути сообщенія », функціи которыхъ, зачастую одноименныя, переплетались и перемѣшивались. Въ теченіе войны дважды измѣнялась система управленія сообщеніями и, сообразно съ этимъ, функціонировала еще ликвидаціонная комиссія съ полными штатами и окладами главныхъ управленій. Это учрежденіе каждые три мѣсяца (при мнѣ кажется въ пятый разъ) возобновляло ходатайство о продленіи своей дѣятельности.

Но едва-ли не въ самыхъ худшихъ условіяхъ, и уже по причинамъ отъ него не зависѣвшимъ, находился Главный полевой интендантъ. Представляя только органъ надзора, статистики и высшаго распредѣленія, онъ оперировалъ цифрами завѣдомо ложными, доставляемыми съ фронтовъ, особенно, ввиду полнаго отсутствія общаго учета людского и конскаго составовъ. Затрудненія въ снабженіи, боязнь перемѣщенія запасовъ съ болѣе обезпеченнаго фронта на менѣе обезпеченный и общее отсутствіе превалированія государственныхъ интересовъ надъ мѣстными создали грандіозную ложь, сокрытіе отъ учета и преуменьшеніе цифръ всюду — начиная полковымъ обозомъ и кончая фронтомъ.

Характерной чертой Ставки, для меня очень тягостной, была легкость обращенія съ милліонами, безотказно извлекаемыми изъ военнаго фонда. Не хищеніе, отнюдь, а именно легкость. Сомнительной пользы предпріятія, проведеніе новыхъ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ, стратегическая необходимость которыхъ была весьма условна, и т. д. Управленіе путей, напримѣръ, было настолько предусмотрительно, что представило мнѣ разъ на утвержденіе заказъ въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей на возобновленіе въ будущемъ оборудованія... Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги, находившейся на польской территоріи, оккупированной нѣмцами!

И когда я мучительно изучалъ вопросъ военной цѣлесообразности представленнаго мнѣ однажды проэкта какой-то новой вѣтки, начальникъ управленія, генералъ Кисляковъ [1]) — человѣкъ большого ума и таланта — положительно недоумѣвалъ :

— Вѣдь всего на 8 милліоновъ. Неужели вамъ жалко ихъ...

Со времени революціи эта легкость обращенія съ народными деньгами нашла и другое примѣненіе : многіе начальники и на фронтѣ и въ Ставкѣ, уступая напору всякихъ комитетовъ и де-

---

1) Растерзанъ большевиками на улицахъ Полтавы въ 1919 году.

легацій, отчасти желая снискать извѣстную популярность, возбуждали неосновательныя ходатайства о значительной прибавкѣ содержанія, преимущественно тыловымъ, нестроевымъ элементамъ. Иногда напоръ помимо меня велся на добраго и стѣснявшагося отказать Михаила Васильевича. И мнѣ большихъ усилій стоило поставить вопросъ этотъ въ общегосударственныя рамки, указывая, что нельзя благодѣтельствовать нѣкоторымъ разрядамъ служилыхъ людей, а необходимо планомѣрно улучшать матеріальное положеніе всѣхъ чиновъ арміи и прежде всего, находящагося въ худшихъ и болѣе тяжелыхъ условіяхъ боевого элемента.

Какъ извѣстно, къ маю правительство довело солдатскіе оклады по разнымъ званіямъ въ арміи до 7 руб. 50 — 17 руб., во флотѣ 15—50 рублей. Что касается офицерскаго состава, то всѣ наши усилія остались тщетными: ему даже сбавили содержаніе путемъ упраздненія добавочныхъ выдачъ, существовавшихъ подъ архаическими названіями: «на представительство» и «фуражныя».

Къ моему вступленію въ должность всѣ «великокняжескія инспектуры» были упразднены, артиллерійская сокращена при мнѣ. Но упрощенія и сокращенія всей системы мы не достигли. Ибо тотчасъ же снизу, въ стремленіи самоорганизаціи и верховнаго возглавленія, начался жесточайшій напоръ на правительство, военное министерство и командованіе. Постепенно возрождались инспектуры — санитарная, инженерная, авіаціонная, задержано расформированіе казачьей. Общественныя организаціи — краснаго креста, земства и городовъ также выбивались всѣми силами изъ фронтоваго военнаго управленія и требовали для себя верховнаго возглавленія въ Ставкѣ. Приходилось вести борьбу противъ этихъ индивидуальныхъ стремленій, грозившихъ затопить *полевой* штабъ волною небоевыхъ интересовъ. Помню, какъ какой-то фронтовой или всероссійскій ветеринарный съѣздъ на этой почвѣ выразилъ мнѣ «недовѣріе» за недостатокъ культурности и непониманіе высокаго научно-общественнаго значенія ветеринаріи...

Но едва-ли не наибольшее нетерпѣніе и бурное стремленіе къ абсолютной самостоятельности проявилъ военно-медицинскій міръ. Состоявшійся въ началѣ апрѣля съѣздъ врачей арміи и флота требовалъ полной автономіи, изъятія полевого санитарнаго инспектора изъ власти военнаго начальства и реорганизаціи вѣдомства снизу до верху на выборныхъ коллективныхъ началахъ. [1]) Фактически, захватнымъ правомъ эта автономность начала осуществляться на фронтахъ въ чрезвычайно

---

1) Вмѣстѣ съ тѣмъ, съѣздомъ былъ посланъ привѣтъ «русской демократіи въ лицѣ Совѣтовъ, какъ оплоту рѣшительной и полной демократизаціи страны противъ попытокъ контръ-революціи».

разнообразныхъ, иногда уродливыхъ формахъ, далеко выходя за предѣлы компетенціи и спеціальности. Какъ одно изъ ея проявленій, во многихъ арміяхъ къ числу прочихъ коллективовъ, расхищавшихъ власть командира полка, прибавился еще одинъ — санитарно-гигіеническій, въ составѣ командира полка, врача и выборнаго солдата — съ большимъ кругомъ вѣдѣнія и правъ.

Все это грозило большимъ разстройствомъ организаціи. Новый главный полевой санитарный инспекторъ, профессоръ Вельяминовъ, былъ совершенно терроризованъ съѣздомъ, выразившимъ ему « недовѣріе, ввиду несоотвѣтствія требованіямъ момента », и своими подчиненными, отказывавшими ему въ послушаніи. Онъ то слалъ покаянныя телеграммы на фронтъ, обѣщаясь « освободить русское врачебное сословіе отъ вмѣшательства въ его дѣятельность некомпетентныхъ лицъ, раскрѣпостить русскаго врача », то приходилъ ко мнѣ просить защиты отъ своеволія нисшихъ инстанцій, требовавшихъ его самоупраздненія и нарушавшихъ общія директивы и планы военно-медицинской и санитарной работы. Характерно, что проэктъ реорганизаціи вѣдомства, представленный Вельяминовымъ, наряду съ мѣрами дѣйствительно необходимыми и своевременными, представлявшими врачамъ полную свободу по спеціальности, заключалъ въ себѣ всѣ самыя вредныя и чуждыя арміи положенія, вложенныя въ основаніе « демократизаціи арміи » : выборное начало, комитеты, коллегіальную безотвѣтственную власть, вмѣшательство и расхищеніе власти начальника.

Болѣзнь очевидно имѣла весьма распространенный характеръ.

Какъ бы то ни было, техническій аппаратъ Ставки, какъ въ отношеніи служебнаго элемента, такъ и конструкціи своей, все-таки былъ достаточно приспособленъ для управленія и командованія.

***

Наконецъ стратегія...

Когда говорятъ о русской стратегіи въ отечественную войну съ августа 1915 года, надлежитъ помнить, что это стратегія — исключительно личная Мих. Вас. Алексѣева. Онъ одинъ несетъ историческую отвѣтственность за ея направленіе, успѣхи и неудачи.

Необыкновенно трудолюбивый, добросовѣстный, самоотверженный работникъ, онъ обладалъ въ этомъ отношеніи однимъ крупнымъ недостаткомъ : всю жизнь дѣлалъ работу за другихъ. Такъ было въ должности генералъ-квартирмейстера генеральнаго штаба, начальника штаба Кіевскаго округа, потомъ Юго-западнаго фронта и, наконецъ, начальника штаба Верховнаго главнокомандующаго. Никто не имѣлъ вліянія на

стратегическія рѣшенія [1]), и зачастую готовыя директивы, написанныя мелкимъ бисернымъ почеркомъ Алексѣева появлялись совершенно неожиданно на столѣ генералъ-квартирмейстера, на котораго закономъ возложена была и обязанность, и огромная отвѣтственность въ этой области. И если такой порядокъ могъ имѣть до нѣкоторой степени оправданіе при безличномъ или обезличенномъ условіями службы генералѣ Пустовойтенко, то являлся совершенно ненормальнымъ въ отношеніи позднѣйшихъ генералъ-квартирмейстеровъ — Лукомскаго и Юзефовича. Примириться съ этимъ они не могли.

Генералъ Лукомскій выражалъ обыкновенно свой протестъ путемъ подачи записокъ, съ изложеніемъ своего мнѣнія, не согласнаго съ планомъ операціи. Конечно, этотъ протестъ имѣлъ чисто академическое значеніе, но гарантировалъ, во всякомъ случаѣ, отъ суда исторіи. Генералъ Клембовскій, исполнявшій должность начальника штаба Верховнаго главнокомандующаго до меня, вынужденъ былъ поставить условіемъ своего пребыванія въ должности — невмѣшательство въ законный кругъ его вѣдѣнія...

Ранѣе Михаилъ Васильевичъ держалъ въ своихъ рукахъ всѣ отрасли управленія. Со значительнымъ расширеніемъ ихъ объема, это оказалось физически невыполнимымъ, и мнѣ уже предоставлена была вся полнота обязанностей во всемъ, кромѣ... стратегіи.

Опять пошли собственноручныя телеграммы стратегическаго характера, распоряженія, директивы, обоснованіе которыхъ иногда не было понятно мнѣ и генералъ-квартирмейстеру (Юзефовичъ). Много разъ втроемъ (я, Юзефовичъ, Марковъ [2]) мы обсуждали этотъ вопросъ; экспансивный Юзефовичъ волновался и нервно просилъ назначенія на дивизію : « Не могу я быть писаремъ. Зачѣмъ Ставкѣ квартирмейстеръ, когда любой писарь можетъ перепечатывать директивы »...

И я, и онъ стали поговаривать объ уходѣ. Марковъ заявилъ, что безъ насъ не останется ни одного дня. Наконецъ, я рѣшилъ поговорить откровенно съ Михаиломъ Васильевичемъ. Оба взволновались, разстались друзьями, но вопроса не разрѣшили.

— Развѣ я не предоставляю вамъ самаго широкаго участія въ работѣ; что вы, Антонъ Ивановичъ — совершенно искренно удивился Алексѣевъ, въ теченіи всей войны привыкшій къ опредѣленному служебному режиму, казавшемуся ему совершенно нормальнымъ.

---

[1]) Нѣкоторые придаютъ преувеличенное значеніе сотрудничеству въ этомъ отношеніи состоявшаго при генералѣ Алексѣевѣ генерала Борисова. Борисовъ впослѣдствіи поступилъ на службу къ большевикамъ.

[2]) 2-ой генералъ-квартирмейстеръ.

Опять « конференція » втроемъ. Послѣ долгихъ дебатовъ рѣшили, что общій планъ кампаніи 17-го года разработанъ давно, и подготовка ея находится уже въ такой стадіи, что существенныя перемѣны невозможны, что детали сосредоточиванія и развертыванія войскъ при современномъ состояніи ихъ — вопросъ спорный и трудно учитываемый; что нѣкоторыя измѣненія плана намъ удастся провести; наконецъ, что нашъ уходъ in corpore могъ бы повредить дѣлу и пошатнуть и безъ того непрочное положеніе Верховнаго. И поэтому рѣшили потерпѣть.

Терпѣть пришлось недолго, такъ какъ въ концѣ мая ген. Алексѣевъ, а за нимъ вскорѣ и мы трое оставили Ставку.

* * *

Что же представляла изъ себя Ставка въ ряду военно-политическихъ факторовъ революціоннаго періода.

Значеніе Ставки пало.

Ставка императорскихъ временъ занимала положеніе главенствующее, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи военномъ. Ни одно лицо и учрежденіе въ государствѣ не имѣло права давать указаній или требовать отчета отъ Верховнаго главнокомандующаго, какимъ фактически являлся не царь, а Алексѣевъ. Ни одно мѣропріятіе военнаго министерства, хоть нѣсколько затрагивающее интересы арміи, не могло быть проведено безъ санкціи Ставки. Ставка давала императивныя указанія военному министру и подчиненнымъ ему органамъ по вопросамъ, касавшимся удовлетворенія потребностей арміи. Голосъ ея, внѣ общаго направленія внутренней политики, имѣлъ извѣстный вѣсъ и значеніе и въ практической области управленія на театрѣ военныхъ дѣйствій. Такая власть, если и не осуществлялась въ надлежащей мѣрѣ, то давала принципіальную возможность вести дѣло защиты страны при широкомъ полу-подчиненномъ сотрудничествѣ другихъ органовъ ея управленія.

Съ началомъ революціи обстановка рѣзко измѣнилась. Ставка, вопреки историческимъ примѣрамъ и велѣнію военной науки, стала органомъ фактически подчиненнымъ военному министру. Эти взаимоотношенія не основывались на какомъ-либо правительственномъ актѣ [1]), а вытекали изъ смѣшенія въ коллективномъ лицѣ Временного правительства — верховной и исполнительной власти и изъ сочетанія характеровъ болѣе сильнаго Гучкова и уступчиваго Алексѣева. Ставка

[1]) По смыслу « положенія о полевомъ управленіи войскъ » Верховный Главнокомандующій подчинялся Временному правительству, какъ верховной власти, но отнюдь не военному министру.

не могла уже предъявлять законныхъ требованій довольствующимъ органамъ министерства; она вела длительную переписку и просила. Военный министръ, подписывавшій прежніе высочайшіе приказы, оказывалъ сильное давленіе на назначеніе и смѣщеніе высшаго командного состава; иногда назначенія проходили его приказомъ, по соглашенію съ фронтами, минуя Ставку. Важнѣйшіе военные законы, въ корнѣ измѣнявшіе условія комплектованія, жизни и службы войскъ, издавались министерствомъ безъ всякаго участія верховнаго командованія, которое узнавало о выходѣ ихъ только изъ газетъ. Впрочемъ, это участіе было-бы дѣйствительно безполезнымъ. Два произведенія поливановской комиссіи — о новомъ судѣ и о комитетахъ — данныя мнѣ *случайно* на просмотръ Гучковымъ, были мною возвращены съ цѣлымъ рядомъ существенныхъ возраженій, и Гучковъ тщетно отстаивалъ ихъ передъ совѣтскими представителями. Приняты были только... редакціонныя поправки.

Гражданское управленіе прифронтоваго раіона частью захватнымъ правомъ мѣстныхъ комитетовъ, частью санкціей правительства вышло изъ рукъ военнаго управленія. Всѣ права въ этомъ отношеніи военныхъ начальниковъ, основанныя на положеніи о полевомъ управленіи войскъ, остались не отмѣненными, не практикуемыми и никому не переданными.

Всѣ эти обстоятельства несомнѣнно подорвали авторитетъ Ставки въ глазахъ армій, а среди высшаго командующаго генералитета вызвали стремленіе къ непосредственнымъ сношеніямъ, минуя Ставку, съ болѣе властными центральными правительственными органами съ одной стороны, и проявленіе чрезмѣрной частной иниціативы въ принципіальныхъ военно-государственныхъ вопросахъ, съ другой. Такъ въ маѣ Сѣверный фронтъ, вмѣсто опредѣленнаго процента старослужащихъ, уволилъ всѣхъ, создавъ огромныя затрудненія сосѣдямъ; Юго-западный началъ формированіе украинскихъ частей; командующій Балтійскимъ флотомъ снялъ погоны съ офицеровъ и т. д.

Ставка потеряла силу и власть и не могла уже играть довлѣющей роли — объединяющаго командного и моральнаго центра. И это произошло въ самый грозный періодъ міровой войны, на фонѣ разлагающейся арміи, когда требовалось не только страшное напряженіе всѣхъ народныхъ силъ, но и проявленіе исключительной по силѣ и объему власти. Между тѣмъ, вопросъ былъ ясенъ : если Алексѣевъ и Деникинъ не пользовались довѣріемъ и не удовлетворяли условіямъ, требуемымъ отъ верховнаго командованія и управленія, ихъ слѣдовало смѣнить, назначить новыхъ людей и дать имъ и довѣріе, и полноту власти. Фактически дважды эта смѣна была произведена. Но смѣна только людей, а не принциповъ командованія. Ибо, при создавшихся взаимоотношеніяхъ и безвластіи, центра военной

власти въ своихъ рукахъ не имѣлъ никто : ни вожди, пользовавшіеся репутаціей исключительно безкорыстнаго и лояльнаго служенія родинѣ, какъ Алексѣевъ, ни впослѣдствіи « желѣзные полководцы », какимъ былъ Корниловъ и считался Брусиловъ, ни всѣ тѣ хамелеоны, которые шли въ поводу у соціалистическихъ реформаторовъ арміи. На фронтѣ высшій командный составъ былъ болѣе или менѣе однороденъ и приблизительно съ одинаковой, если не политической, то военной идеологіей. Быть можетъ, это обстоятельство препятствовало сохраненію власти и авторитета? Но вѣдь кромѣ армій фронта у насъ были едва ли не болѣе многочисленныя арміи тыловыя, находившіяся въ подчиненіи командующихъ военными округами. На эти должности правительство зачастую назначало и людей совершенно другой среды — весьма мало или никакого отношенія не имѣвшихъ къ строю, но за то съ революціоннымъ формуляромъ. Во главѣ этихъ тыловыхъ армій стояли такіе разнороднаго характера люди : Петроградскаго округа ген. Корниловъ — полководецъ; Московскаго — подполковникъ Грузиновъ — предсѣдатель московской губернской управы, октябристъ; Кіевскаго — полковникъ Оберучевъ — соціалъ-революціонеръ, бывшій политическій ссыльный; Казанскаго — подполковникъ Коровиченко, присяжный повѣренный, соціалистъ. Какъ извѣстно, войска всѣхъ этихъ округовъ не особенно отличались другъ отъ друга быстротой темпа, которымъ шли къ развалу и глубиной этого развала.

Вся военная іерархія была потрясена до основанія, наружно сохраняя атрибуты власти и привычный порядокъ сношеній: директивы, которыя не могли сдвинуть арміи съ мѣста, приказы которые не исполнялись, судебные приговоры, надъ которыми смѣялись. Прессъ принужденія всей своей тяжестью легъ по линіи наименьшаго сопротивленія — исключительно на лояльный командный составъ, который безропотно подчинялся гоненію и сверху, и снизу. А правительство и военное министерство, отбросивъ репрессіи, прибѣгло къ новому способу воздѣйствія на массы : *воззваніямъ*. Воззванія къ народу, къ арміи, къ казакамъ, ко всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ — наводняли страну, приглашая къ исполненію долга; къ несчастью успѣхъ имѣли только тѣ воззванія, которыя, потворствуя низкимъ инстинктамъ толпы, приглашали ее къ нарушенію долга.

Въ результатѣ не контръ-революція, не авантюризмъ, не бонопартизмъ, а стихійное стремленіе государственныхъ элементовъ возстановить нарушенные законы веденія войны выдвинули впослѣдствіи новое теченіе:

— *Взять* военную власть !

Эта задача была не по характеру ни Алексѣеву, ни Брусилову. Попытку ея разрѣшенія принялъ на себя впослѣдствіи Корниловъ, начавъ проводить самостоятельно рядъ важныхъ

военныхъ мѣропріятій и обращаясь къ правительству съ ультимативными требованіями по военнымъ вопросамъ [1]).

Крайне интересно сопоставить это положеніе съ тѣмъ, въ которомъ находилось командованіе арміями нашего могущественнаго тогда врага. Людендорфъ — 1-й генералъ-квартирмейстеръ германской арміи, говоритъ [2]) : « Въ мирное время имперское правительство обладало полною властью надъ своими вѣдомствами... Съ началомъ войны министрамъ трудно было привыкнуть видѣть въ главной квартирѣ власть, которую грандіозность дѣла заставляла дѣйствовать съ тѣмъ большей силой, чѣмъ ея меньше было въ Берлинѣ. Я бы хотѣлъ, чтобы правительство отдало себѣ отчетъ въ этомъ, настолько простомъ положеніи... Правительство шло своимъ собственнымъ путемъ и для удовлетворенія пожеланій главной квартиры не поступилось никогда ни однимъ своимъ намѣреніемъ. Наоборотъ, оно пренебрегало многимъ, что мы считали необходимымъ въ интересахъ веденія войны »...

Если къ этому прибавить, что въ мартѣ 1918 года съ трибуны рейхстага Гаазе съ большимъ основаніемъ говорилъ: «Канцлеръ— это не болѣе какъ вывѣска, прикрывающая военную партію. Фактически правитъ страной Людендорфъ », — то станетъ понятнымъ, какою огромною властью считало необходимымъ обладать нѣмецкое командованіе для выигрыша міровой войны.

Я нарисовалъ общую картину Ставки ко времени вступленія моего въ должность начальника штаба. Учтя всю создавшуюся обстановку, я поставилъ себѣ главными цѣлями : для сохраненія въ русской арміи способности хотя бы къ удержанію восточнаго фронта міровой борьбы, препятствовать всемѣрно разрушающимъ ее теченіямъ, и поддержать права, власть и авторитетъ Верховнаго главнокомандующаго.

Предстояла лояльная борьба. Въ этой борьбѣ, продолжавшейся всего два мѣсяца, вмѣстѣ со мною приняли участіе почти всѣ отдѣлы Ставки.

---

[1]) Первоначально вопросъ ставился только о « полной мощи » верховнаго командованія въ предѣлахъ его компетенціи.

[2]) « Souvenirs de guerre ».

ГЛАВА IX.

Мелочи жизни въ Ставкѣ.

Я приведу нѣсколько мелкихъ, но характерныхъ штриховъ изъ жизни и быта Ставки, чтобы болѣе къ нимъ не возвращаться.

Губернскій городъ Могилевъ — небольшой, тихій, наполовину еврейскій — сталъ сосредоточіемъ военной жизни страны. И въ Ставкѣ, и въ обществѣ съ первыхъ же дней полушутя, полусерьезно говорили о провиденціальномъ наименованіи города : *Могилевъ — могила*... Императорскій дворъ, помѣстившійся въ небольшомъ губернаторскомъ домѣ, былъ обставленъ чрезвычайно скромно и присутствіе его выдавали развѣ только усиленная охрана и паспортныя затрудненія. Со времени вступленія на постъ Верховнаго — генерала Алексѣева эта патріархальная простота достигла еще большихъ размѣровъ : всякій церемоніалъ отмѣненъ, наружная тайная охрана была снята; у входа въ губернаторскій домъ стояли парные часовые, въ вестибюлѣ — дежурный жандармъ и далѣе... зачастую до самой спальни Верховнаго Главнокомандующаго можно было пройти, не встрѣтивъ ни одной живой души.

Вообще, въ связи съ общимъ тревожнымъ положеніемъ, солдатскими бунтами въ Оршѣ, Брянскѣ и на ближайшихъ желѣзно дорожныхъ станціяхъ, безпорядками въ проходившихъ черезъ Могилевъ эшелонахъ и аграрными волненіями въ уѣздахъ — положеніе Ставки было по меньшей мѣрѣ оригинальнымъ. Въ Могилевѣ не было рѣшительно никакой вооруженной силы для защиты Ставки. Единственная строевая часть — Георгіевскій батальонъ, въ силу своего особеннаго прошлаго [1]), старался подчеркнуть свою « революціонность » будированіемъ, иногда неповиновеніемъ. Генералъ Алексѣевъ имѣлъ возможность вызвать въ Ставку какую-либо сохранившуюся часть, но не хотѣлъ этого дѣлать, въ виду подозрительности Петрограда. Всѣ прочія команды, главнымъ образомъ техническія, были недисциплинированы, распущены и представляли прямые очаги броженія.

---

1) Участіе въ карательномъ отрядѣ ген. Иванова.

Въ Могилевѣ еще до моего пріѣзда образовались два комитета: солдатскій комитетъ Могилевскаго гарнизона изъ представителей мелкихъ частей, не причисленныхъ къ Ставкѣ, и всякаго рода дезертировъ, и солдатско-офицерскій комитетъ Ставки. Первый, къ которому потомъ примкнули самозванные рабочіе и крестьянскіе представители, при главномъ участіи еврея-дезертира, именовавшаго себя прапорщикомъ Гольманомъ, терроризовалъ губернскія, уѣздныя власти и городское самоуправленіе, которое покорно подчинялось его нелѣпымъ демагогическимъ требованіямъ, предоставляя даже въ его распоряженіе городскія суммы. Губернскій комиссаръ и прокуроръ не рѣшались противодѣйствовать комитету. Ставка выслала Гольмана, но скоро онъ вернулся съ мандатомъ Петроградскаго Совѣта и при молчаливомъ одобреніи министерства внутреннихъ дѣлъ продолжалъ свою дѣятельность — сравнительно скромно при насъ, съ большой наглостью при оказывавшемъ ему всякіе знаки вниманія Брусиловѣ, пока, наконецъ, передъ корниловскимъ выступленіемъ не былъ посаженъ въ тюрьму.

Солдатскій комитетъ Ставки возникъ вскорѣ послѣ переворота и съ согласія Алексѣева къ нему примкнули офицеры, чтобы своимъ участіемъ дать надлежащій тонъ и сдерживать въ опредѣленныхъ рамкахъ солдатскія настроенія. Въ началѣ это какъ-будто удавалось. И стоявшіе во главѣ комитета полковники Значко-Яворскій и Сергіевскій, съ которыми я бесѣдовалъ еще по пути въ Ставку, были полны иллюзій о возможности «плодотворной работы комитета». Скоро надежды рухнули, оба полковника вышли изъ состава президіума, а комитетъ сталъ трибуной для агитаціи противъ начальства, вмѣшиваясь въ вопросы мѣстныхъ ставочныхъ назначеній, службы, быта, вынося и опубликовывая свои постановленія — подчасъ вызывающія, оскорбительныя, деморализующія. Даже прислуга офицерскаго собранія Ставки, поддержанная комитетомъ, смѣстила эконома и ввела нѣкоторыя ограниченія во времени, распорядкѣ и меню безъ того не важнаго офицерскаго стола. Правда, разгонъ части будирующей прислуги, вызвавшій протесты и осложненія, нѣсколько исправилъ дѣло.

Это солдатское засиліе не встрѣчало сколько-нибудь сильнаго противодѣйствія. Комитетъ вынесъ, напримѣръ, постановленіе, чтобы шоферы не смѣли возить начальствующихъ лицъ на прогулку, а возили только по службѣ. Алексѣевъ говоритъ мнѣ какъ-то:

— Хорошо бы поѣхать за городъ, отдохнуть, погулять въ лѣсу—тамъ есть чудная аллея. Да *противно* съ этими господами...

Онъ могъ, конечно, ѣхать куда угодно, но ему дѣйствительно было противно, и Верховный Главнокомандующій лишалъ себя

столь заслуженнаго и столь необходимаго отдыха, подъ вліяніемъ комитетскаго постановленія.

Комитетъ постановилъ удалить съ должности коменданта главной квартиры, генерала С. Я категорически отказалъ, и комитетъ рѣшилъ примѣнить въ отношеніи его вооруженную силу. Ген. Алексѣевъ, узнавъ объ этомъ, пришелъ въ негодованіе, въ какомъ мнѣ рѣдко приходилось его видѣть.

— Пусть попробуютъ. Я самъ пойду туда. Возьму взводъ полевыхъ жандармовъ и перестрѣляю этихъ...

Произвести испытаніе вѣрности полевой жандармеріи не пришлось. С. самъ умолялъ не оставлять его въ должности и отпустить : « Богъ знаетъ, чѣмъ это все кончится »...

Къ сожалѣнію въ комитетской практикѣ были, хотя и рѣдко, случаи, когда офицеры Ставки не оказывались на высотѣ своего положенія, и постановленія комитета, не допустимыя юридически, были по существу правильны. Это обстоятельство осложняло мою позицію : кара виновныхъ истолковывалась не какъ признаніе факта преступленія, а какъ признаніе авторитета комитета.

Непротивленіе было всеобщее. Тяжело было видѣть офицерскія делегаціи Ставки, во главѣ съ нѣсколькими генералами, плетущіяся въ колоннѣ манифестантовъ, праздновавшихъ 1-ое мая, — въ колоннѣ, среди которой рѣяли и большевистскія знамена, и изъ которой временами раздавались звуки интернаціонала... Зачѣмъ? Во спасеніе Родины или живота своего?

Не лучше обстояло дѣло сношеній съ центромъ. На цѣлый рядъ обращеній — министерства, особенно внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, не давали вовсе отвѣта. Военное министерство оказало такое, напримѣръ, удивительное невниманіе : я трижды просилъ объ установленіи содержанія Верховному главнокомандующему, такъ какъ въ законѣ оно опредѣлялось лишь формулой « по особому Высочайшему повелѣнію ».

Такъ и не отвѣтили; и генералу Алексѣеву мы выдавали содержаніе по прежней должности — начальника штаба, до самаго его ухода... И только черезъ два мѣсяца послѣ ухода, уже въ концѣ іюля правительство соблаговолило назначить ему содержаніе въ размѣрѣ... 17 тысячъ рублей въ годъ.

Быть можетъ, все это многимъ покажется не интереснымъ, все это мелочи... Но мнѣ необходимо было коснуться этихъ мелочей, чтобы выяснить, какая тягостная, пошлая, принижающая атмосфера царила въ повседневной жизни Ставки — этого центра мозга, воли и работы великой арміи.

Въ болѣе или менѣе одинаковомъ со Ставкой положеніи были штабы фронтовъ и армій.

Я ни на одну минуту не вѣрилъ въ чудодѣйственную силу солдатскихъ коллективовъ и потому принялъ систему полнаго

ихъ игнорированія. Думаю, что это было правильно, ибо оба могилевскіе комитета начали понемногу хирѣть и терять интересъ въ средѣ, вызвавшей ихъ къ жизни.

Такъ шли дни за днями.

Къ часу мы съ Михаиломъ Васильевичемъ ходили въ собраніе завтракать, къ 7-ми обѣдать. Въ собраніи вѣчная толчея. Благодаря гучковскимъ проскрипціоннымъ спискамъ, дѣятельности комитетовъ и « голосу народа », въ Ставку хлынула масса генераловъ — уволенныхъ, смѣщенныхъ, получившихъ « недовѣріе ». Много такихъ, которые при старомъ режимѣ были отставлены или оставались въ тѣни и теперь надѣялись пробить себѣ дорогу. У всѣхъ наболѣло въ душѣ, всѣ требовали исключительнаго вниманія къ своимъ переживаніямъ — быть можетъ заслуженнаго — но безбожно отнимавшаго время у Верховнаго и у меня и парализовавшаго нашу работу.

Петроградскій совѣтъ получалъ очевидно свѣдѣнія объ этомъ « контръ-революціонномъ съѣздѣ » и волновался. Мнѣ было и смѣшно и грустно : въ томъ огромномъ калейдоскопѣ « бывшихъ », который прошелъ тогда передъ моими глазами, я видѣлъ самыя разнородныя чувства и желанія, но очень мало стремленія къ дѣйственному протесту и борьбѣ.

Пріѣзжало много прожектёровъ съ планами спасенія Россіи. Былъ у меня, между прочимъ, и нынѣшній большевистскій « главкомъ », тогда генералъ, Павелъ Сытинъ. Предложилъ для укрѣпленія фронта такую мѣру : объявить, что земля — помѣщичья, государственная, церковная — отдается безплатно въ собственность крестьянамъ, но исключительно тѣмъ, которые сражаются на фронтѣ.

— Я обратился — говорилъ Сытинъ — со своимъ проэктомъ къ Каледину, но онъ за голову схватился : « что вы проповѣдуете, вѣдь это чистая демагогія!.. »

Уѣхалъ Сытинъ безъ земли и безъ... дивизіи. Легко примирился впослѣдствіи съ большевистской теоріей коммунистическаго землепользованія.

Начало съѣзжаться также множество рядового офицерства, изгоняемаго товарищами-солдатами изъ частей. Они приносили съ собой подлинное горе, безпросвѣтную и жуткую картину страданій, на которыя народъ обрекъ своихъ дѣтей, безумно расточая кровь и распыляя силы тѣхъ, кто охранялъ его благополучіе.

ГЛАВА X.

Генералъ Марковъ.

Обязанности генералъ-квартирмейстера Ставки были настолько разносторонни и сложны, что пришлось создать по примѣру иностранныхъ армій должность второго генералъ-квартирмейстера, выдѣливъ первому лишь ту область, которая непосредственно касалась веденія операцій.

На новую должность я пригласилъ генерала С. Л. Маркова, который связалъ свою судьбу неразрывно съ моею до самой своей славной смерти во главѣ добровольческой дивизіи; дивизія эта съ честью носила потомъ его имя, ставшее въ Добровольческой арміи легендарнымъ.

Война застала его преподавателемъ академіи генеральнаго штаба; на войну онъ пошелъ въ составѣ штаба генерала Алексѣева, потомъ былъ въ 19-ой дивизіи, и наконецъ, попалъ ко мнѣ, въ декабрѣ 1914-го года, въ качествѣ начальника штаба 4-ой стрѣлковой бригады, которой я тогда командовалъ.

Пріѣхалъ онъ къ намъ тогда въ бригаду, никому неизвѣстный и нежданный : я просилъ штабъ арміи о назначеніи другого. Пріѣхалъ и съ мѣста заявилъ, что только что перенесъ небольшую операцію, пока нездоровъ, ѣздить верхомъ не можетъ, и поэтому на позицію не поѣдетъ. Я поморщился, штабные переглянулись. Къ нашей « запорожской сѣчи » очевидно не подойдетъ — « профессоръ » ... [1]

Выѣхалъ я со штабомъ къ стрѣлкамъ,которые вели горячій бой впереди города Фриштака. Сближеніе съ противникомъ большое, сильный огонь. Вдругъ насъ покрыло нѣсколько очередей шрапнели.

Что такое? Къ цѣпи совершенно открыто подъѣзжаетъ въ огромной колымагѣ, запряженной парой лошадей, Марковъ — веселый, задорно смѣющійся.

— Скучно стало дома. Пріѣхалъ посмотрѣть что тутъ дѣлается...

Съ этого дня ледъ растаялъ, и Марковъ занялъ настоящее мѣсто въ семьѣ « желѣзной » дивизіи.

---

1) Такъ мы часто потомъ звали его дружески — шутливо.

Мнѣ рѣдко приходилось встрѣчать человѣка, съ такимъ увлеченіемъ и любовью относившагося къ военному дѣлу. Молодой [1]), увлекающійся, общительный, обладавшій даромъ слова, онъ умѣлъ подойти близко ко всякой средѣ — офицерской, солдатской, къ толпѣ — иногда далеко не расположенной — и внушать имъ свой воинскій символъ вѣры — прямой, ясный и неоспоримый. Онъ прекрасно разбирался въ боевой обстановкѣ и облегчалъ мнѣ очень работу.

У Маркова была одна особенность — прямота, откровенность и рѣзкость въ обращеніи, съ которыми онъ обрушивался на тѣхъ, кто, по его мнѣнію, не проявлялъ достаточно знанія, энергіи или мужества. Отсюда — двойственность отношеній : пока онъ былъ въ штабѣ,войска относились къ нему или сдержанно (въ бригадѣ) или даже нетерпимо (въ ростовскій періодъ Добровольческой арміи). Но стоило Маркову уйти въ строй, и отношеніе къ нему становилось любовнымъ (стрѣлки) и даже восторженнымъ (добровольцы). Войска обладали своей особенной психологіей : они не допускали рѣзкости и осужденія со стороны Маркова — штабного офицера; но *свой* Марковъ — въ обычной короткой мѣховой курткѣ, съ закинутой на затылокъ фуражкой, помахивающій неизмѣнной нагайкой, въ стрѣлковой цѣпи, подъ жаркимъ огнемъ противника — могъ быть сколько угодно рѣзокъ, могъ кричать, ругать, его слова возбуждали въ однихъ радость, въ другихъ горечь, но всегда искреннее желаніе быть достойными признанія своего начальника.

Вспоминаю тяжелое для бригады время — февраль 1915 г. въ Карпатахъ [2]) ... Бригада, выдвинутая далеко впередъ, полукольцомъ окружена командующими высотами противника, съ которыхъ ведутъ огонь даже по одиночнымъ людямъ. Положеніе невыносимое, тяжкія потери, нѣтъ никакихъ выгодъ въ оставленіи насъ на этихъ позиціяхъ, но... сосѣдняя 14 пѣхотная дивизія доноситъ въ высшій штабъ : « кровь стынетъ въ жилахъ, когда подумаешь, что мы оставимъ позицію и впослѣдствіи придется брать вновь тѣ высоты, которыя стоили намъ потоковъ крови »... И я остаюсь. Положеніе, однако, настолько серьезное, что требуетъ большой близости къ войскамъ; полевой штабъ переношу на позицію — въ деревню Творильню.

Пріѣзжаетъ, потративъ одиннадцать часовъ на дорогу по непролазной грязи и горнымъ тропамъ, графъ Келлеръ — начальникъ нашего отряда. Отдохнулъ у насъ.

— Ну теперь поѣдемъ осмотрѣть позицію.

Мы засмѣялись.

— Какъ « поѣдемъ »? Пожалуйте на крыльцо, если только непріятельскіе пулеметы позволятъ...

---

1) Убитъ въ бою лѣтомъ 1918 г. — 39 лѣтъ отъ роду.

2) Позиція у горы Одриль.

Келлеръ уѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ убрать бригаду изъ западни.

Бригада таетъ. А въ тылу — одинъ плохенькій мостикъ черезъ Санъ. Все въ рукахъ судьбы : вздуется бурный Санъ или нѣтъ. Если вздуется — снесетъ мостъ, и нѣтъ выхода.

Въ такую трудную минуту тяжело раненъ ружейной пулей командиръ 13 стрѣлковаго полка, полковникъ Гамбурцевъ, входя на крыльцо штабного дома. Всѣ штабъ-офицеры выбиты, некому замѣнить. Я хожу мрачный изъ угла въ уголъ маленькой хаты. Поднялся Марковъ.

— Ваше Превосходительство, дайте мнѣ 13-й полкъ.

— Голубчикъ, пожалуйста, очень радъ!

У меня самого мелькала эта мысль. Но стѣснялся предложить Маркову, чтобы онъ не подумалъ, что я хочу устранить его отъ штаба. Съ тѣхъ поръ со своимъ славнымъ полкомъ Марковъ шелъ отъ одной побѣды къ другой. Заслужилъ уже и георгіевскій крестъ, и георгіевское оружіе, а Ставка 9 мѣсяцевъ не утверждала его въ должности — не подошла мертвая линія старшинства.

Помню дни тяжкаго отступленія изъ Галиціи, когда за войсками стихійно двигалась, сжигая свои дома и деревни, обезумѣвшая толпа народа, съ женщинами, дѣтьми, скотомъ и скарбомъ... Марковъ шелъ въ арьергардѣ и долженъ былъ немедленно взорвать мостъ, кажется черезъ Стырь, у котораго столпилось живое человѣческое море. Но горе людское его тронуло, и онъ шесть часовъ еще велъ бой за переправу, рискуя быть отрѣзаннымъ, пока не прошла послѣдняя повозка бѣженцевъ.

Онъ не жилъ, а горѣлъ въ сплошномъ порывѣ.

Однажды я потерялъ совсѣмъ надежду увидѣться съ нимъ... Въ началѣ сентября 1915 г., во время славной для дивизіи первой Луцкой операціи, между Олыкой и Клеванью, лѣвая колонна, которою командовалъ Марковъ, прорвала фронтъ австрійцевъ и исчезла. Австрійцы замкнули линію. Цѣлый день не было никакихъ извѣстій. Наступилъ вечеръ. Встревоженный участью 13-го полка я выѣхалъ къ высокому обрыву, наблюдая цѣпи противника и безмолвную даль. Вдругъ, издалека, изъ густого лѣса, въ глубокомъ тылу австрійцевъ раздались бравурные звуки полкового марша 13-го стрѣлковаго полка. Отлегло отъ сердца.

— Въ такую кашу попалъ — говорилъ потомъ Марковъ, — что самъ чортъ не разберетъ — гдѣ мои стрѣлки, гдѣ австрійцы; а тутъ еще ночь подходитъ. Рѣшилъ подбодрить и собрать стрѣлковъ музыкой.

Колонна его разбила тогда противника, взяла тысячи двѣ плѣнныхъ и орудіе и гнала австрійцевъ, въ безпорядкѣ бѣгущихъ къ Луцку.

Человѣкъ порыва, онъ въ своемъ настроеніи иногда пере-

Ген. Марковъ.

Стр. 96

ходилъ изъ одной крайности въ другую. Но когда обстановка слагалась дѣйствительно отчаянно, онъ немедленно овладѣвалъ собою. Въ октябрѣ 1915 г., 4-ая стрѣлковая дивизія вела извѣстную свою Чарторійскую операцію, прорвавъ фронтъ противника на протяженіи 18 верстъ и на 20 съ лишнимъ верстъ вглубь. Брусиловъ, не имѣвшій резервовъ, не рѣшался снять войска съ другого фронта, чтобы использовать этотъ прорывъ. Время шло. Нѣмцы бросили противъ меня свои резервы со всѣхъ сторонъ. Приходилось тяжко. Марковъ, бывшій въ авангардѣ, докладываетъ по телефону :

— Очень оригинальное положеніе. Веду бой на всѣ четыре стороны свѣта. Такъ трудно, что даже весело стало.

Только одинъ разъ я видѣлъ его совершенно подавленнымъ, когда весною 1915 г. подъ Перемышлемъ онъ выводилъ изъ боя остатки своихъ ротъ, весь залитый кровью, хлынувшей изъ тѣла стоявшаго рядомъ командира 14-го полка, которому осколкомъ снаряда оторвало голову.

Никогда не берегъ себя. Въ сентябрѣ 1915 г. дивизія вела бой въ Ковельскомъ направленіи. Правѣе работала наша конница, подвигавшаяся нерѣшительно и сбивавшая всѣхъ насъ съ толку маловѣроятными свѣдѣніями о появленіи значительныхъ силъ противника противъ ея фронта на нашемъ берегу Стыри. Маркову надоѣла эта неопредѣленность. Получаю донесеніе :

« Съѣздилъ вдвоемъ съ ординарцемъ попоить лошадей въ Стыри; вплоть до Стыри нѣтъ никого — ни нашей конницы, ни противника. »

Представилъ его за рядъ боевъ въ чинъ генерала — не пропустили : « молодой ». Какой большой порокъ молодость!

Весною 1916 г. дивизія лихорадочно готовилась къ Луцкому прорыву. Сергѣй Леонидовичъ не скрывалъ своего завѣтнаго желанія :

— Одно изъ двухъ : деревянный крестъ или Георгій 3 степени.

Но Ставка послѣ многократныхъ отказовъ заставила его принять « повышеніе » — повторную должность начальника штаба дивизіи [1]).

Я простился съ Марковымъ слѣдующими словами приказа :

« Въ тяжелые дни Творильни полковникъ Марковъ принялъ 13-й стрѣлковый полкъ.

Съ тѣхъ поръ, сроднившись съ нимъ, втеченіе болѣе года

1) Эта общая мѣра вызвана была огромнымъ недостаткомъ офицеровъ генеральнаго штаба, ввиду прекращенія нормальной дѣятельности академіи. Полковниковъ и генераловъ передъ полученіемъ дивизіи заставляли нести повторно, на особыхъ основаніяхъ, должность начальника дивизіоннаго штаба.

съ высокой доблестью, самоотверженно и славно провелъ его черезъ Журавинъ, Зубовецкій лѣсъ, Мыслятычи, по крестному пути отхода армій, черезъ Дюксинъ, Олешву, Новоселки, Должицу и Будки.

Намъ всѣмъ и памятны, и дороги эти имена.

Съ чувствомъ искренняго сожалѣнія разставаясь со своимъ сотрудникомъ (по штабу), соратникомъ и другомъ, желаю ему на новомъ фронтѣ признанія, счастья и удачи ».

Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ на Кавказскомъ фронтѣ, гдѣ Марковъ томился отъ бездѣлья и затѣмъ лекторомъ въ открывшейся тогда Академіи, онъ вновь вернулся въ армію, и революція застала его въ должности генерала для порученій при командующемъ 10-ой арміей.

***

Интересны отрывочныя замѣтки, сдѣланныя имъ въ это время въ дневникѣ.

Въ нихъ отражаются тѣ внутреннія переживанія и то постепенное измѣненіе настроенія, которыя во многомъ переживало одинаково съ нимъ русское офицерство.

1 Марта. « Былъ у Горбатовскаго [1]). Говорили о событіяхъ въ Питерѣ. Дай Богъ успѣха тѣмъ, кто дѣйствительно любитъ Россію. Любопытна миссія Иванова [2])...

2, 3, 4 Марта. « Все отодвинулось на второй планъ, даже война замерла. Телеграмма за телеграммой рисуютъ ходъ событій. Сначала все передавалось подъ сурдинку, затѣмъ громче и громче. Эвертъ [3]) проявилъ свою обычную нерѣшительность, задержавъ отвѣтъ Родзянкѣ. Мое настроеніе выжидательное, я боюсь за армію, меня злитъ заигрываніе съ солдатами, вѣдь это развратъ, и въ этомъ пораженіе. Будущее трудно угадать, оно трезво можетъ разрѣшиться (если лишь) когда умолкнутъ страсти. Я счастливъ буду, если Россія получитъ конституціонно-монархическій строй и пока не представляю себѣ Россію республикой ».

5 Марта. « Написалъ статью для « Армейскаго вѣстника », а ее приняли какъ приказъ по арміи. Всѣ думы, разговоры и интересы свелись къ современнымъ событіямъ. Наша поѣздка на вокзалъ; говорилъ съ толпой на дебаркадерѣ; все мирно, хорошо...

6 Марта... « Всѣ ходятъ съ одной лишь думой — что-то будетъ? Минувшее всѣ порицали, а настоящаго не ожидали.

---

1) Командующій 10-ой арміей.

2) Карательный отрядъ генерала Иванова, направленный на Петроградъ.

3) Главнокомандующій Западнымъ фронтомъ.

Россія лежитъ надъ пропастью, и вопросъ еще очень большой — хватитъ ли силъ достигнуть противоположнаго берега.

7, 9 Марта. « Все то же. Руки опускаются работать. Исторія идетъ логически послѣдовательно. Многое подлое ушло, но и всплыло много накипи. Уже въ № 8 отъ 7-го марта « Извѣстій Петроградскаго Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ » появились постановленія за немедленное окончаніе войны. Погубятъ армію эти депутаты и совѣты, а вмѣстѣ съ ней и Россію. »

*10 М*арта... «Получено приказаніе выѣхать въ Минскъ для поѣздки въ Брянскъ. Мое первое выступленіе передъ толпой. »

11 Марта. « Въ Брянскѣ волнуется гарнизонъ, требуютъ отъ меня привести его въ порядокъ »...

12 Марта. « Ѣду вмѣстѣ съ Большаковымъ, онъ членъ петербургскаго совѣта р. и. с. депутатовъ. »

. . . .

Въ Брянскѣ вспыхнулъ военный бунтъ среди многочисленнаго гарнизона, сопровождавшійся погромами и арестами офицеровъ. Настроеніе въ городѣ было крайне возбужденное. Марковъ многократно выступалъ въ многочисленномъ совѣтѣ военныхъ депутатовъ и послѣ бурныхъ, страстныхъ и иногда крайне острыхъ преній ему удалось достигнуть постановленія о возстановленіи дисциплины и освобожденіи 20 арестованныхъ. Однако, послѣ полуночи нѣсколько вооруженныхъ ротъ двинулись на вокзалъ для расправы съ Марковымъ, Большаковымъ и арестованными. Толпа бѣсновалась. Положеніе грозило гибелью. Но находчивость Маркова спасла всѣхъ. Онъ, стараясь перекричать гулъ толпы, обратился къ ней съ горячимъ словомъ. Сорвалась такая фраза :

— ... Если бы тутъ былъ кто-нибудь изъ моихъ желѣзныхъ стрѣлковъ, онъ сказалъ бы вамъ, кто такой генералъ Марковъ!..

— Я служилъ въ 13-мъ полку — отозвался какой-то солдатъ изъ толпы.

— Ты?..

Марковъ съ силою оттолкнулъ нѣсколькихъ окружавшихъ его людей, быстро подошелъ къ солдату и схватилъ его за воротъ шинели.

— Ты? Ну такъ коли! Непріятельская пуля пощадила въ бояхъ, такъ пусть покончитъ со мной рука моего стрѣлка...

Толпа заволновалась еще больше, но уже отъ восторга. И Марковъ съ арестованными при бурныхъ крикахъ « ура » и апплодисментахъ толпы уѣхалъ въ Минскъ.

Возвращаюсь къ дневнику.

18 Марта... «Приняли всѣ радушно [1]), я, оказывается, уже

---

1) По возвращеніи въ свой штабъ.

избранъ почти единогласно въ нашъ офицерскій комитетъ »...

19 Марта... « организуемъ офицерско-солдатскій комитетъ штаба Х-й арміи и мѣстнаго гарнизона. Послѣ обѣда первое собраніе совѣта, въ который я попалъ въ числѣ шести единогласно »...

. . . .

Далѣе говорится о непрестанной работѣ во всякихъ совѣтахъ и комитетахъ.

24 Марта «... Пріѣздъ полковника Кабалова, которому вмѣстѣ съ княземъ Крапоткинымъ было выражено недовѣріе 133 дивизіей... Возвращеніе членовъ Думы съ позицій къ намъ. Отказъ двухъ эшелоновъ 445-го полка ѣхать на позицію: « воевать хотимъ, а на позицію не желаемъ, дайте отдыхъ мѣсяцъ, два ». До двухъ часовъ ночи уговаривалъ и разговаривалъ »...

26 Марта. « Событія во 2-омъ Кавказскомъ корпусѣ, отказъ 2-ой кавказской гренадерской дивизіи стать на позицію, смѣщеніе Мехмандарова, начальника дивизіи и его наштадива » [1]).

30 Марта. « Спокойное, плодотворное засѣданіе армейскаго съѣзда до глубокой ночи. Въ перерывѣ до обѣда я собралъ лишь предсѣдателей всѣхъ нашихъ комитетовъ и мы выслушали докладъ офицеровъ, пріѣхавшихъ или бѣжавшихъ изъ частей 2-ой кавказской гренадерской дивизіи. Возмутительная исторія, вѣра колеблется, это начало разложенія арміи ».

31 Марта. « Вмѣсто Минска, куда меня приглашали на митингъ въ качествѣ оратора, поѣхалъ по приказанію Командарма во 2-ой кавказскій корпусъ. Видѣлъ Бенескула, принявшаго управленіе корпусомъ изъ рукъ прапорщика Ремнева [2]). Затѣмъ отправился въ Залѣсье, гдѣ былъ собранъ корпусный комитетъ 2 кавк. к-са... Получилъ отъ него полное осужденіе роли Ремнева и 2-ой кавк. грен. дивизіи... Ушелъ при крикахъ оваціи по моему адресу... »

2 Апрѣля. « Утромъ узналъ о самоубійствѣ ген. Бенескула. Днемъ Головинскій сказалъ мнѣ, что офицеры штаба 2-го кавк. корпуса обвиняютъ меня въ этомъ и что они рѣшили написать три письма одинаковаго содержанія ген. Мехмандарову, мнѣ и г-жѣ Бенескулъ, давая послѣдней право напечатать письмо въ газетахъ. Мнѣ первый разъ въ жизни сказали, что я убійца. Не выдержалъ, сдѣлалось дурно, самосознаніе говоритъ, что и я виновенъ. Не надо мнѣ было говорить Бенескулу о некорректности его принятія корпуса изъ рукъ прапорщика Ремнева.

---

1) начальникъ штаба дивизіи.

2) Извѣстный демагогъ прапорщикъ Ремневъ съ толпой солдатъ арестовалъ и смѣстилъ командира корпуса ген. Мехмандарова и вручилъ командованіе ген. Бенескулу. Марковъ очень горячо обрушился по этому поводу на ген. Бенескула.

Я долженъ былъ знать его слабость духа, воли, его мягкость. Вечеромъ собрались всѣ наши комитеты и многочисленная публика; я пришелъ, и заявивъ, что я убійца, просилъ судить меня. Черезъ нѣсколько времени за мной прибѣжали офицеры и солдаты съ просьбой выслушать ихъ постановленіе. Мое появленіе, чтеніе постановленія, въ которомъ говорилось, что я поступилъ, какъ честный солдатъ и генералъ, и мой уходъ — сплошная овація всего собранія. И все же это великій урокъ на будущее ».

3 Апрѣля. « Продолжаю чувствовать физическую слабость и моральную подавленность »...

10 Апрѣля. « Утромъ подалъ заявленія въ оба комитета о своемъ отказѣ. Усталъ я, да вѣроятно скоро получу наконецъ назначеніе ».

13 Апрѣля. « Я вѣрю, что все будетъ хорошо, но боюсь — какой цѣной. Мало говорить — война до побѣды, но надо и хотѣть этого »...

. . . .

Какъ знакомы русскому офицерству эти переходы отъ радостнаго настроенія до подавленнаго, отъ надежды до отчаянія, отъ лихорадочной работы въ комитетахъ, совѣтахъ, съѣздахъ до сознанія, что они « погубятъ армію и Россію ». Сколько драмъ, подобныхъ смерти Бенескула, разыгралось на темномъ фонѣ великой русской драмы...

Маркова захватила волна нароставшихъ событій, и онъ ушелъ съ головой въ борьбу, не думая о себѣ и семьѣ, то вѣря, то отчаиваясь, любя Родину, жалѣя армію, которая въ его сердцѣ и мысли никогда не переставала занимать большое мѣсто.

Не разъ еще на протяженіи своихъ очерковъ я буду останавливаться на личности Сергѣя Леонидовича Маркова.

Но я не могъ отказать себѣ въ душевной потребности теперь-же вплести еще нѣсколько скромныхъ листковъ въ его вѣнокъ.

Вѣнокъ, который въ іюлѣ 1918 г. два вѣрныхъ друга положили на его могилу.

И написали :

« И жизнь, и смерть за счастье Родины ».

ГЛАВА XI.

Власть: Дума, Временное правительство, командованіе, Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

То исключительное положеніе, въ которомъ оказалась русская держава — міровой войны и революціи — повелительно требовало установленія въ ней *сильной власти*.

Государственная Дума, которая, какъ я уже говорилъ, пользовалась несомнѣннымъ авторитетомъ въ странѣ, послѣ долгихъ и горячихъ обсужденій, отъ возглавленія *собою* революціонной власти отказалась. Временно распущенная Высочайшимъ указомъ 27 февраля, она сохранила лояльность и « не пыталась открыть формальное засѣданіе », исходя изъ взгляда на себя, какъ на « законодательное учрежденіе стараго порядка, координированное основными законами съ остатками самодержавной власти, явно обреченной теперь на сломъ » [1]). Послѣдующіе акты исходили уже отъ « частнаго совѣщанія членовъ Государственной Думы ». Это же частное засѣданіе избрало *Временный Комитетъ Государственной Думы*, осуществлявшій первые дни верховную власть. При комитетѣ существовала еще *военная комиссія комитета Государственной Думы*, возглавляемая генераломъ Потаповымъ [2]). Она пыталась оказать вліяніе на управленіе арміей, но встрѣтила рѣшительный отпоръ со стороны Ставки. Самъ генералъ Потаповъ такъ претенціозно опредѣлялъ ея значеніе : « я состоялъ предсѣдателемъ военной комиссіи, въ которой, съ арестомъ членовъ царскаго правительства, сосредоточивалась вся власть въ странѣ... Я настаивалъ на скорѣйшемъ принятіи отъ меня всѣхъ функцій образовавшимся Временнымъ правительствомъ ». Это оригинальное самодовлѣющее учрежденіе, находившееся въ оживленной связи съ Совѣтомъ раб. и солд. деп., « являясь посредникомъ между совдепомъ, комитетомъ и правительствомъ », существовало, однако, до 17 мая, когда на запросъ Родзянко военный министръ Керенскій увѣдомилъ его, что « военная комиссія блестяще исполнила всѣ порученія и задачи въ первые два

---

1) Милюковъ. Исторія второй русской революціи.

2) Впослѣдствіи жилъ въ Японіи, противодѣйствовалъ адмиралу Колчаку. Въ 1921 г. поступилъ на службу къ совѣтскому правительству.

мѣсяца послѣ переворота», но что «въ продолженіи дѣятельности комиссіи надобности нѣтъ».

Съ передачей власти *Временному правительству*, Госуд. Дума и Комитетъ ушли въ сторону, но не прекращали своего существованія, пытаясь давать моральное обоснованіе и поддержку первымъ тремъ составамъ правительства. Но если 2 мая во время перваго правительственнаго кризиса комитетъ боролся еще за право *назначать* членовъ правительства, то позднѣе онъ ограничивался уже только требованіемъ *участія* въ составленіи правительства. Такъ, 7 іюля, комитетъ Гос. Думы протестовалъ противъ устраненія своего отъ участія въ образованіи Керенскимъ новаго состава Временнаго правительства, считая это явленіе «юридически недопустимымъ и политически пагубнымъ». Между тѣмъ, Гос. Дума имѣла неотъемлемое право на участіе въ руководствѣ жизнью страны, ибо даже въ лагерѣ ея противниковъ признавалась огромная услуга, оказанная революціи Думой, «покорившей ей сразу весь фронтъ и все офицерство» [1]). Несомнѣнно революція, возглавленная Совѣтомъ, встрѣтила бы кровавое противодѣйствіе и была бы раздавлена. И можетъ быть, давъ тогда побѣду либеральной демократіи, привела бы страну къ нормальному эволюціонному развитію? Кто знаетъ тайны бытія!

Сами члены Гос. Думы, тяготясь своимъ вначалѣ добровольнымъ, потомъ вынужденнымъ бездѣйствіемъ, начали проявлять нѣкоторый абсантеизмъ, съ которымъ пришлось бороться предсѣдателю. Тѣмъ не менѣе, и Дума и Комитетъ горячо отзывались на всѣ выдающіяся событія русской жизни, выносили постановленія осуждающія, предостерегающія, взывающія къ разуму, сердцу и патріотизму народа, арміи и правительства. Но Дума была отметена уже революціонной стихіей. Ея обращенія, полныя яснаго сознанія грядущей опасности и несомнѣнно государственныя, не пользовались уже никакимъ вліяніемъ въ странѣ и игнорировались правительствомъ. Впрочемъ, и такая мирная, не борющаяся за власть Дума вызывала опасенія въ средѣ революціонной демократіи, и совѣты вели яростный походъ за упраздненіе Гос. Думы и Гос. Совѣта. Въ августѣ декларативная дѣятельность Гос. Думы стала замирать, и когда 6 октября Керенскій, по требованію Совѣта, распустилъ Гос. Думу [2]), это извѣстіе не произвело уже въ странѣ сколько-нибудь замѣтнаго впечатлѣнія.

Потомъ долго еще идею 4-ой Гос. Думы или собранія Думъ всѣхъ созывовъ, какъ опоры власти, гальванизировалъ М. В. Родзянко, пронеся ее черезъ Кубанскіе походы и «Екатери-

---

[1]) Станкевичъ. Воспоминанія.

[2]) Законный 5-ти лѣтній срокъ оканчивался 25 октября.

нодарскій добровольческій » періодъ анти-большевистской борьбы...

Но Дума умерла.

Трудно сказать, былъ ли неизбѣжнымъ отказъ отъ власти Гос. Думы въ мартовскіе дни, вызывался ли онъ реальнымъ соотношеніемъ силъ, боровшихся за власть, могла ли « цензовая » Дума удержать соціалистическіе элементы, въ нее входившіе, и сохранить то вліяніе въ странѣ, которое она пріобрѣла въ результатѣ борьбы съ самодержавіемъ?.. Одно несомнѣнно, что въ годы русскаго безвременья, когда невозможно было нормальное народное представительство, во всѣ періоды и всѣ правительства чувствовали потребность въ какомъ либо суррогатѣ его, хотя бы для созданія себѣ трибуны, для выхода накопившимся настроеніямъ, для опоры и раздѣленія нравственной отвѣтственности. Таковы « Временный совѣтъ Россійской республики » — въ Петроградѣ (октябрь 1917 г.), инициатива котораго исходила, впрочемъ, отъ революціонной демократіи, видѣвшей въ немъ противовѣсъ предположенному большевиками второму съѣзду совѣтовъ; осколокъ учредительнаго собранія 1917 г. — на Волгѣ (лѣто 1918 г.); подготовлявшійся созывъ Высшаго совѣта и Земскаго собора — на югѣ Россіи и въ Сибири (1919 г.). Даже наивысшее проявленіе коллективной диктатуры, какимъ является « совѣтъ народныхъ комиссаровъ », дойдя до небывалаго еще въ исторіи деспотизма и подавленія общественности и всѣхъ живыхъ силъ страны, обративъ ее въ кладбище, все-же считаетъ необходимымъ создать театральный декорумъ такого представительства, періодически собирая « всероссійскій съѣздъ совѣтовъ ».

Власть Временнаго правительства въ самой себѣ носила признаки безсилія. Эта власть, какъ говорилъ Милюковъ, не имѣла привычнаго для массъ « символа ». Власть подчинилась давленію Совѣта, систематически искажавшаго и подчинявшаго всѣ государственныя начинанія классовымъ и партійнымъ интересамъ.

Въ составѣ ея находился и «заложникъ демократіи» — Керенскій, который такъ опредѣлялъ свою роль : « я являюсь представителемъ демократіи, и Временное правительство должно смотрѣть на меня, какъ на выразителя требованій демократіи и должно особенно считаться съ тѣми мнѣніями, которыя я буду отстаивать »... [1]) Наконецъ, что едва ли не самое главное, въ составъ правительства входили элементы русской передовой интеллигенціи, раздѣлявшіе всецѣло ея хорошія и дурныя свойства и въ томъ числѣ полное отсутствіе волевыхъ импульсовъ — той безграничной въ своемъ дерзаніи, жестокой въ устраненіи противодѣйствій и настойчивой въ

1) Рѣчь въ Совѣтѣ.

достиженіи силы, которая даетъ побѣду въ борьбѣ за самосохраненіе — классу, сословію, націи. Всѣ четыре года смуты для русской интеллигенціи и буржуазіи прошли подъ знакомъ безсилія, непротивленія и потери всѣхъ позицій, мало того — физическаго истребленія и вымиранія. Повидимому только на двухъ крайнихъ флангахъ общественнаго строя была настоящая сильная воля; къ сожалѣнію воля къ разрушенію, а не къ созиданію. Одинъ флангъ далъ уже Ленина, Бронштейна, Апфельбаума, Урицкаго, Дзержинскаго, Петерса... Другой, разбитый въ февральскіе дни, быть можетъ, не сказалъ еще послѣдняго слова...

Русская революція, въ своемъ зарожденіи и началѣ, была явленіемъ безъ сомнѣнія національнымъ, какъ результатъ всеобщаго протеста противъ стараго строя. Но когда пришло время новаго строительства, столкнулись двѣ силы, вступившія въ борьбу, двѣ силы, возглавлявшія различныя теченія общественной мысли, различное міровоззрѣніе. По установившейся терминологіи — это была борьба буржуазіи съ демократіей, хотя правильнѣе было бы назвать борьбой буржуазной демократіи съ соціалистической. Обѣ стороны черпали свои руководящія силы изъ одного источника — немногочисленной русской интеллигенціи, различаясь между собою не столько классовыми, корпоративными, имущественными особенностями, сколько политической идеологіей и пріемами борьбы. Обѣ стороны не отражали въ надлежащей мѣрѣ настроенія народной массы, отъ имени которой говорили, и которая, изображая первоначально зрительный залъ, рукоплескала лицедѣямъ, затрогивавшимъ ея наиболѣе жгучія, хотя и не совсѣмъ идеальныя чувства. Только послѣ такой психологической обработки инертный ранѣе народъ, въ частности армія, обратились «въ стихію расплавленныхъ революціей массъ... со страшной силой давленія, которую испытывалъ весь государственный организмъ» [1]). Не соглашаться съ этимъ взаимодѣйствіемъ, значитъ, по толстовскому ученію, отрицать всякое вліяніе вождей на жизнь народовъ — теорія, въ корнѣ опровергнутая большевизмомъ, покорившимъ надолго чуждую ему и враждебную народную стихію.

Въ результатѣ борьбы, съ первыхъ же недѣль правленія новой власти, обнаружилось то явленіе, которое позднѣе, въ серединѣ іюля комитетъ Гос. Думы, въ своемъ обращеніи къ правительству, охарактеризовалъ слѣдующими словами: «захватъ безотвѣтственными организаціями правъ государственной власти, созданіе ими двоевластія въ центрѣ и безвластія въ странѣ».

---

[1]) Слова Керенскаго.

***

Власть Совѣта была также весьма условна.

Не взирая на рядъ кризисовъ правительства, на возможность взять при этомъ власть въ свои руки безраздѣльно и безотказно [1]), революціонная демократія, представленная Совѣтомъ, категорически уклонилась отъ этой роли, прекрасно сознавая, что въ ней недостаточно ни силы, ни знанія, ни умѣнія вести страну, ни надлежащей въ ней опоры.

Устами одного изъ своихъ вождей — Церетелли, она говорила : « не насталъ еще моментъ для осуществленія конечныхъ задачъ пролетаріата, классовыхъ задачъ... Мы поняли, что совершается буржуазная революція... И не имѣя возможности полностью осуществить свѣтлые идеалы... *не захотѣли взять на себя отвѣтственность за крушеніе движенія*, если бы въ отчаянной попыткѣ рѣшились навязать событіямъ свою волю въ данный моментъ. Они предпочитали путемъ постояннаго организованнаго давленія заставлять правительство исполнять ихъ требованія » (Нахамкесъ).

Членъ исполнительнаго комитета Станкевичъ въ своихъ « Воспоминаніяхъ », отражающихъ неисправимую идеологію сбившагося съ пути соціалиста, дошедшаго нынѣ до оправданія большевизма, но вмѣстѣ съ тѣмъ производящихъ впечатлѣніе искренности, даетъ такую характеристику Совѣту : « Совѣтъ — это собраніе полуграмотныхъ солдатъ — оказался руководителемъ потому, что онъ ничего не требовалъ, потому что онъ былъ только фирмой, услужливо прикрывавшей полное безначаліе »... Двѣ тысячи тыловыхъ солдатъ и восемьсотъ рабочихъ Петрограда, образовали учрежденіе, претендовавшее на руководство всей политической, военной, экономической и соціальной жизнью огромной страны! Газетные отчеты о засѣданіяхъ Совѣта свидѣтельствовали объ удивительномъ невѣжествѣ и безтолочи, которыя царили въ нихъ. Становилось невыразимо больно и грустно за такое « представительство » Россіи.

Мало по малу въ кругахъ интеллигенціи, демократической буржуазіи, въ офицерской средѣ накипала глухая и безсильная злоба противъ Совѣта ; на немъ сосредоточивался весь одіумъ, его поносили въ этихъ кругахъ самыми грубыми, унизительными словами. Эту ненависть противъ Совѣта, проявлявшуюся зачастую открыто, революціонная демократія совершенно неправильно относила къ самой *идеѣ демократическаго представительства.*

Съ теченіемъ времени пріоритетъ Петроградскаго совѣта, приписывавшаго выдвинувшей его средѣ исключительную за-

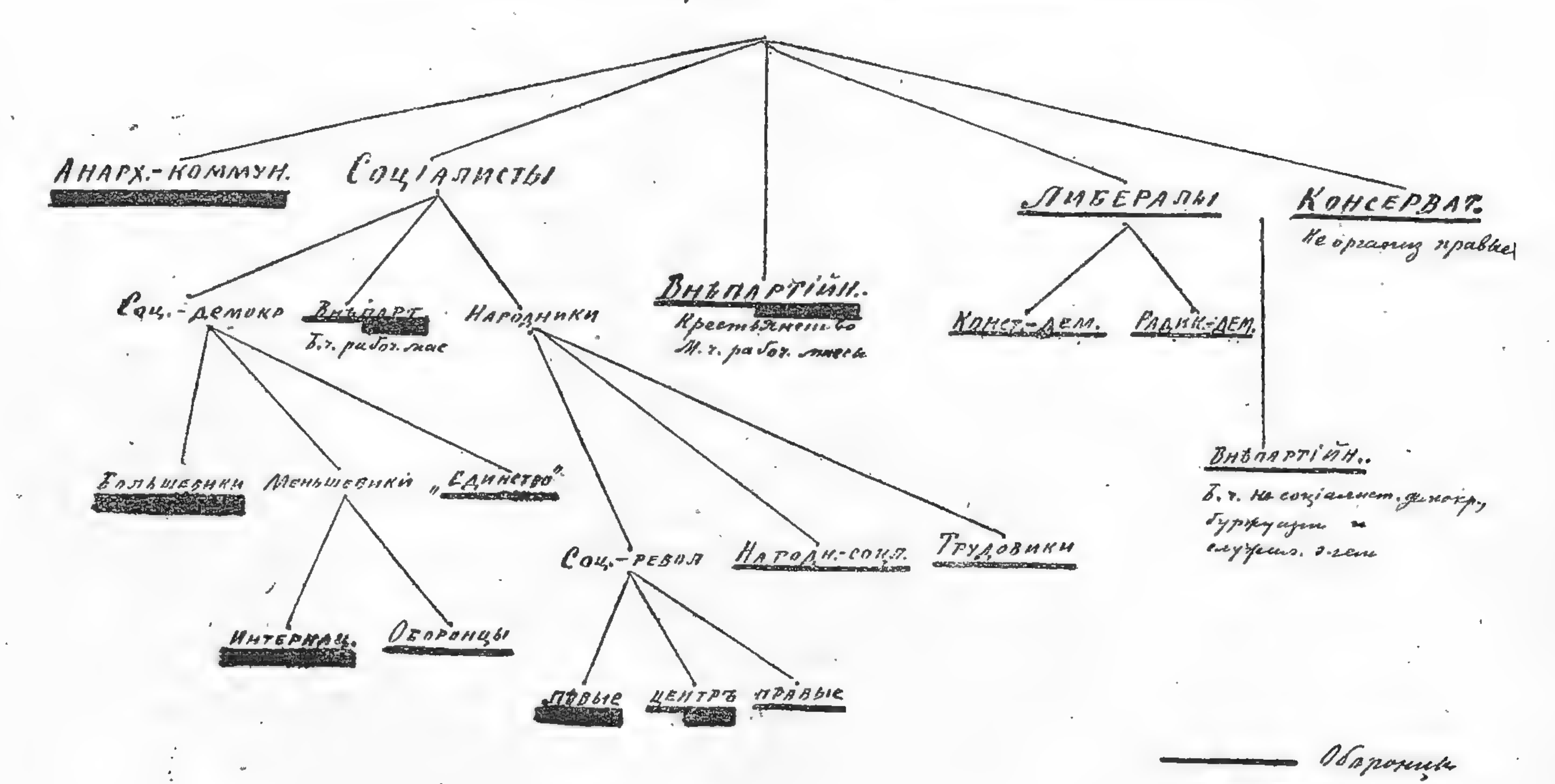
---

[1]) Я говорю только о несопротивленіи этому со стороны Временного правительства.

слугу сверженія старой власти, сталъ замѣтно падать. Огромная сѣть комитетовъ, совѣтовъ, наводнившихъ страну и армію, требовала участія въ правительственной работѣ. Въ результатѣ въ апрѣлѣ состоялся съѣздъ делегатовъ совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Петроградскій совѣтъ реорганизованъ на началахъ болѣе равномѣрнаго представительства, а въ іюнѣ открылся Всероссійскій съѣздъ представителей совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Интересенъ составъ этого уже болѣе полнаго демократическаго представительства.

Соц.-революціонеровъ	285
Соц.-дем. меньшевиковъ	248
Соц.-дем. большевиковъ	105
Интернаціоналистовъ	32
Внѣ фракц. соціалистовъ	73
Объединен. соц.-демократовъ. . .	10
Бундовцевъ	10
Группы « Единства »	3
Народн. соціалистовъ	3
Трудовиковъ	5
Анархо-коммунистовъ	1

Такимъ образомъ, подавляющія массы *не соціалистической* Россіи не были представлены ни однимъ человѣкомъ. Даже тѣ, чуждые политикѣ или принадлежавшіе къ болѣе правымъ группировкамъ элементы, которые прошли отъ совѣтовъ и армейскихъ комитетовъ подъ рубрикой « внѣпартійныхъ », по побужденіямъ далеко не государственнымъ, поспѣшили нацѣпить на себя соціалистическій ярлыкъ и растворились въ партійномъ составѣ. Чисто соціалистическими были и всѣ составы исполнительнаго комитета совѣта. При этихъ условіяхъ невозможно было расчитывать на самоограниченіе революціонной демократіи и надѣяться на удержаніе народнаго движенія въ рамкахъ буржуазной революціи. Фактически у полусгнившаго кормила власти сталъ блокъ изъ соціалъ-революціонеровъ и соціалъ-демократовъ меньшевиковъ съ явнымъ преобладаніемъ вначалѣ первыхъ, потомъ послѣднихъ. Въ сущности этотъ узко-партійный блокъ, тяготѣвшій надъ волей правительства и несетъ на себѣ главную тяжесть отвѣтственности за послѣдующій ходъ русской революціи.

Росія смутнаго времени (1917 г.)
Анарх.-коммун.
Соціалисты
Внѣпартійн.
Крестьянство
М. ч. рабоч. масс
Либералы
Консерват.
Не организ. правые
Соц.-демокр
Внѣпарт.
Б. ч. рабоч. мас
Народники
Конст.-дем.
Радик.-дем.
Большевики
Меньшевики
„Единство"
Соц.-револ
Народн.-соц.
Трудовики
Внѣпартійн.
Б. ч. не соціалист. демокр., буржуазии и служил. элем.
Интернац.
Оборонцы
Лѣвые
Центръ
Правые
Оборонцы
Частью обор,
поражен.
Пораженцы

Составъ Совѣта былъ крайне разнороденъ : интеллигенты, мелкая буржуазія, рабочіе, солдаты, много дезертировъ... По существу Совѣтъ и съѣзды, въ особенности первый, представляли изъ себя довольно аморфную массу, совершенно невоспитанную въ политическомъ отношеніи : центръ тяжести всей работы руководства и вліянія перешелъ поэтому въ исполнительные комитеты, представленные почти исключительно соціалистическимъ интеллигентскимъ элементомъ. Самую уничтожающую критику Исполнительнаго комитета совѣта вынесъ изъ нѣдръ самого учрежденія членъ его, В. Б. Станкевичъ : хаотичность засѣданій, политическая дезорганизованность, неопредѣленность, торопливость и случайность въ рѣшеніи вопросовъ, полное отсутствіе административнаго опыта и, наконецъ, демагогія членовъ комитета : одинъ призываетъ въ « Извѣстіяхъ » къ анархіи, другой разсылаетъ разрѣшительныя грамоты на экспропріацію помѣщичьихъ земель, третій разъясняетъ пришедшей военной делегаціи, пожаловавшейся на военное начальство, что необходимо его смѣстить, арестовать и т. д.

« Поражающей чертой въ личномъ составѣ комитета является значительное количество инородческаго элемента — пишетъ Станкевичъ. — Евреи, грузины, латыши, поляки, литовцы были представлены совершенно несоразмѣрно ихъ численности и въ Петроградѣ, и въ странѣ ».

Я приведу списокъ перваго президіума Всерос. центр. комит. совѣтовъ р. и с. д. :

Чхеидзе — грузинъ
Гурвичъ (Данъ), Гольдманъ (Либеръ), Гоцъ, Гендельманъ, Розенфельдъ (Каменевъ) — евреи
Саакіанъ — армянинъ
Крушинскій — полякъ
Никольскій — если не псевдонимъ, то вѣроятно русскій.

Это исключительное преобладаніе инородческаго элемента, чуждаго русской національной идеѣ, не могло, конечно, не повлiять въ свою очередь на все направленіе дѣятельности Совѣта въ духѣ гибельномъ для русской государственности.

Правительство съ первыхъ же шаговъ своихъ попало въ плѣнъ къ Совѣту, котораго значеніе, вліяніе и силу оно переоцѣнивало и которому само не могло противопоставить ни силы, ни твердой воли къ сопротивленію и борьбѣ. Правительство не надѣялось на успѣхъ этой борьбы, такъ какъ, охраняя русскую государственность, оно не могло провозглашать такіе плѣнительные для взбаламученнаго народнаго моря лозунги, какіе выходили изъ Совѣта. Правительство говорило больше объ обязанностяхъ, Совѣтъ — о правахъ. Первое « запрещало », второй « позволялъ ». Правительство было связано со старой

властью преемственностью всей государственной идеологіи, организаціи, даже внѣшнихъ пріемовъ управленія, тогда какъ Совѣтъ, рожденный изъ бунта и подполья, являлся прямымъ отрицаніемъ всего стараго строя.

Если до сихъ поръ еще среди небольшой части умѣренной демократіи сохранилось убѣжденіе въ « сдерживающей народную стихію » роли Совѣта, то это результатъ прямого недоразумѣнія .

Совѣтъ, въ дѣйствительности, не прямо разрушалъ русскую государственность — онъ ее расшатывалъ и расшаталъ до крушенія арміи и пріятія большевизма.

Отсюда двойственность и неискренность направленія его дѣятельности.

Не желая и не имѣя возможности принять власть, Совѣтъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не допускалъ укрѣпленія этой власти въ рукахъ правительства. На ряду съ призывомъ революціонной демократіи « оказывать поддержку Временному правительству, поскольку оно будетъ неуклонно идти въ направленіи къ упроченію и расширенію завоеваній революціи и поскольку свою внѣшнюю политику оно строитъ на почвѣ отказа отъ захватныхъ стремленій », недовѣріемъ и прямой угрозой звучитъ дальнѣйшій призывъ : « организуясь и сплачивая свои силы вокругъ совѣтовъ р. и с. д., быть готовымъ дать рѣшительный отпоръ всякой попыткѣ правительства уйти изъ подъ контроля демократіи или уклониться отъ выполненія принятыхъ на себя обязательствъ ». (Резолюція перваго съѣзда 4 апр. 17 г.).

Но, помимо декларативныхъ выступленій, въ повседневной жизни Совѣта и Исполнительнаго комитета всѣ рѣчи, всѣ разговоры, разъясненія, выступленія — устныя, печатныя — пленума, отдѣльныхъ группъ, отдѣльныхъ лицъ, разсылаемыхъ по странѣ и фронту — клонились къ разрушенію авторитета правительства. « Не нарочно, но постоянно, — говоритъ Станкевичъ — комитетъ наносилъ смертельные удары правительству ».

Сознательно разрушая дисциплину въ арміи приказомъ № 1, декларацiей правъ солдата и постояннымъ воздѣйствіемъ на военное законодательство и войсковыя организаціи, унизивъ и обезличивъ командный составъ, Совѣтъ одновременно возвѣщалъ, что « армія сильна лишь союзомъ солдатъ и офицерства », что « командному составу должна быть предоставлена полная самостоятельность въ области оперативной и боевой дѣятельности, рѣшающее значеніе въ области строевой и боевой подготовки ».

Любопытно, кто-же направлялъ военное законодательство по пути демократизаціи, ломая всѣ устои арміи, вдохновляя Поливановскую комиссію, связывая по рукамъ двухъ военныхъ министровъ? Составъ лицъ, выбранныхъ въ началѣ апрѣля отъ

солдатской части Совѣта въ исполнительный комитетъ, опредѣляется такъ [1]) :

Офицеровъ воен. времени.	Чиновниковъ.	Юнкеровъ.	СОЛДАТЪ.	
			Тылов. частей.	Писарей и нестроевыхъ.
1	2	2	9	5

Характеристику же ихъ предоставляю Станкевичу : « вначалѣ попали истерическія, крикливыя и неуравновѣшенныя натуры, которыя въ результатѣ ничего не давали комитету »... Потомъ вошли новые съ « Завадьей и Бинасикомъ во главѣ. Послѣдніе добросовѣстно, насколько въ силахъ, старались справиться съ моремъ военныхъ дѣлъ. Но оба были, кажется, мирными писарями въ запасныхъ батальонахъ, никогда не интересовавшимися ни войной, ни арміей, ни политическимъ переворотомъ »...

Наиболѣе ярко двойственность и неискренность Совѣта выражались въ вопросѣ о войнѣ. Лѣвые интеллигентскіе круги и революціонная демократія въ большей части своей исповѣдывали идеи Циммервальда и интернаціонализма. Естественно, поэтому, что первое слово, съ которымъ Совѣтъ обратился « къ народамъ всего міра » (14 марта 1917 года), было :

— Миръ!

Но міровыя проблемы, безконечно сложныя въ сплетеніи національныхъ, политическихъ, экономическихъ интересовъ народовъ, расходящихся въ пониманіи предвѣчной міровой правды, не могли быть разрѣшены такимъ элементарнымъ путемъ. Бетманъ-Гольвегъ отвѣтилъ презрительнымъ молчаніемъ. Рейхстагъ 17 марта 1917 года большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ голосовъ обѣихъ соціалъ-демократическихъ фракцій отклонилъ предложеніе о заключеніи мира безъ анексій. Нѣмецкая демократія устами Носке сказала : « намъ изъ-за границы предлагаютъ устроить революцію; если мы послѣдуемъ этому совѣту, то рабочіе классы постигнетъ несчастье »; въ станѣ союзниковъ и среди союзной демократіи совѣтскій манифестъ вызвалъ лишь недоумѣніе, тревогу и неудовольствіе, особенно ярко выраженныя въ рѣчахъ прибывшихъ въ Россію Тома, Гендерсона, Вандервельде и даже нынѣшняго французскаго большевика Кашэна.

Въ дальнѣйшемъ къ слову « миръ » Совѣтъ прибавилъ новое опредѣленіе « безъ анексій и контрибуцій, на основѣ самоопредѣленія народовъ ». Теоретичность этой формулы немедленно

---

[1]) Ранѣе состояло въ комитетѣ три офицера военнаго времени и нѣсколько солдатъ.

же столкнулась съ реальнымъ вопросомъ объ оккупированной нѣмцами западной и южной Россіи, о Польшѣ, о разоренныхъ нѣмцами странахъ — Румыніи, Бельгіи и Сербіи, объ Эльзасъ-Лотарингіи и Познани, наконецъ о томъ рабствѣ, экспропріаціяхъ и принудительномъ трудѣ для войны, которымъ были подвергнуты нѣмцами всѣ страны, подпавшіе подъ ихъ власть. Ибо, согласно программѣ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ, опубликованной наконецъ въ Стокгольмѣ, — для французовъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи, поляковъ въ Познани и датчанъ въ Шлезвигѣ предназначалась только культурно-національная автономія подъ скипетромъ германскаго императора.

Въ то-же время всемѣрно поощрялась идея самостоятельности Финляндіи, русской Польши, Ирландіи. Требованіе возвращенія нѣмецкихъ колоній находилось въ какомъ то трогательномъ единеніи съ обѣщаніями самостоятельности Индіи, Сіаму, Кореѣ...

Chanteclair не вызвалъ солнца. Протянутая рука стыдливо повисла въ воздухѣ. Совѣтъ вынужденъ былъ признать, что « нужно время, чтобы народы всѣхъ странъ возстали и желѣзною рукою принудили своихъ царей и капиталистовъ къ миру »... А пока « товарищи-солдаты, поклявшись защищать русскую свободу », не должны « отказываться отъ наступательныхъ дѣйствій, которыхъ можетъ потребовать боевая обстановка »... Въ средѣ революціонной демократіи наступила растерянность, ярко выраженная въ словахъ Чхеидзе : « мы все время говорили противъ войны, какъ же я могу теперь призывать солдатъ къ продолженію войны, къ стоянію на фронтѣ! » [1]).

Но слова « война » и « наступленіе » были все-таки произнесены. Они раздѣлили совѣтскихъ соціалистовъ на два лагеря — « оборонцевъ » и « пораженцевъ ». Теоретически къ первымъ принадлежали только правыя группы соц. революціонеровъ, народные соціалисты, « Единство » и трудовики. Прочіе соціалисты исповѣдывали немедленную ликвидацію войны и углубленіе революціи путемъ внутренней классовой борьбы. Практически-же, при голосованіи вопроса о войнѣ, къ оборонцамъ присоединялась большая часть соц. рев. и соц. дем. меньшевиковъ. Но выносимыя формулы носили на себѣ печать этой двойственности — ни мира, ни войны. Церетелли призывалъ « пробудить движеніе противъ войны во всѣхъ странахъ, какъ союзныхъ, такъ и враждебныхъ ». Съѣздъ делегатовъ совѣтовъ р. и с. депутатовъ въ концѣ марта вынесъ не совсѣмъ опредѣленное постановленіе, въ которомъ, послѣ требованія отказа отъ « аннексій и контрибуцій », предъявленнаго всѣмъ воюющимъ державамъ, указывалось все-же, что « пока война продолжается,

---

[1]) Станкевичъ. « Воспоминанія ».

« Транспортъ »

Стр. 149.

крушеніе арміи, ослабленіе ея устойчивости, крѣпости и способности къ *активнымъ* операціямъ было бы величайшимъ ударомъ для дѣла свободы и для жизненныхъ интересовъ страны». Въ началѣ іюня второй съѣздъ вынесъ новую резолюцію, которая на ряду съ опредѣленнымъ заявленіемъ, что «вопросъ о наступленіи долженъ быть рѣшаемъ исключительно съ точки зрѣнія чисто военныхъ и стратегическихъ соображеній», вмѣстѣ съ тѣмъ, внушала явно пораженческую идею: «окончаніе войны путемъ разгрома одной изъ группъ воюющихъ сторонъ послужило бы источникомъ новыхъ войнъ, еще болѣе усилило бы рознь между народами и довело бы ихъ до полнаго истощенія, голода и гибели». Революціонная демократія очевидно смѣшала два понятія: *стратегическую побѣду*, знаменующую окончаніе войны, и *условія мирнаго договора*, которыя могутъ быть человѣчны и безчеловѣчны, справедливы и несправедливы, дальновидны и близоруки.

И такъ, слѣдовательно — война, наступленіе, но *безъ побѣды*.

Небезынтересно указать, что такую-же формулу произнесъ еще въ 1915 году прусскій депутатъ и редакторъ «Vorwærts'a» Стребель: «я исповѣдую открыто, что полная побѣда имперіи не послужитъ на пользу соціалъ-демократіи»...

Не было той области государственнаго управленія, въ которую бы не вмѣшивался Совѣтъ и Исполнительный комитетъ съ той-же двойственностью и той-же неискренностью, которыя вызывались съ одной стороны боязнью нарушить основныя догмы своихъ ученій и съ другой — явной невозможностью претворенія ихъ въ жизнь. Въ государственномъ строительствѣ творческой работы его не было и не могло быть. Въ области экономической жизни страны, въ аграрномъ и рабочемъ вопросѣ эта дѣятельность ограничивалась опубликованіемъ широковѣщательныхъ партійныхъ соціалистическихъ программъ, осуществленіе которыхъ даже въ глазахъ министровъ-соціалистовъ въ обстановкѣ анархіи, войны и экономической разрухи было невыполнимо. Тѣмъ не менѣе, эти резолюціи и воззванія принимались въ народѣ, на фабрикѣ и въ деревнѣ какъ «разрѣшеніе», возбуждали страсти, вызывали желаніе къ немедленному и самочинному проведенію ихъ въ жизнь. А вслѣдъ за такой подготовкой народныхъ стремленій тутъ-же слѣдовали сдерживающія воззванія: «потребовать немедленнаго и безпрекословнаго исполненія всѣхъ предписаній Временнаго Правительства, которыя оно сочтетъ необходимымъ издать въ интересахъ революціи и внѣшней безопасности страны»... [1])

Но декларативная литература далеко еще не опредѣляетъ характеръ дѣятельности Совѣта.

---

[1]) Кронштадцамъ 26 мая 1917 года.

Главною чертою Совѣта и Комитета было полное отсутствіе дисциплины среди ихъ членовъ. Говоря о взаимоотношеніяхъ особой делегаціи Комитета (контактной) съ Временнымъ Правительствомъ, Станкевичъ прибавляетъ : « но что могла сдѣлать эта делегація, если въ то время, какъ она бесѣдовала и приходила къ полному единодушію съ министрами, десятки Александровскихъ [1]) разсылали письма, печатали статьи въ « Извѣстіяхъ », разъѣзжали отъ имени Комитета делегатами по провинціи и въ арміи, принимали ходоковъ въ Таврическомъ дворцѣ, каждый выступая по своему, не считаясь ни съ какими разговорами, инструкціями или постановленіями и рѣшеніями »...

Обладалъ-ли дѣйствительной властью Совѣтъ (Центральный комитетъ)?

Я отвѣчу словами обращенія организаціоннаго комитета рабочей соціалъ-демократической партіи (іюль 1917 года) :

« И тотъ лозунгъ, за которымъ идутъ многіе рабочіе — « вся власть совѣтамъ » — есть опасный лозунгъ. *Ибо за совѣтами идетъ меньшинство населенія*, и мы должны всѣми силами добиваться, чтобы тѣ буржуазные элементы, которые еще могутъ и хотятъ вмѣстѣ съ нами отстаивать завоеванія революціи, вмѣстѣ съ нами взяли на себя и то тяжкое наслѣдство, какое досталось намъ отъ стараго режима, и ту огромную отвѣтственность за исходъ революціи, какая ложится на насъ передъ лицомъ всего народа ».

Но Совѣтъ (позднѣе и Всерос. Центр. Комитетъ), въ силу своего состава и политической идеологіи, не могъ и не хотѣлъ оказывать въ полной мѣрѣ хотя бы сдерживающаго вліянія на народную стихію, вырвавшуюся изъ оковъ, мятущуюся и бушующую, ибо члены его были вдохновителями этого движенія, и все значеніе, вліяніе и авторитетъ Совѣта находились въ строгой зависимости отъ степени потворствованія инстинктамъ народныхъ массъ. А эти массы, какъ говоритъ даже сторонній наблюдатель изъ марксистскаго лагеря, Карлъ Каутскій, [2]), « какъ только революція втянула ихъ въ свое движеніе, знали лишь о своихъ нуждахъ, о своихъ стремленіяхъ и плевали на то, осуществимы ли и общественно полезны или нѣтъ ихъ требованія ». И сколько нибудь твердое и рѣшительное противодѣйствіе ихъ давленію грозило смести бытіе Совѣта.

Къ тому-же день за днемъ, шагъ за шагомъ Совѣтъ подпадалъ все больше и больше подъ вліяніе анархо-большевистскихъ идей.

---

[1]) Членъ комитета, выдававшій разрѣшенія на захваты земель.

[2]) Терроризмъ и коммунизмъ.

ГЛАВА XII

Власть: борьба за власть большевиковъ, власть арміи, идея диктатуры.

Первый періодъ дѣятельности большевиковъ — отъ начала революціи до октябрьскаго переворота заключался *въ борьбѣ за власть* путемъ упраздненія всего буржуазнаго строя страны и дезорганизаціи арміи, подготовляя тѣмъ почву для пришествія большевизма (L'avénement, какъ торжественно называетъ Бронштейнъ-Троцкій).

На другой день послѣ своего пріѣзда въ Россію Ленинъ опубликовалъ свои « тезисы », которые я привожу въ извлеченіи:

1. Война, веденная « капиталистическимъ правительствомъ» остается грабительской, имперіалистской, и потому недопустимы ни малѣйшія уступки « революціонному оборончеству ».

Представителямъ революціоннаго оборончества и дѣйствующей арміи разъяснять, что кончить войну истиннымъ демократическимъ, не насильническимъ миромъ *нельзя* безъ сверженія капитала.

Братанье.

2. Переходъ отъ перваго этапа революціи, давшаго власть буржуазіи, ко *второму*, который долженъ дать власть пролетаріату и бѣднѣйшимъ слоямъ крестьянства.

3. Никакой поддержки Временному правительству; разъясненіе полной лживости его обѣщаній.

4. Признаніе факта, что въ большинствѣ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ партія большевиковъ — въ меньшинствѣ и поэтому, пока нужно вести работу критики и выясненія ошибокъ, проповѣдуя въ то же время необходимость перехода всей государственной власти къ совѣту рабочихъ депутатовъ.

5. Россія — не парламентарная республика, — это было бы шагомъ назадъ, — а республика совѣтовъ рабочихъ, батрацкихъ и крестьянскихъ депутатовъ по всей странѣ, снизу до верху.

Устраненіе полиціи (милиціи?), арміи, чиновничества.

6. Въ аграрной программѣ — перенесеніе центра тяжести на *совѣты батрацкихъ депутатовъ*. Конфискація всѣхъ помѣщичьихъ земель. Націонализація *всѣхъ* земель въ странѣ;

распоряженіе землею *мѣстными* совѣтами батрацкихъ и крестьянскихъ депутатовъ. *Выдѣленіе* совѣтскихъ депутатовъ отъ бѣднѣйшихъ крестьянъ.

7. Немедленное сліяніе всѣхъ банковъ страны въ одинъ обще-національный банкъ и введеніе контроля надъ нимъ со стороны Совѣта рабочихъ депутатовъ.

8. Пока — не *введеніе соціализма*, а только переходъ къ *контролю* со стороны Совѣта рабочихъ депутатовъ за общественнымъ производствомъ и распредѣленіемъ продуктовъ.

9. Требованіе *государства-коммуны* и перемѣна названія партіи соціалъ-демократовъ большевиковъ на *коммунистическую* партію.

Я не буду останавливаться надъ этой программой, проведеніе которой въ жизнь началось съ конца октября, съ извѣстными отступленіями. Для перваго періода дѣятельности большевиковъ важнѣе тактика ихъ, исходившая изъ слѣдующихъ конкретныхъ положеній :

1) свержeніе правительства и разложеніе арміи;

2) возбужденіе классовой борьбы въ странѣ и даже внутриклассовой — въ деревнѣ;

3) отрицаніе демократическихъ формъ государственнаго строя и переходъ власти къ меньшинству (партіи с.-д. большевиковъ) — « меньшинству хорошо организованному, вооруженному и централизованному » (Ленинъ).

Но идеологія партіи была недоступна пониманію не только темныхъ массъ русскаго народа, но и второстепенныхъ работниковъ большевизма, которые были разсѣяны по странѣ. Массамъ нужны были лозунги простые, ясные, *немедленно* проводимые въ жизнь и отвѣчающіе ихъ желаніямъ и требованіямъ, чрезмѣрно возросшимъ въ бурной атмосферѣ революціи. Этотъ упрощенный большевизмъ — съ типичными чертами русскаго бунта — проводить было тѣмъ легче, что онъ отрѣшился отъ всякихъ сдерживающихъ моральныхъ началъ, поставивъ цѣлью первоначальной своей дѣятельности одно чистое разрушеніе, не останавливаясь при этомъ передъ угрозой военнаго разгрома и разоренія страны.

Первымъ объектомъ борьбы было Временное правительство. Во всей большевистской печати, въ словесной агитаціи, въ выступленіяхъ совѣтовъ, съѣздовъ, даже въ дискуссіяхъ съ членами Временнаго правительства, главари большевиковъ проводили рѣзко и настойчиво идею его устраненія, какъ « орудія контръ-революціи и международной реакціи ».

Но переходить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ большевики все-же воздерживались, опасаясь « отсталой въ политическомъ отношеніи провинціи ». Начался рядъ дѣйствій, имѣвшихъ, по военной терминологіи характеръ усиленной развѣдки :

захватъ особняковъ въ Петроградѣ [1]) и демонстрація 20-21 апрѣля. Это былъ первый « смотръ » пролетаріату и подсчетъ большевистскихъ силъ. Демонстрація, въ которой приняли участіе рабочіе и войска, имѣла внѣшнимъ [2]) поводомъ ноту Милюкова по международной политикѣ и слѣдствіемъ — волненіе въ столицѣ и вооруженное столкновеніе, съ убитыми и ранеными. Толпа носила плакаты съ надписями « Долой захватную политику Милюкова », « Долой Временное правительство ».

« Смотръ » не удался. И хотя въ преніяхъ по этому поводу въ Совѣтѣ большевики требовали сверженія правительства, въ рѣчахъ ихъ звучала, однако, нота нѣкоторой неувѣренности: « ... но прежде, чѣмъ пойти на это, пролетаріатъ долженъ обсудить существующее положеніе и подсчитать свои силы ». Совѣтъ вынесъ осужденіе и захватной политикѣ правительства и выступленію большевиковъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, « горячо привѣтствовалъ революціонную демократію Петрограда, своими митингами, резолюціями и демонстраціями засвидѣтельствовавшую свое напряженное вниманіе къ вопросамъ внѣшней политики!.. » (Изъ воззванія Совѣта).

10-го іюня, во время съѣзда совѣтовъ, Ленинъ готовилъ новую крупную вооруженную демонстрацію, но, ввиду совершенно отрицательнаго отношенія къ ней огромнаго большинства съѣзда, ее пришлось отмѣнить. Демонстрація имѣла своей цѣлью также переходъ власти къ совѣтамъ. Весьма оригинальна была эта борьба внутри самой революціонной демократіи, между двумя ея крылами, ставшими въ непримиримыя отношенія другъ къ другу. Лѣвое крыло всѣми силами предлагало оборонческому блоку — такъ какъ за нимъ было большинство — порвать съ буржуазіей и взять въ свои руки власть. Блокъ также всѣми силами открещивался отъ этой власти. Въ средѣ совѣтовъ шла нѣкоторая дифференціація, выражавшаяся въ сближеніи по частнымъ вопросамъ съ большевиками лѣвыхъ соціалистовъ-революціонеровъ и соціалъ-демократовъ интернаціоналистовъ; но, тѣмъ не менѣе, до сентября большевики не имѣли еще абсолютнаго большинства какъ въ Петроградскомъ совѣтѣ, такъ и во многихъ провинціальныхъ. Только 25-го сентября мѣсто предсѣдателя въ Петроградскомъ совѣтѣ занялъ Бронштейнъ (Троцкій), смѣнившій Чхеидзе. Формула « вся власть совѣтамъ » казалась поэтому въ ихъ устахъ или самопожертвованіемъ или провокаціей. Бронштейнъ (Троцкій) разъясняетъ это недоразумѣніе. По его словамъ [3]), « благодаря

---

[1]) Дача Дурново, дача Кшесинской и т. д.

[2]) Внутреннія причины лежали несомнѣнно въ томъ основномъ расхожденіи двухъ теченій, о которомъ я говорилъ раньше. *Все остальное* — только *поводы*.

[3]) « L'avénement du bolchevisme ».

постояннымъ перевыборамъ, механизмъ совѣтовъ могъ отражать правильное (?) настроеніе рабочихъ и солдатскихъ массъ, все время уклоняющееся влѣво; а послѣ порыва съ буржуазіей крайнія тенденціи должны были возобладать въ совѣтахъ».

По мѣрѣ выясненія истинной физіономіи большевизма, это расхожденіе принимало болѣе глубокія формы, не ограничиваясь рамками соціалъ-демократической программы (максимумъ и минимумъ) и партійной тактики. Это была борьба демократіи съ пролетаріатомъ; большинства съ меньшинствомъ — интеллектуально наиболѣе отсталымъ, но сильнымъ своимъ бунтарскимъ дерзаніемъ и возглавляемымъ людьми сильными и абсолютно безпринципными; демократическихъ принциповъ — всеобщаго избирательнаго права, политическихъ свободъ, равенства и т. д. — съ диктатурой привиллегированнаго класса, съ безуміемъ и грядущимъ рабствомъ.

2-го іюля произошелъ второй министерскій кризисъ по внѣшнему поводу несогласія либеральныхъ министровъ съ актомъ объ украинской автономіи. А 3-5-го іюля большевики подняли опять мятежъ въ столицѣ, произведенный вооруженными толпами рабочихъ, солдатъ и матросовъ — на этотъ разъ въ широкихъ размѣрахъ, вызвавшій грабежи, убійства, много жертвъ и поставившій правительство въ тяжелое положеніе. Керенскій былъ въ это время у меня на Западномъ фронтѣ, и переговоры его по прямому проводу съ Петроградомъ свидѣтельствовали о крайне подавленномъ состояніи предсѣдателя кн. Львова и членовъ правительства. Кн. Львовъ вызывалъ Керенскаго немедленно въ Петроградъ, но предупреждалъ, что не ручается за безопасность его жизни...

Возставшіе требовали отъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и Центральнаго комитета съѣзда — взять власть въ свои руки. Органы революціонной демократіи вновь категорически отказались.

Провинція не поддержала. Возстаніе было подавлено, главнымъ образомъ, благодаря Владимірскому военному училищу и казачьимъ полкамъ; приняли участіе на сторонѣ правительства и нѣсколько ротъ гарнизона. Бронштейнъ (Троцкій) пишетъ по этому поводу, что выступленіе оказалось явно преждевременнымъ, въ гарнизонѣ было слишкомъ еще много элементовъ пассивныхъ и нерѣшительныхъ. Но что оно доказало все-же, что « за исключеніемъ юнкеровъ никто не былъ расположенъ сражаться противъ большевиковъ *за правительство или за руководящія партіи совѣта* ».

Въ этомъ заключался весь трагизмъ положенія правительства Керенскаго и Совѣта. Толпа не шла за отвлеченными лозунгами. Она оказалась одинаково равнодушной и къ родинѣ, и къ революціи, и къ интернаціоналу и не собиралась ни за одну изъ этихъ цѣнностей проливать свою кровь и жертвовать

своею жизнью. Толпа шла за реальными обѣщаніями тѣхъ людей, которые потворствовали ея инстинктамъ.

***

Изслѣдуя понятіе « власть » по отношенію ко всему до-октябрьскому періоду русской революціи, мы въ сущности говоримъ лишь о *внѣшнихъ формахъ ея.* Ибо въ исключительныхъ условіяхъ міровой войны небывалаго въ исторіи масштаба, когда 12% всего мужского населенія было подъ ружьемъ, вся власть находилась въ рукахъ —

Арміи.

Арміи, сбитой съ толку, развращенной ложными ученіями, потерявшей сознаніе долга и страхъ передъ силой принужденія. А главное—потерявшей «вождя»... Ни правительство, ни Керенскій, ни командный составъ, ни Совѣтъ, ни войсковые комитеты, по причинамъ весьма разнообразнымъ и взаимно исключающимъ другъ друга, не могли претендовать на эту роль. Ихъ взаимоотношенія и столкновенія, болѣзненно преломлявшіяся въ сознаніи солдатской массы, еще болѣе усиливали ея развалъ. Безполезно дѣлать предположенія, которыя нельзя обосновать воплощеніемъ ихъ въ жизнь, тѣмъ болѣе при отсутствіи исторической перспективы. Но вопросъ этотъ настолько жгучій и мучительный, что невольно будетъ привлекать къ себѣ вниманіе всегда : можно ли было поставить плотину, которая въ состояніи была бы сдержать напоръ народной стихіи и удержать въ повиновеніи армію? Я думаю, что можно было. Вначалѣ могло и верховное командованіе, и правительство — настолько рѣшительное, чтобы раздавить совѣты, или настолько сильное и мудрое, чтобы привлечь ихъ въ орбиту государственности и истинно демократическаго строительства.

Съ другой стороны, армія представляла изъ себя плоть отъ плоти и кровь отъ крови русскаго народа. А этотъ народъ втеченіе многихъ вѣковъ того режима, который не давалъ ему ни просвѣщенія, ни свободнаго политическаго и соціальнаго развитія, не сумѣлъ воспитать въ себѣ чувства государственности и не могъ создать лучшаго демократическаго правительства, чѣмъ то, которое говорило отъ его имени въ дни революціи.

***

Въ началѣ революціи Временное правительство несомнѣнно пользовалось широкимъ признаніемъ всѣхъ здоровыхъ слоевъ населенія. Весь старшій командный составъ, все офицерство, многія войсковыя части, буржуазія и демократическіе элементы, не сбитые съ толку воинствующимъ соціализмомъ, — были на сторонѣ правительства. Газеты того времени полны огромнымъ

количествомъ телеграммъ, адресовъ, обращеній, поступавшихъ со всѣхъ концовъ Россіи отъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ, сословныхъ, военныхъ группъ, организацій, учрежденій, конечно и такихъ, демократизмъ которыхъ былъ внѣ всякаго сомнѣнія. Это довѣріе, по мѣрѣ обезличенія, обезсиленія правительства и перехода его послѣдовательно къ двумъ коалиціямъ, въ этихъ кругахъ все болѣе падало, и взамѣнъ не компенсировалось большимъ признаніемъ революціонной демократіи, ибо въ ея средѣ все болѣе росли теченія анархическаго характера, отрицавшія всякую власть.

Къ началу мая, послѣ вооруженнаго выступленія на улицахъ Петрограда, происшедшаго безъ вѣдома Совѣта, но при участіи его членовъ, послѣ ухода Гучкова и Милюкова, полное безсиліе Временнаго правительства стало настолько очевиднымъ, что князь Львовъ, въ согласіи съ комитетомъ Государственной Думы и кадетской партіей, обратился къ Совѣту, приглашая « къ непосредственному участію въ управленіи государствомъ... тѣ активныя творческія силы страны, которыя доселѣ не принимали прямого и непосредственнаго въ немъ участія ». Совѣтъ послѣ нѣкоторой борьбы счелъ вынужденнымъ согласиться на вступленіе въ составъ правительства своихъ членовъ [1]) и тѣмъ возложить на себя прямую отвѣтственность за судьбы революціи. Совѣтъ не пожелалъ взять всю власть, такъ какъ « переходъ всей власти къ Совѣтамъ р. и с. д. въ переживаемый періодъ русской революціи значительно ослабилъ бы ея силы, *преждевременно* оттолкнувъ отъ нея элементы, способные еще ей служить, и грозилъ бы крушеніемъ революціи » [2]). Легко можно представить себѣ то впечатлѣніе, которое производили подобныя резолюціи на буржуазію и ея « заложниковъ » въ коалиціонномъ министерствѣ.

И хотя Совѣтъ выражалъ новому правительству свое полное довѣріе и призывалъ демократію « оказать ему дѣятельную поддержку, обезпечивающую ему всю полноту власти » [3]), но эта « власть » была уже окончательно и безнадежно дискредитирована и потеряна. Соціалистическая среда, давшая своихъ представителей въ правительство, нисколько не измѣнила и не усилила этимъ его интеллектуальныхъ качествъ. Наоборотъ — ослабила еще болѣе, увеличивъ эту зіяющую трещину, которая образовалась между двумя политическими группировками, представленными въ немъ. Совѣтъ, выражая оффиціально довѣріе правительству, продолжалъ фактически расшатывать его власть, охладѣвъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ министрамъ-соціалистамъ,

[1]) Вошли : Скобелевъ (м. труда), Черновъ (м. землед.), Пѣшехоновъ (м. продов.), Церетелли (почтъ и телегр.).

[2]) Резолюція Всер. съѣзда; іюнь 17 года.

[3]) Резолюція Совѣта 5 мая.

вынужденнымъ нѣсколько уклониться отъ прямолинейнаго выполненія партійныхъ соціалистическихъ программъ подъ вліяніемъ реальныхъ условій жизни. А народъ и армія отнеслись къ факту совершенно равнодушно, утрачивая постепенно сознаніе существованія власти, не проявлявшейся сколько нибудь замѣтно въ области ихъ повседневной жизни.

Кровавое возстаніе въ Петроградѣ, поднятое 3-5-го іюля лѣвымъ крыломъ Совѣта (анархо-большевистское), уходъ князя Львова и новое коалиціонное министерство, въ которомъ представители соціалистическихъ партій, проведенные Совѣтомъ, получили окончательное преобладаніе [1]), явились не болѣе какъ этапами, приближающими къ окончательному паденію государственной власти. Поводы, вызвавшіе и первый и второй правительственные кризисы (декларація правъ солдата, международная политика Совѣта, отдѣленіе Украины, аграрныя реформы Чернова и т. д.), при всей ихъ государственной важности, были все-же только поводами. Коалиція, въ которой демократической буржуазіи представлялась пассивная роль, когда ея «временное» участіе требовалось только для раздѣленія отвѣтственности, а всѣ дѣла рѣшались за кулисами правительства, въ кругахъ близкихъ къ Совѣту, такая коалиція не была жизненной и не могла примирить съ революціонной демократіей даже наиболѣе оппортунистически настроенную буржуазію.

Въ соотношеніи силъ, независимо отъ политическихъ и соціальныхъ признаковъ, несомнѣнно играли большую роль факты чисто объективные: неудовлетворенность широкихъ народныхъ массъ, въ силу общаго положенія страны, дѣятельностью правительства.

Народныя массы воспринимали революцію не какъ тяжкій переходный этапъ, связанный тысячью нитей съ прошлымъ и настоящимъ русскаго и міровою государственнаго развитія, а какъ самодовлѣющее реальное явленіе сегодняшняго дня, съ такими же реальными бѣдствіями — войны, бандитизма, безправія, безсудности, безтоварія, холода и голода. Народныя массы не разбирались вовсе въ чрезвычайно сложной обстановкѣ происходящихъ событій, не отдѣляли причинъ непредотвратимыхъ, космическихъ, неизбѣжно сопровождавшихъ пришествіе революціи, отъ доброй или злой воли тѣхъ или другихъ органовъ власти, организацій и лицъ. Онѣ ощущали ясно и напряженно невыносимость создавшагося положенія и искали выхода.

Въ результатѣ всеобщаго признанія несостоятельности

---

[1]) Керенскій (с.-р.), Некрасовъ (р.-д.), Авксентьевъ (с.-р.), Терещенко (безп.), Скобелевъ (с.-д.), Пѣшехоновъ (н.-с.), Черновъ (с.-р.) Ольденбургъ (к.-д.), Зарудный (с.-р.), Ефремовъ (р.-д.), Юреневъ (к.-д.), Прокоповичъ (с.-д), Никитинъ (с.-д.), Кокошкинъ (к.-д.), Карташовъ (к.-д.).

установившейся власти, въ общественномъ сознанiи возникла мысль о

— *Диктатурѣ*.

Я категорически утверждаю, что въ извѣстныхъ мнѣ общественныхъ и военныхъ кругахъ, въ которыхъ возникло теченiе въ пользу диктатуры, оно было вызвано высокимъ патрiотизмомъ и яснымъ, жгучимъ сознанiемъ той бездонной пропасти, въ которую бѣшенно катился русскiй народъ. *Но ни въ малѣйшей степени не вызывалось стремленiемъ къ реакцiи и контръ-революцiи.* Несомнѣнно къ этому движенiю примыкали люди и этого направленiя и просто авантюристы, но они составляли привходящiй, наносный элементъ. Керенскiй такъ объясняетъ начало движенiя или, какъ онъ выражается « заговорщической волны » : « военный разгромъ (Тарнополь) создалъ на почвѣ оскорбленнаго нацiональнаго самолюбiя сочувствующую заговорамъ среду, а большевистское возстанiе (3-5 iюля) вскрыло для непосвященныхъ *глубину распада демократiи, безсилiе революцiи противъ анархiи* и силу меньшинства, дѣйствующаго организованно и внезапно » [1]). Врядъ-ли можно дать лучшее оправданiе начавшемуся движенiю. Дѣйствительно, въ обстановкѣ глубокаго разочарованiя народныхъ массъ, всеобщаго развала и надвигавшейся анархiи, въ силу неизбѣжнаго историческаго и психологическаго процесса, жизнь *должна была* создать попытки диктатуры; и русская жизнь дѣйствительно создала ихъ — какъ мучительное исканiе *сильной нацiональной, демократической власти, но не реакцiи.*

Вообще революцiонная демократiя жила въ атмосферѣ, отравленной безпокойнымъ ожиданiемъ контръ-революцiи. Начиная съ разрушенiя армiи и кончая упраздненiемъ сельской полицiи, всѣ ея заботы, мѣропрiятiя, резолюцiи, воззванiя, такъ или иначе клонились къ борьбѣ съ этимъ воображаемымъ врагомъ, грозившимъ, якобы, завоеванiямъ революцiи. Насколько искренне было это убѣжденiе среди сознательныхъ руководителей Совѣта и не было ли разжиганiе безпричиннаго опасенiя просто тактическимъ прiемомъ, оправдывавшимъ разрушительный характеръ дѣятельности его? Я склоненъ остановиться на послѣднемъ выводѣ — до того ясно, очевидно не только для меня, но и для Совѣта долженъ былъ, казалось, опредѣлиться оппозицiонный, а не контръ - революцiонный характеръ дѣйствiй демократической буржуазiи. Тѣмъ не менѣе, и въ русской партiйной литературѣ и въ широкихъ зарубежныхъ кругахъ, именно въ этомъ послѣднемъ освѣщенiи представляютъ себѣ до-октябрьскiй перiодъ революцiи.

Временное правительство, въ первые дни своего созданiя

---

[1]) Керенскiй. Дѣло Корнилова.

объявившее широко-демократическую программу [1]), даже въ правыхъ кругахъ встрѣчало критику этой программы и неудовольствіе, но не активное противодѣйствіе [2]). Въ первые четыре-пять мѣсяцевъ послѣ начала революціи во всей странѣ не было ни одной, хоть сколько-нибудь серьезной контръ-революціонной организаціи. Оживленіе дѣятельности однихъ и появленіе другихъ тайныхъ кружковъ, преимущественно офицерскихъ, относится къ іюлю, въ связи съ предположеніями о диктатурѣ. Въ составъ этихъ кружковъ входило несомнѣнно не мало лицъ и съ ярко выраженными реставраціонными тенденціями, но цѣлью своею и они ставили по преимуществу борьбу съ фактомъ существованія классоваго неофиціальнаго правительства и съ личнымъ составомъ Совѣта и Исполнительнаго комитета, членамъ которыхъ дѣйствительно грозило бы физическое истребленіе, если бы эти кружки не распались преждевременно, благодаря своей слабости, малочисленности и неорганизованности.

А наряду съ постояннымъ противодѣйствіемъ такой контръ-революціи справа, Совѣтъ обезпечивалъ полную возможность подготовки подлинной контръ-революціи, исходившей изъ нѣдръ его, со стороны большевиковъ.

Помню, что первые разговоры на тему о диктатурѣ, въ видѣ легкаго зондированія почвы, начали со мной различныя лица, пріѣзжавшія въ Ставку, приблизительно въ началѣ іюня. Всѣ эти разговоры настолько стереотипны, что я могу кратко обобщить ихъ:

— Россія идетъ неизбѣжно къ гибели. Правительство совершенно безсильно. Необходима твердая власть. Раньше или позже намъ нужно перейти къ диктатурѣ.

Но никто не говорилъ о реставраціи или о перемѣнѣ политическаго курса въ сторону реакціи. Называли имена Корнилова, Брусилова.

Я предостерегалъ отъ поспѣшнаго рѣшенія этого вопроса. Долженъ сознаться, что тогда была еще нѣкоторая иллюзорная надежда, что правительство путемъ внутренней эволюціи, подъ вліяніемъ новаго вооруженнаго выступленія опекаемыхъ имъ крайнихъ анти-государственныхъ элементовъ или въ сознаніи безцѣльности и безнадежности своего дальнѣйшаго управленія страной, — само придетъ къ необходимости созданія единоличной власти, придавъ извѣстную закономѣрность ея появленію. Внѣ этой закономѣрности будущее представлялось чреватымъ грозными потрясеніями. Я указывалъ, что въ данное

---

1) См. гл. IV.

2) Непріемлемымъ былъ лишь пунктъ, предрѣшавшій декларацію правъ солдата.

время нѣтъ военныхъ вождей, которые пользовались бы достаточнымъ авторитетомъ среди развращенной солдатской массы, но что, если назрѣетъ государственная необходимость и возможность проведенія военной диктатуры, то Корниловъ и теперь уже пользуется большимъ удѣльнымъ вѣсомъ, по крайней мѣрѣ въ глазахъ офицерства, тогда какъ репутація Брусилова сильно подорвана его оппортунизмомъ.

Интересно, что и въ самомъ правительствѣ однажды возникъ вопросъ о диктатурѣ. По свѣдѣніямъ «Русскаго Слова», министръ путей сообщенія Некрасовъ въ Кіевѣ, на кадетскомъ засѣданіи разсказалъ слѣдующее: «Вы не знаете, какъ того не знаетъ и вся Россія, какая колоссальная опасность грозила Россіи! Въ ночь на 3 мая, когда было достигнуто соглашеніе о коалиціонномъ министерствѣ [1]) вдругъ оказалось, что... на одно мѣсто (портфель) предъявлено два ультимативныхъ требованія. Мы, желая сохранить преемственность власти, остановились на возможномъ исходѣ — создать личную диктатуру. Мы рѣшили передать всю власть въ руки одного человѣка. Были даже созваны знатоки государственнаго права, чтобы оформить новый порядокъ правленія въ видѣ указа Временнаго правительства сенату. Но... удалось достигнуть полнаго соглашенія».

Самъ Керенскій въ своей книгѣ говоритъ, что ему неоднократно дѣлали предложенія замѣнить безсильное правительство личной диктатурой « казачьи круги и нѣкоторые общественные дѣятели » [2]) И только, когда « общественность » разочаровалась въ немъ « какъ въ возможномъ организаторѣ и главномъ дѣятелѣ измѣненія системы управленія въ сторону сильной власти », тогда уже « начались поиски другого человѣка ».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тѣ лица и общественные круги, которые обращались къ Керенскому по вопросу о диктатурѣ, не были его апологетами и не принадлежали къ составу « революціонной демократіи ». Но одно уже это обращеніе именно къ нему доказываетъ, что они не могли руководствоваться стремленіями къ реакціи, отражая лишь патріотическое желаніе всей русской общественности видѣть у руля русскаго государственнаго корабля, отданнаго на произволъ стихіи, сильную власть.

Впрочемъ, можетъ быть и другой мотивъ побуждалъ ихъ къ этому обращенію... Былъ несомнѣнно такой краткій, но довольно яркій періодъ въ жизни Керенскаго — военнаго министра — я его отношу приблизительно къ іюню — когда не только широкіе круги населенія, но и русское офицерство под-

1) Первое коалиціонное министерство Львова.

2) Керенскій. « Дѣло Корнилова ».

чинилось обаянію его экзальтированной фразы, его истерическаго пафоса. Русское офицерство, преданное на закланіе, тогда все забыло, все простило и мучительно ждало отъ него спасенія арміи. И уже не фразой звучало ихъ обѣщаніе — умереть въ первыхъ рядахъ.

И больно становилось много разъ, во время объѣздовъ Керенскаго, когда у этихъ обреченныхъ разгорались глаза, а въ сердцѣ свѣтлая надежда — скоро, очень скоро безжалостно и грубо растоптанная.

Замѣчательно, что нѣсколько раньше въ той-же книгѣ, Керенскій, оправдывая временную « концентрацію власти », перешедшей 27 августа [1]) единолично къ нему, говоритъ : « Въ борьбѣ съ заговоромъ, руководимымъ единоличной волей, государство должно противопоставить этой волѣ власть, способную къ быстрымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ. *Такой властью не можетъ быть никакая коллегія, тѣмъ болѣе коалиціонная* ».

Полагаю, что внутреннее состояніе русской державы передъ лицомъ чудовищнаго коллективнаго заговора нѣмецкаго генеральнаго штаба и анти-государственныхъ и анти-національныхъ элементовъ русской демократіи было въ достаточной степени грозно и давно уже требовало власти, « способной къ быстрымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ ».

---

[1]) День Корниловскаго выступленія.

ГЛАВА XIII.

Дѣятельность Временнаго правительства: внутренняя политика, гражданское управленіе; городъ и деревня, аграрный вопросъ.

Въ этой и слѣдующей главахъ я приведу краткій схематическій очеркъ внутренняго состоянія Россіи въ первый періодъ революціи лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно отражалось на веденіи міровой войны.

Я уже говорилъ о двоевластіи въ верховномъ управленіи страной и о непрестанномъ давленіи Совѣта на Временное правительство, взаимоотношенія которыхъ мѣтко охарактеризовалъ въ совѣщаніи Думы В. Шульгинъ : « старая власть сидитъ въ Петропавловской крѣпости, а новая — подъ домашнимъ арестомъ ».

Но и помимо этого въ характерѣ дѣятельности правительства были нѣкоторыя, въ обычномъ пониманіи положительныя и отрицательныя черты, которыя въ исключительной обстановкѣ смуты одинаково приводили къ безсилію и обреченности.

Временное правительство, являясь представительствомъ далеко не всенароднымъ, не хотѣло и не могло предрѣшать воли Учредительнаго собранія путемъ проведенія реформъ, въ корнѣ ломающихъ политическій и соціальный строй государства. Оно поневолѣ должно было ограничиваться временными законами, полумѣрами, въ то время, какъ возбужденная народная стихія проявляла огромное нетерпѣніе и требовала немедленнаго осуществленія капитальной перестройки всего государственнаго зданія. Правда, и Совѣтъ, и отдѣльные представители его въ коалиціонныхъ министерствахъ въ теоріи зачастую признавали идею исключительнаго права въ этомъ отношеніи Учредительнаго собранія. Но только въ теоріи. Ибо на практикѣ всѣ они предрѣшали, предвосхищали эти права путемъ широкой проповѣди соціальнаго переворота, словеснаго и письменнаго вѣдомственнаго разъясненія и, наконецъ, на мѣстахъ — прямыми дѣйствіями явочнаго и захватнаго порядка.

Временное правительство « въ основу государственнаго управленія полагало не насиліе и принужденіе, а добровольное повиновеніе свободныхъ гражданъ созданной ими самими власти. Ни одной капли крови не пролито по его винѣ, ни для одного теченія общественной мысли имъ не создано насильственныхъ

преградъ »... [1]) Это непротивленіе въ тотъ моментъ, когда шла жестокая и не стѣснявшаяся нравственными и патріотическими побужденіями борьба за самосохраненіе однѣхъ группъ населенія и за осуществленіе захватнымъ путемъ неограниченныхъ домогательствъ другихъ, — являлось несомнѣннымъ признаніемъ своего безсилія. Въ позднѣйшихъ декларацiяхъ второго и третьяго коалиціонныхъ министерствъ мы читаемъ уже о « самыхъ рѣшительныхъ мѣрахъ » противъ дезорганизующихъ страну силъ. Слова — не претворившіяся въ дѣло.

Идею « не предрѣшенія » воли Учредительнаго собранія соблюсти правительству не удалось, въ особенности, въ области національнаго самоопредѣленія. Правительство объявило актъ о самостоятельности Польши, поставивъ, однако, въ полную зависимость отъ Всероссійскаго Учредительнаго собранія «согласіе на тѣ измѣненія государственной территоріи Россіи, которыя необходимы для образованія свободной Польши ». Актъ этотъ, юридически спорный, находился, однако, въ полномъ соотвѣтствіи съ общественнымъ правосознаніемъ. Въ отношеніи Финляндіи правительство, не измѣняя юридическихъ отношеній ея къ Россіи, подтвердило права и привиллегіи страны, отмѣнило всѣ ограниченія финляндской конституціи и созывало сеймъ, которому должны были быть переданы проэкты новой формы правленія великаго княжества. Въ дальнѣйшемъ правительство самымъ широкимъ образомъ шло навстрѣчу всѣмъ справедливымъ стремленіямъ финляндцевъ къ мѣстному строительству. Тѣмъ не менѣе, на почвѣ общаго стремленія къ немедленному и наиболѣе полному осуществленію частныхъ національныхъ интересовъ, между Временнымъ правительствомъ и Финляндіей возникла длительная борьба за власть. 6 іюля сеймъ большинствомъ голосовъ соціалъ-демократовъ принялъ законъ о переходѣ къ нему, послѣ отреченія «великаго князя финляндскаго», верховной власти, предоставивъ Временному правительству лишь внѣшнія сношенія, военное законодательство и военное управленіе. Это постановленіе находилось въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ резолюціей Съѣзда совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, требовавшей, чтобы финляндцамъ еще до рѣшенія Учредительнаго собранія дана была полная независимость, съ приведенными выше ограниченіями. На это по существу фактическое отторженіе Финляндіи отъ Россіи правительство отвѣтило роспускомъ сейма, который, впрочемъ, въ сентябрѣ самовольно собрался вновь.

Въ этой борьбѣ, которая то принимала острыя формы, то затихала, сообразно политическому барометру Петрограда (правительственные кризисы), финляндскіе дѣятели, не считаясь ни въ малѣйшей степени съ обще-государственными ин-

[1]) Изъ правительственной деклараціи 25 апрѣля 1917 года.

ресами, и не имѣя опоры въ вооруженной силѣ, играли исключительно на лояльности или вѣрнѣе слабости Временнаго правительства.

На почвѣ этой создалась серьезная угроза финляндскому театру, съ нѣкоторыхъ поръ привлекавшему къ себѣ усиленное вниманіе: какъ флангъ армій Сѣвернаго фронта, база Балтійскаго флота, прикрытіе столицы и Мурманской желѣзной дороги,— театръ этотъ, связанный съ центральной Россіей однимъ лишь желѣзнодорожнымъ путемъ, который не трудно было прервать, сталъ вызывать большія опасенія; этому способствовалъ развалъ Балтійскаго флота и 42-го армейскаго корпуса и нароставшій шовинизмъ финляндцевъ.

Финляндская соціалъ-демократія прежде всего начала съ отрицанія войны, опираясь на « компетентное мнѣніе » своихъ русскихъ товарищей въ Совѣтѣ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Затѣмъ губернаторы, городскія и сельскія управы, одни за другими потребовали вывода со своей территоріи русскихъ войскъ, присутствіе которыхъ « нарушало — якобы — конституцію страны ». Создавались серьезныя затрудненія по расквартированію, питанію и снабженію войскъ. Русскій рубль былъ обезцѣненъ, что создавало тяжелое экономическое положеніе для военнаго и служилаго элемента, а Финляндія отказала въ валютномъ займѣ 350 милліоновъ марокъ Временному правительству [1]) на содержаніе войскъ финляндскаго фронта, не взирая на то, что въ теченіи всей войны получала съ Россіи замаскированную контрибуцію и на разницѣ курса, и на вывозныхъ цѣнахъ произведеній своей промышленности, и на ввозимомъ дешевомъ, по твердымъ цѣнамъ русскомъ хлѣбѣ...

До открытаго возстанія дѣло не дошло : благоразумная часть населенія, если не изъ побужденій лояльности, то учитывая послѣдствія междуусобной борьбы, въ особенности тѣми методами дѣйствій, которыхъ можно было ожидать отъ распущенной солдатской и матросской вольницы, удержала край въ извѣстныхъ границахъ.

Весь май и іюнь протекали въ борьбѣ за власть между правительствомъ и самочинно возникшей на Украинѣ Центральной Радой, причемъ собравшійся безъ разрѣшенія 8 іюня Всеукраинскій военный съѣздъ потребовалъ отъ правительства, чтобы оно немедленно признало всѣ требованія, предъявляемыя Центральной Радой и съѣздами, а Радѣ предложилъ не обращаться болѣе къ правительству, а немедленно приступить къ созданію автономнаго строя Украины. 11 іюня объявленъ универсалъ объ автономіи Украины и образованъ секретаріатъ (совѣтъ

---

[1]) Любопытно, что убѣждать финляндцевъ въ необходимости поддержки метрополіи ѣздилъ въ числѣ другихъ и грузинскій шовинистъ Гегечкори.

министровъ) во главѣ съ Винниченко. Въ результатѣ переговоровъ пословъ правительства, министровъ Керенскаго, Терещенко и Церетелли съ Радой, явилась декларація Временнаго правительства 2 іюля, которая, предрѣшая постановленіе Учредительнаго собранія, признавала съ нѣкоторыми оговорками автономію Украины. Центральная рада и секретаріатъ, захватывая постепенно въ свои руки управленіе, создавали на мѣстахъ двоевластіе, дискредитировали обще-русскую власть, вызывали междуусобную рознь и давали моральное обоснованіе всякимъ проявленіямъ отказа отъ исполненія гражданскаго и военнаго долга передъ общей родиной. Мало того, съ самаго начала своего существованія Центральная Рада таила въ себѣ нѣмцефильскія симпатіи и имѣла несомнѣнную связь черезъ « Союзъ освобожденія Украины » съ генеральными штабами центральныхъ державъ. Учитывая обширный матеріалъ, собранный Ставкой, полупризнаніе Винниченко французскому корреспонденту о нѣмцефильскихъ теченіяхъ въ кругахъ Рады и, наконецъ, докладъ прокурора Кіевской судебной палаты въ концѣ августа 1917 года, я нисколько не сомнѣваюсь въ оцѣнкѣ той преступной роли, которую играла Рада. Прокуроръ жаловался, что полное разрушеніе аппарата контръ-развѣдки и уголовнаго сыска не даютъ прокурорскому надзору возможности разобраться надлежаще въ обстановкѣ, но что всѣ нити нѣмецкаго шпіонажа и пропаганды, бунтовъ украинскихъ войскъ и теченія темныхъ суммъ — несомнѣнно австро-германскаго происхожденія... ведутъ и обрываются возлѣ Центральной Рады.

Правительство не считало возможнымъ до Учредительнаго собранія установить автономныя начала и въ сферѣ областного управленія [1]). Правда, были созданы Туркестанскій и Закавказскій комитеты въ цѣляхъ устроенія и гражданскаго управленія этихъ областей. Первый — съ правами генералъ-губернатора, второй даже « съ правами Временнаго правительства ». О дѣятельности ихъ у меня мало данныхъ. Во всякомъ случаѣ, полная неопредѣленность правъ и обязанностей этихъ областныхъ комитетовъ и вторженіе ихъ въ область власти военной, особенно вредной на Кавказскомъ фронтѣ — съ одной стороны, засиліе надъ ними совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ — съ другой, — все это отнюдь не способствовало нормальной ихъ дѣятельности. По крайней мѣрѣ Туркестанскій комитетъ черезъ мѣсяцъ послѣ своего назначенія обратился уже съ воззваніемъ къ населенію области, что, ввиду треній съ Ташкентскимъ совѣтомъ и Сырь-Дарьинскимъ комитетомъ, онъ проситъ

[1]) Въ деклараціи 2-го коалиціоннаго министерства отъ 8 іюля имѣется, впрочемъ, обѣщаніе « привлечь мѣстныхъ представителей къ образованію коллегіальныхъ органовъ областного управленія, оедбъиняющаго рядъ губерній ».

Временное правительство объ увольненіи. Дальнѣйшая жизнь области представляетъ длительное состояніе безпорядковъ и мятежа.

Правительство, какъ я уже говорилъ, проявляло полнѣйшее игнорированіе Верховнаго главнокомандующаго даже въ такихъ вопросахъ, которые непосредственно затрагивали его компетенцію, какъ управленіе областями театра войны. О созданіи, напримѣръ, Закавказскаго комитета и назначеніи генерала Аверьянова, съ совершенно неопредѣленными функціями, военнымъ комиссаромъ на Кавказъ, Ставка узнала только изъ газетъ. Генералъ Алексѣевъ 10 мая, по жалобѣ генерала Юденича, вынужденъ былъ телеграфировать министру предсѣдателю « прося поставить его въ извѣстность о положеніи выработанномъ и утвержденномъ, правахъ и обязанностяхъ особаго Закавказскаго комитета [1]); устранить всякое вмѣшательство комитета въ оперативныя и внутреннія дѣла арміи со всѣми ея учрежденіями, предоставивъ надлежащую власть войсковымъ начальникамъ». «Безъ (соблюденія) этого условія— заканчивалась телеграмма — нужно уничтожить войсковыхъ начальниковъ и ихъ дѣло передать комитетамъ».

Точно также безъ вѣдома Верховнаго главнокомандующаго состоялось назначеніе комиссаромъ Галиціи и Буковины Дорошенко и безъ всякаго участія Ставки разрабатывалась «схема управленія» этими областями, хотя комиссаръ въ военномъ отношеніи былъ подчиненъ главнокомандующему Юго-западнаго фронта. Такое игнорированіе верховнаго командованія вызвало подражаніе со стороны второстепенныхъ агентовъ правительства : тотъ же Дорошенко, вызванный генераломъ Алексѣевымъ въ Могилевъ, отказался пріѣхать за недосугомъ и прослѣдовалъ непосредственно въ Кіевъ для согласованія своихъ дѣйствій съ украинскими кругами.

* * *

Министерство внутреннихъ дѣлъ — нѣкогда фактически державшее въ своихъ рукахъ самодержавную власть и вызывавшее всеобщую ненависть — ударилось въ другую крайность : оно по существу самоупразднилось. Функціи вѣдомства фактически перешли въ распыленномъ видѣ къ мѣстнымъ самозваннымъ организаціямъ.

Исторія органовъ министерства внутреннихъ дѣлъ имѣетъ большое сходство во многомъ съ судьбой военнаго командованія.

5-го марта министръ-предсѣдатель отдалъ распоряженіе о повсемѣстномъ устраненіи губернаторовъ и исправниковъ и замѣнѣ ихъ, въ качествѣ правительственныхъ комиссаровъ,

---

[1]) Къ концу августа « положеніе » еще не вышло.

председателями губернскихъ и уѣздныхъ управъ, а также о замѣнѣ полиціи милиціей, организуемой общественными учрежденіями. Эта мѣра, вызванная общимъ ненавистнымъ отношеніемъ къ агентамъ прежней власти, въ сущности была единственнымъ реальнымъ волеизъявленіемъ правительства, потому что до сентября мѣсяца не было установлено въ законодательномъ порядкѣ положеніе комиссаровъ, а инструкціи и распоряженія правительства имѣли въ общемъ лишь академическій характеръ, такъ какъ жизнь шла своимъ путемъ, регулируемая или вѣрнѣе разрушаемая мѣстнымъ революціоннымъ правотворчествомъ.

Должность правительственныхъ комиссаровъ съ первыхъ же дней стала пустымъ мѣстомъ. Не имѣя въ своемъ распоряженіи ни силы, ни авторитета, они были обезличены совершенно и попали въ полную зависимость отъ революціонныхъ организацій. Вынесенное «неодобреніе» прекращало фактически дѣятельность комиссара. Организаціи избирали новаго, и утвержденіе со стороны Временнаго правительства являлось простою формальностью. Въ теченіе первыхъ шести недѣль такимъ путемъ было устранено 17 губернскихъ комиссаровъ и множество уѣздныхъ. Позднѣе, въ іюлѣ, управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Церетелли [1]) оформилъ этотъ порядокъ, приглашая циркуляромъ мѣстные совѣты и комитеты указывать ему желаемыхъ кандидатовъ вмѣсто несоотвѣтствующихъ своему назначенію комиссаровъ. Такимъ образомъ, представителей центральной власти на мѣстахъ не стало.

Если въ началѣ революціи такъ называемые «общественные комитеты» или «совѣты общественныхъ организацій» представляли изъ себя начало дѣйствительно общественное — представительство союза городовъ и земствъ, думы, профессіональныхъ союзовъ, кооперативовъ, магистратуры и т. д., то обстановка значительно ухудшилась, когда эти общественные комитеты распались на организаціи классовыя и партійныя. Власть на мѣстахъ перешла къ совѣтамъ р. и с. депутатовъ и мѣстами къ насильственно, до введенія закона, «демократизованнымъ» соціалистическимъ думамъ, мало чѣмъ отличавшимся отъ полубольшевистскихъ совѣтовъ.

Бытописатель русской смуты едва ли почерпнетъ поучительные примѣры изъ лоскутной дѣятельности этихъ учрежденій, гдѣ невѣжество, безхозяйственность, провинціальный эгоизмъ, вопіющее нарушеніе самыхъ элементарныхъ свободъ и права прикрывались «волею революціонной демократіи». Мѣстные совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ усвоили себѣ всѣ навыки ушедшаго абсолютизма, съ той только разницей, что худшіе представители прежней власти все же чувствовали надъ собой иногда карающую десницу, тогда какъ совѣты

[1]) Церетелли занималъ этотъ постъ съ 10-го по 24 іюля.

были абсолютно безотвѣтственны. Эта коллегіальная безотвѣтственность прикрывала ошибки невѣждъ и преступленія людей злой воли. При этомъ совѣты распространяли свою компетенцію на всѣ области управленія и жизни, даже на церковную [1]).

Страна, какъ и правительство, какъ и армія попала подъ власть совѣтовъ. Правъ былъ комиссаръ Москвы, Н. Кишкинъ, который считалъ совершенно безнадежнымъ строительство мѣстной власти, пока власть самого Временнаго правительства не станетъ національной, единой и независимой отъ какихъ либо партійныхъ и классовыхъ организацій.

Въ дальнѣйшемъ предполагалось всѣ функціи активнаго управленія передать демократизованнымъ земскимъ и городскимъ управленіямъ, а за комиссарами сохранить только правительственный надзоръ за законностью дѣйствій указанныхъ органовъ.

Изданное 15-го апрѣля постановленіе правительства объ устройствѣ городского самоуправленія заключало въ себѣ слѣдующія главныя положенія :

1) Пассивнымъ и активнымъ правомъ выбора пользуются всѣ граждане города обоего пола, достигшіе 20-лѣтняго возраста;

2) цензъ проживанія не введенъ;

3) пропорціональная система выборовъ;

4) воинскіе чины пользуются правомъ выборовъ по мѣсту нахожденія гарнизона.

Я не буду входить въ обсужденіе этихъ нормъ, едва ли не наиболѣе демократичныхъ изъ всѣхъ, которыя знаетъ муниципальное право, ввиду отсутствія опытныхъ данныхъ ихъ примѣненія. Отмѣчу лишь одно явленіе извращенной русской дѣйствительности, сопровождавшее введеніе въ жизнь положенія осенью 1917 года. Свобода выборовъ во многихъ мѣстахъ оказалась злой насмѣшкой. Какъ явленіе широко распространенное по Россіи — всѣ несоціалистическія, даже политически нейтральныя группы, взятыя подъ подозрѣніе, подверглись гоненію. Агитація ихъ не допускалась, собранія срывались; въ выборномъ дѣлопроизводствѣ практиковались вопіющія злоупотребленія; нерѣдко въ отношеніи ихъ представителей примѣнялось и прямое насиліе — избіеніе и уничтоженіе избирательныхъ списковъ. А въ то же время солдатская масса многочисленныхъ гарнизоновъ, буйныхъ и распропагандированныхъ — случайныхъ гостей города, быть можетъ, только вчера появившихся въ немъ — повалила къ урнамъ, заполняя ихъ списками крайнихъ противо-государственныхъ партій. Были случаи, что войсковыя части, пришедшія послѣ выборовъ, требовали переизбранія, подкрѣпляя это требованіе угрозами, иногда убійствами. Несомнѣнно, среди другихъ причинъ, наличіе въ

---

[1]) Циркуляръ министра предсѣдателя въ половинѣ мая.

Петроградѣ огромнаго разложившагося гарнизона не осталось безъ вліянія на выборы въ августѣ въ столичную думу, въ которой большевики получили 67 мѣстъ изъ 200.

Власть безмолвствовала, ибо ея не было.

Мелкая буржуазія, трудовая интеллигенція, словомъ городская демократія — въ самомъ широкомъ смыслѣ слова — въ этой революціонной борьбѣ являлась стороной наиболѣе слабой и неизмѣнно побѣждаемой. Всѣ предтечи кроваваго совѣтскаго правленія — мятежи, возстанія, « отложенія республикъ » — отзывались наиболѣе тяжко на ея жизни. « Самоопредѣленіе » солдатъ вносило страхъ и зависимость отъ грубой уничтожающей силы и до крайности затрудняло или даже лишало возможности передвиженія по странѣ, такъ какъ дороги попали во власть къ дезертирамъ. « Самоопредѣленіе » рабочихъ привело къ невозможности, ввиду страшнаго повышенія цѣнъ, удовлетворенія предметами первой необходимости. « Самоопредѣленіе » деревни остановило подвозъ припасовъ и обрекало ее на недоѣданіе. Я не говорю уже о моральныхъ переживаніяхъ класса, обреченнаго на поношеніе и униженіе. Революція всѣмъ дала надежды на улучшеніе условій жизни, только не буржуазной демократіи. Ибо даже тѣ моральныя завоеванія, которыя возвѣщены были новой революціонной властью — свобода слова, печати, собраній и т. д. — скоро стали достояніемъ одной лишь революціонной демократіи. И если крупная (интеллектуально, конечно) буржуазія имѣла извѣстную организацію въ лицѣ органовъ конст.-демократ. партіи (кадетъ), то вся мелкая буржуазія (буржуазная демократія) была лишена всякой организаціи и всякихъ организованныхъ средствъ борьбы. Демократическія городскія самоуправленія — не въ результатѣ новаго муниципальнаго закона, а въ силу революціонной практики — теряли свою обще-демократическую форму и получали характеръ классовыхъ органовъ пролетаріата или представительства оторванныхъ отъ массы чисто соціалистическихъ партій.

* * *

Приблизительно такой же характеръ имѣло самоуправленіе уѣзда и деревни въ первый періодъ революціи. Къ осени оно должно было принять формы демократической системы земскаго управленія, въ основу котораго были положены приблизительно тѣ-же начала, что и въ городскомъ, причемъ компетенціи мелкой единицы — волостного земства предоставлялось все мѣстное хозяйство, народное просвѣщеніе и охрана общественнаго порядка и безопасности. Фактически деревня управлялась, если только можно примѣнить это слово къ состоянію анархіи, чрезвычайно пестрымъ сплетеніемъ революціонныхъ

и бытовыхъ организацій, въ видѣ крестьянскихъ съѣздовъ, продовольственныхъ и земельныхъ комитетовъ, « народныхъ совѣтовъ », сельскихъ сходовъ и т. д. А надъ всѣми ими доминировала зачастую еще одна самобытная организація — дезертировъ. По крайней мѣрѣ Всероссійскій крестьянскій союзъ согласился съ заявленіемъ, шедшимъ слѣва и поэтому достаточно компетентнымъ : « вся наша работа по созданію различныхъ комитетовъ не будетъ имѣть никакого значенія, если эти общественные органы будутъ постоянно находиться подъ угрозой воздѣйствія со стороны случайно организовавшихся вооруженныхъ шаекъ ».

Главный, болѣе того — единственный вопросъ, который глубоко волновалъ душу крестьянства, который заслонялъ собою всѣ прочія явленія и событія — вымученный, выстраданный вѣками :

— *Вопросъ о землѣ.*

Необыкновенно сложный и запутанный онъ вспыхивалъ много разъ въ безрезультатныхъ попыткахъ бунта и насилія подавлявшихся кроваво и безпощадно. Уже въ годы первой революціи (1905-1906 г. г.) волна аграрныхъ безпорядковъ, пронесшаяся надъ Россіей и оставившая за собою слѣдъ пожаровъ и разгромовъ помѣщичьихъ имѣній, указывала на то, какія послѣдствія будутъ сопровождать свершившійся въ 1917 году государственный переворотъ. Вопросъ весьма сложный, какими мотивами руководствовался классъ земельныхъ собственниковъ (помѣщиковъ), охраняя съ такой страстностью и силой свои права : атавизмомъ, природнымъ ли тяготѣніемъ къ землѣ, соображеніями государственными о повышеніи культурности землепользованія, стремленіемъ сохранить непосредственное вліяніе на народъ или, наконецъ, просто своекорыстіемъ... Одно безспорно, что аграрная реформа запоздала. Долгіе годы крестьянскаго безправія, нищеты, а главное той страшной духовной темноты, въ которой власть и правящіе классы держали крестьянскую массу, ничего не дѣлая для ея просвѣщенія, не могли не вызвать историческаго отмщенія.

То спокойствіе, съ которымъ народъ ждалъ нѣкогда « освобожденія » въ дни работъ « Главнаго » и «губернскихъ» комитетовъ, не взирая на ихъ рѣзко классовый, сословный характеръ, (1857-1861), теперь оказалось не подъ силу. Крестьянство пожелало немедленной передачи ему всей земли, не дожидаясь ни выработки основныхъ нормъ демократическимъ главнымъ земельнымъ комитетомъ, ни рѣшенія всенароднаго Учредительнаго Собранія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такое нетерпѣніе обусловливалось въ значительной мѣрѣ слабостью власти и сторонними вліяніями, о которыхъ говорится ниже.

Въ основной идеѣ реформы не было разногласія. Вся ли-

беральная демократія и буржуазія, революціонная демократія, Временное правительство — совершенно опредѣленно говорили о «переходѣ земли въ руки трудящихся».

Точно такъ же единодушно всѣ эти элементы ставили вопросъ о порядкѣ законодательнаго разрѣшенія земельнаго переустройства, предоставляя его Учредительному Собранію.

Расхожденіе, притомъ непримиримое, возникло въ опредѣленіи самого существа земельной реформы. Либеральные круги русской общественности отстаивали частную собственность на землю [1]), — идея все больше и больше захватывавшая крестьянство — и требовали *надѣленія* крестьянъ, а не *общаго передѣла;* революціонная же демократія во всѣхъ партійныхъ, классовыхъ и профессіональныхъ организаціяхъ отстаивала положеніе, проведенное Всероссійскимъ крестьянскимъ съѣздомъ (25 мая) при участіи министра Чернова о «переходѣ всѣхъ земель... *въ общее народное достояніе для уравнительнаго пользованія*, безъ всякаго выкупа». Эта резолюція соціалъ-революціонерскаго происхожденія вносила смуту. Ее крестьяне не понимали или не хотѣли понять. По натурѣ — собственники, они не признавали національзаціи. Уравнительное-же пользованіе, принимая во вниманіе огромное число безземельныхъ крестьянъ, наличіе 20 милліоновъ крестьянскихъ дворовъ и размѣры не крестьянской пахотной земли, опредѣляемые всего лишь въ 45 милліоновъ десятинъ, — грозило отнятіемъ земли у многомилліоннаго крестьянства, владѣющаго сверхъ трудовой или даже сверхъ «потребительной» нормой, и обращеніемъ общаго земельнаго передѣла въ нескончаемую междуусобную кровавую распрю. Это обстоятельство впослѣдствіи было учтено даже и соціалъ-демократами, которые въ резолюціи по аграрному вопросу, относящейся къ концу августа, допускали сохраненіе мелкоземельной собственности, ограничивая, однако, возможность перехода ея лишь къ органамъ самоуправленія и государству [2]).

---

[1]) Партія к.-д. допускала національзацію нѣдръ и лѣсовъ.

[2]) Въ отчетѣ о состояніи Совѣтской Россіи, представленномъ VIII Всероссійскому съѣзду, исторія землевладѣнія представляется въ слѣдующихъ цифрахъ:

Въ помѣщичьемъ владѣніи земли имѣлось:

	мил. десятинъ.
до 1861 г.	105
Послѣ 1861 г.	71
въ 1877 г.	64
въ 1905 г.	53
въ 1917 г.	42
въ 1918 г.	0

Перемѣщеніе крестьянской земельной собственности при совѣт-

Временное правительство, не считая себя вправѣ разрѣшать основные вопросы земельнаго устройства, и вмѣстѣ съ тѣмъ, испытывая стихійный напоръ снизу, переложило свои права отчасти на министерство земледѣлія, отчасти на созданный на началахъ широкаго демократическаго представительства Главный земельный комитетъ; на него, кромѣ сбора свѣдѣній и подготовки земельной реформы, возложено было урегулированіе существовавшихъ земельныхъ отношеній [1]). Фактическое завѣдываніе всѣми землями въ смыслѣ использованія, отчужденія ихъ, арендныхъ отношеній, условій найма рабочихъ рукъ — перешло въ волостные земельные комитеты [2]) — органы, состоявшіе зачастую изъ людей темныхъ — интеллигенція обычно была устранена — слишкомъ заинтересованныхъ и не имѣвшихъ никакого представленія о существѣ и предѣлахъ своей компетенціи. Въ то же время центральныя представительныя учрежденія и министерство Чернова, наряду съ воззваніями правительства о недопустимости самоуправства и о сохраненіи въ неприкосновенности всего земельнаго фонда до Учредительнаго Собранія, явно поощряли « временное пользованіе землями », какъ назывались тогда захваты, объясняя эти дѣйствія « государственной необходимостью » полнаго использованія земли подъ посѣвъ. Агитація — въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, веденная въ деревнѣ безотвѣтственными представителями соціалистическихъ и анархическихъ круговъ, дополняла работу Чернова.

Результаты такой политики не замедлили сказаться. Управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Церетелли въ одномъ изъ циркуляровъ губернскимъ комиссарамъ [3]) констатировалъ явленіе полной деревенской анархіи : « захваты, запашки чужихъ полей, снятіе рабочихъ и предъявленіе непосильныхъ для сельскихъ хозяевъ экономическихъ требованій; племенной скотъ уничтожается, инвентарь расхищается; культурныя хозяйства погибаютъ; чужіе лѣса вырубаются, загото-

---

скомъ режимѣ выражается для Великороссіи слѣдующими сравнительными цифрами въ % % :

	Въ 1917 г.	Въ 1919 г.
Безземельныхъ хозяйствъ	11,4	6,5
Мелкихъ	29,6	41,5
Среднихъ	51,1	45,9
Выше среднихъ	7,1	3,0
Крупныхъ крестьянскихъ	0,9	0,1

[1]) Оффиціально на комитетъ возлагалось вносить въ правительство проэкты временныхъ нормъ земельныхъ отношеній.

[2]) Подъ наблюденіемъ — обычно фиктивнымъ — уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ.

[3]) Циркуляръ 17 іюля.

вленные для отправки лѣсные матеріалы и дрова задерживаются и расхищаются. Одновременно частныя хозяйства оставляютъ поля незасѣянными, а посѣвы и сѣнокосы неубранными» Министръ обвинялъ мѣстные комитеты и крестьянскіе съѣзды въ организаціи самочинныхъ захватовъ и приходилъ къ выводу, что создавшіяся условія веденія сельскаго и лѣсного хозяйствъ « грозятъ неисчислимыми бѣдствіями арміи, странѣ и существованію самого государства ».

Если къ этой картинѣ прибавить мѣстами пожары, убійства, самосуды, разрушеніе усадебъ, представлявшихъ изъ себя иногда хранилища предметовъ огромной исторической цѣнности, то получимъ истинную картину тогдашняго деревенскаго быта.

Вопросъ о помѣщичьемъ землевладѣніи вышелъ такимъ образомъ далеко изъ рамокъ эгоистическихъ классовыхъ интересовъ. Тѣмъ болѣе,что насиліямъ подвергались не только помѣщики, но и крестьяне — хуторяне, отрубники. По постановленіямъ комитетовъ и помимо нихъ. Подымалось не разъ и село на село. Дѣло шло теперь вовсе не о перемѣщеніи богатствъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, отъ одного сословія къ другому, а объ истребленіи цѣнностей, разрушеніи земельной культуры и экономическомъ потрясеніи государства.

Стихія бушевала. « Учредительныя » функціи оказались не по плечу волостному комитету. Слѣдственныя власти не смѣли появляться въ деревнѣ. Судъ бездѣйствовалъ, ибо все равно приговоры его не нашли бы исполнителей. И деревня, предоставленная самой себѣ и агитаціи крайнихъ элементовъ, кипѣла въ котлѣ страстей, давно назрѣвшихъ и никѣмъ, ничѣмъ не сдерживаемыхъ.

Жизнь мстила за попраніе своихъ требованій.

Вмѣстѣ съ захватами и раздѣлами росли неудержимо собственническіе инстинкты крестьянства. Его идеологія опрокидывала всѣ планы революціонной демократіи и, обращая крестьянство въ классъ мелкой буржуазіи, грозила надолго отдалить торжество соціализма. Деревня замкнулась въ узкій кругъ своего быта и, поглощенная « чернымъ передѣломъ », совершенно не интересовалась ни войной, ни политикой, ни соціальными вопросами, выходящими за предѣлы ея интересовъ. Война отнимала и калѣчила ея работниковъ, и деревня тяготилась войной. Власть препятствовала земельнымъ захватамъ и стѣсняла монополіей и твердыми цѣнами сбытъ хлѣба, — и деревня не взлюбила власть. Городъ пересталъ давать произведенія промышленности и товары — и деревня отгородилась отъ города, уменьшая и временами прекращая подвозъ туда хлѣба. Единственное вполнѣ реальное « завоеваніе революціи » было въ извѣстной мѣрѣ осуществлено, и тѣ, кто воспользовался имъ, съ нѣкоторымъ смущеніемъ и неувѣренно-

стью ждали, какъ отнесется къ самочинному разрѣшенію ими земельнаго вопроса грядущая власть.

При такихъ настроеніяхъ пролетарскій большевизмъ оказался чужимъ и не нужнымъ въ деревнѣ. Предвидя необходимость въ будущемъ борьбы съ такими « мелко-буржуазными стремленіями » крестьянской массы, Ленинъ и включилъ въ свою программу « перенесеніе центра тяжести на совѣты батрацкихъ депутатовъ » и « выдѣленіе совѣтовъ депутатовъ отъ бѣднѣйшихъ крестьянъ »... Однако, съ этимъ лозунгомъ, вносившимъ начала раскола и борьбы въ крестьянскую среду и осуществленнымъ позднѣе, лѣтомъ 1918 г., большевики не посмѣли явиться открыто въ деревню въ 1917 г. И дѣятельная работа ихъ поэтому вылилась въ поддержаніе деревенской анархіи, оправданіе захватовъ и подрывъ авторитета Временного правительства.

Этимъ путемъ они стремились создать въ лицѣ крестьянской массы сторону, если не сочувствующую, то, по крайней мѣрѣ, нейтральную въ предстоящей рѣшительной борьбѣ своей за власть.

* *

Однимъ изъ правительственныхъ актовъ, вносившихъ крайнія осложненія въ нормальное теченіе народной жизни, явилось упраздненіе постановленіемъ отъ 17 апрѣля общей полиціи. Въ сущности актъ подтвердилъ лишь то положеніе, которое создалось почти повсемѣстно съ первыхъ же дней революціи и которое явилось результатомъ народнаго гнѣва въ отношеніи исполнительныхъ органовъ старой власти, въ особенности же результатомъ озлобленія со стороны тѣхъ лицъ, которыя подвергались наибольшему угнетенію и произволу полиціи, и теперь вдругъ поднялись на гребень народной волны. Защищать русскій полицейскій институтъ — дѣло безнадежное. Отрицательная репутація его нѣсколько поколебалась лишь подъ вліяніемъ сравненія съ милиціей и чрезвычайками... Точно также напрасно было бы въ то время противиться его упраздненію — оно вызывалось психологической необходимостью. Но также несомнѣнно, что старый полицейскій институтъ въ своихъ дѣйствіяхъ руководствовался не столько личными политическими убѣжденіями, сколько требованіями хлѣбодателя и собственными интересами. Неудивительно, что жандармы и чины полиціи — гонимые, оскорбляемые, затравленные, поступивъ принудительно въ армію, составили тамъ элементъ весьма отрицательный. Революціонная демократія въ самооправданіе до крайности преувеличивала « контръ-революціонную » роль ихъ въ арміи; тѣмъ не менѣе безусловная правда, что многіе бывшіе жандармскіе и полицейскіе чины избрали себѣ,

быть можетъ, изъ чувства самосохраненія, ремесло, ставшее тогда наиболѣе выгоднымъ — демагога-агитатора.

Станемъ на почву фактовъ.

Упраздненіе полиціи въ самый разгаръ народныхъ волненій, когда значительно усилилась общая преступность и падали гарантіи, обезпечивающія, общественную и имущественную безопасность гражданъ, являлось прямымъ бѣдствіемъ. Но этого мало : съ давнихъ поръ функціи русской полиціи незаконно расширялись путемъ передачи ей части своихъ обязанностей какъ всѣми правительственными учрежденіями, такъ и органами самоуправленія, даже вѣдомствами православнаго и инославныхъ вѣроисповѣданій. На полицію возлагалось такимъ путемъ взысканіе всякихъ сборовъ и недоимокъ, исполненіе обязанностей судебныхъ приставовъ и участіе въ слѣдственномъ производствѣ, наблюденіе за выполненіемъ санитарнаго, техническаго, пожарнаго уставовъ, собираніе всевозможныхъ статистическихъ данныхъ, призрѣніе сиротъ и лицъ, впавшихъ въ болѣзнь внѣ жилищъ и проч., проч. Достаточно сказать, что проэктъ реорганизаціи полиціи, внесенный въ Государственную думу въ концѣ 1913 года, предусматривалъ 317 отдѣльныхъ обязанностей, незаконно возложенныхъ на полицію и подлежащихъ сложенію.

Весь этотъ аппаратъ и сопряженная съ нимъ дѣятельность— охраняющая, регулирующая, распорядительная, принуждающая — были изъяты изъ жизни и оставили въ ней пустое мѣсто.

Созданная взамѣнъ милиція была даже не суррогатомъ полиціи, а ея каррикатурой. Въ то время, какъ въ западныхъ государствахъ проводится принципъ объединенія полиціи подъ властью правительственнаго центральнаго органа, Временное правительство поставило милицію въ вѣдѣніе и подчиненіе земскихъ и городскихъ управленій. Правительственные комиссары въ отношеніи милиціи имѣли лишь право пользоваться ею для исполненія законныхъ порученій.

Кадры милиціи стали заполняться людьми совершенно неподготовленными, безъ всякаго техническаго опыта, или же завѣдомо преступнымъ элементомъ. Отчасти этому способствовалъ новый законъ, допускавшій въ милицію лицъ, даже подвергшихся заключенію въ исправительныхъ арестанскихъ отдѣленіяхъ, съ соотвѣтственнымъ пораженіемъ правъ, отчасти же благодаря системѣ набора ихъ, практиковавшейся многими городскими и земскими учрежденіями, насильственно « демократизованными ». По компетентному заявленію начальника главнаго управленія по дѣламъ милиціи, при этихъ выборахъ въ составъ милиціи, даже въ ея начальники попадали нерѣдко уголовные преступники, только что бѣжавшіе съ каторги...

Волость зачастую вовсе не организовала милиціи, предоставляя деревнѣ управляться, какъ ей заблагоразсудится.

Въ посланіи къ народу 25 апрѣля Временное правительство весьма удачно опредѣлило положеніе страны, въ которой « ростъ новыхъ соціальныхъ связей, ее скрѣпляющихъ, отстаетъ отъ процесса распада, вызваннаго крушеніемъ стараго государственнаго строя ». Это несоотвѣтствіе проявлялось роковымъ образомъ во всѣхъ областяхъ народной жизни.

ГЛАВА XIV.

Дѣятельность Временнаго правительства: продовольствіе, промышленность, транспортъ и финансы.

Съ начала весны 1917 года усилился значительно недостатокъ продовольствія въ арміи и въ городахъ. Теперь, послѣ опытовъ совѣтскаго режима, когда безграничнымъ терпѣніемъ и выносливостью русскаго человѣка превзойдены, какъ будто, всѣ минимумы, когда либо существовавшіе для человѣческаго питанія, кажутся не слишкомъ тягостными тѣ оффиціальныя нормы, которыя были установлены къ лѣту 1917-го года — 1½ фунта хлѣба для арміи [1]) и ¾ фунта для населенія. Эти теоретическія цифры, впрочемъ, далеко не выполнялись. Города голодали. Фронтамъ, за исключеніемъ Юго-западнаго, не разъ угрожалъ кризисъ, предотвращаемый обыкновенно дружными усиліями всѣхъ органовъ правительственной власти и совѣтовъ, самопомощью тыловыхъ частей и... дезертирствомъ. Тѣмъ не менѣе, армія недоѣдала, въ особенности на Кавказскомъ фронтѣ. А конскій составъ арміи весною, при теоретической нормѣ въ 6-7 фунтовъ зернового фуража [2]), фактически падалъ отъ безкормицы въ угрожающихъ размѣрахъ, ослабляя подвижность арміи и дѣлая безполезнымъ комплектованіе ея лошадьми, которымъ грозила та-же участь.

Въ одномъ изъ воззваній Совѣта къ крестьянамъ говорилось: « враги свободы, сторонники свергнутаго царя пользуются недостаткомъ хлѣба въ городахъ, *ими же созданнымъ*, чтобы вести подкопъ подъ нашу и вашу свободу. Они говорятъ, будто революція оставила страну безъ хлѣба »... Это элементарное объясненіе, которое революціонная демократія выдвигала во всѣхъ случаяхъ тяжкаго неустройства народной жизни, грѣшило большой односторонностью. Помимо наслѣдія стараго режима и неизбѣжныхъ послѣдствій трехлѣтней войны, вызвавшей почти полное прекращеніе ввоза сельско-хозяйственныхъ машинъ, отвлеченіе рабочихъ рукъ и, какъ результатъ,

---

[1]) Весною 1917 г. 2 фунта.

[2]) Армія поглощала 390 милліоновъ пудовъ сухого фуража въ годъ!

сокращеніе посѣвной площади, причины продовольственнаго кризиса въ богатѣйшей хлѣбомъ странѣ — кризиса, который къ осени правительство считало катастрофическимъ, слишкомъ многообразны : продовольственная политика Временного правительства и колебаніе твердыхъ цѣнъ; обезцѣненіе рубля и непомѣрное, не эквивалентное твердымъ цѣнамъ на хлѣбъ вздорожаніе предметовъ первой необходимости, вызванное, кромѣ общихъ экономическихъ условій, и неудержимымъ ростомъ фабричной заработной платы; аграрная политика правительства, недосѣвъ полей и деревенская смута; разстроенный транспортъ; полное устраненіе торговаго аппарата [1]) и передача всего дѣла продовольствія продовольственнымъ комитетамъ — органамъ до основанія демократическимъ, но, за исключеніемъ, быть можетъ, представителей коопераціи, не достаточно опытнымъ и во всякомъ случаѣ не проявившимъ никакого творчества. И много можно бы привести еще большихъ и малыхъ причинъ, которыя, при полной объективности и безпристрастіи, можно объединить въ короткой формулѣ : старый режимъ, война и революція.

29-го марта Временное правительство ввело хлѣбную монополію. Весь излишекъ запаса хлѣба, за исключеніемъ, нормъ продовольственной, на обсѣмененіе и на кормъ скота, поступалъ государству. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство вновь увеличило твердыя цѣны на хлѣбъ и обѣщало установить ихъ и на всѣ предметы первой необходимости, какъ-то желѣзо, ткани, кожи, керосинъ и т. д. Это послѣднее мѣропріятіе, справедливость котораго чувствовалась всѣми, и которому министръ продовольствія Пѣшехоновъ придавалъ огромное психологическое значеніе, — среди той общей разрухи, въ которую была ввергнута страна, оказалось провести невозможно.

Страну покрыла огромная сѣть продовольственной организаціи, стоимость которой опредѣлялась въ 500 милліоновъ рублей въ годъ, но которая оказалась безсильной справиться со своимъ дѣломъ.

Деревня, прекратившая внесеніе податей и арендной платы, насыщенная бумажными деньгами и не получавшая за нихъ никакого товарнаго эквивалента, задерживала подвозъ хлѣба. Агитація и воззванія не дѣйствовали, приходилось мѣстами примѣнять силу.

Если кампанія 16 года (1 августа 1916 года — 1 іюля 1917 г.) дала 39,7%, то іюль 1917 года далъ 74%, а августъ 60-90% невыполненія наряда продовольственныхъ заготовокъ [2]). Только

---

[1]) Въ августѣ въ деклараціи революціонной демократіи уже находимъ требованіе привлеченія торговаго аппарата къ продовольствію страны, не отказываясь, однако, отъ монополіи.

[2]) Эти мѣсяцы, впрочемъ, всегда наименѣе благопріятные.

на фронтѣ, въ ущербъ питанію городовъ, ко второй половинѣ іюня удалось сосредоточить нѣкоторый запасъ хлѣба.

Положеніе становилось грознымъ. Правительство, министры земледѣлія и продовольствія — Шингаревъ и Пѣшехоновъ безпомощно взывали « къ разуму и совѣсти » земледѣльцевъ. Петроградскій и Московскій совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, видя, что продовольственные органы безсильны справиться съ надвигающимся бѣдствіемъ, каждый порознь рѣшили послать своихъ эмиссаровъ во всѣ хлѣбородныя губерніи, поручивъ имъ выяснить наличные запасы на мѣстахъ и самыми рѣшительными мѣрами организовать подвозъ къ станціямъ и пристанямъ. Въ свою очередь армейскіе войсковые комитеты съ согласія министерства и Ставки организовали свои комиссіи для той-же цѣли. Всѣ эти обособленныя не разъ самочинныя дѣйствія, нисколько не усиливая интенсивности поступленія хлѣбныхъ грузовъ, вносили еще большую путаницу въ планъ заготовокъ и подвоза.

Въ конечномъ результатѣ, воззваніемъ, обнародованнымъ 29 августа, правительство констатировало чрезвычайно тяжелое положеніе страны : правительственные запасы безпрерывно уменьшаются; « города, цѣлыя губерніи и даже фронтъ терпятъ острую нужду въ хлѣбѣ, *хотя его въ странѣ достаточно»;* [1]) многіе не сдали даже прошлогодняго урожая, многіе агитируютъ, запрещаютъ другимъ выполнять свой долгъ... Правительство, съ цѣлью « предотвратить грозящую родинѣ смертельную опасность », вновь увеличило твердыя цѣны, угрожало примѣненіемъ крайнихъ мѣръ воздѣйствія противъ ослушниковъ и вновь обѣщало принять мѣры къ нормировкѣ цѣнъ и распредѣленію предметовъ, нужныхъ деревнѣ.

Но заколдованный кругъ переплетавшихся между собой политическихъ, соціальныхъ, классовыхъ интересовъ затягивалъ все болѣе тугую петлю на шеѣ правительства и парализовалъ его волю и дѣятельность.

* * *

Не менѣе тяжелымъ было положеніе промышленности, которая быстрыми шагами шла къ разрушенію. И здѣсь, какъ и въ вопросѣ продовольствія, нельзя искать причинъ бѣдствія въ одной серіи явленій, какъ это имѣло мѣсто въ одностороннихъ обвиненіяхъ другъ друга торгово-промышленниками и рабочими: однихъ — въ хищнической сверхъ прибыли и саботажѣ въ цѣляхъ провала революціи, другихъ — въ бездѣльничаньи

[1]) Вывозъ хлѣба изъ Россіи заграницу до войны составлялъ въ среднемъ ежегодно (1909 — 1914) — 870 мил. пуд.

и непомѣрной корысти, въ цѣляхъ использованія въ личныхъ интересахъ революціи.

Причины можно свести въ три категоріи.

Еще до войны, въ силу разнообразныхъ политическихъ и экономическихъ условій, въ томъ числѣ и недостаточнаго вниманія власти къ развитію производительныхъ силъ страны, промышленность наша находилась въ состояніи неустойчивомъ и въ большой зависимости отъ иностранныхъ рынковъ даже въ отношеніи такихъ матеріаловъ, которые, казалось бы, можно добывать дома. Такъ, въ 1912 году въ русской промышленности ощущался сильный недостатокъ чугуна, а въ 1913 — серьезный топливный кризисъ; заграничный ввозъ металла возросталъ съ 1908 по 1913 г. съ 29% до 34%; хлопка до войны мы получали извнѣ 48%; при общемъ производствѣ 5 милліоновъ пудовъ пряжи, требовалось 2,75 милліоновъ пудовъ иностранной шерсти [1]) и т. д.

Война оказала несомнѣнно глубокое вліяніе на состояніе промышленности : прекращеніе нормальнаго ввоза и потеря Домбровскихъ копей; ослабленіе транспорта въ силу стратегическихъ перевозокъ и слѣдовательно, уменьшеніе подвоза топлива и сырья; переходъ большей части фабрикъ и заводовъ на работу по оборонѣ, уменьшеніе и ослабленіе рабочаго состава мобилизаціями и т. д. Въ экономическомъ отношеніи эта милитаризація промышленности легла тяжкимъ бременемъ на населеніе, ибо по исчисленіямъ министра Покровскаго армія поглощала 40-50% всѣхъ матеріальныхъ цѣнностей, которыя создаетъ страна [2]). Наконецъ, въ соціальномъ отношеніи война углубила рознь между двумя классами — торгово-промышленнымъ и рабочимъ, доведя до чудовищныхъ размѣровъ прибыли и обогащеніе первыхъ [3]) и ухудшивъ положеніе вторыхъ : пріостановкой нѣкоторыхъ профессіональныхъ гарантій, ввиду военнаго положенія, прикрѣпленіемъ военно-обязанныхъ къ опредѣленнымъ предпріятіямъ и болѣе тяжелыми условіями жизни, ввиду общаго поднятія цѣнъ и ухудшенія питанія.

Но если при всѣхъ этихъ ненормальныхъ условіяхъ русская промышленность кое-какъ справлялась съ возлагаемыми на нее задачами, то революція нанесла ей послѣдній ударъ,

---

[1]) Статистическія данныя для этой главы взяты изъ доклада проф. Г-ра 1920 г.; заявленій Кутлера, Шингарева, Покровскаго, Скобелева и др. въ 1917 году.

[2]) Въ частности 75% вырабатываемыхъ тканей шло на армію.

[3]) Въ концѣ ноября 1916 г. съ кафедры Государственной Думы были оглашены нѣкоторыя « военныя прибыли » за отчетный 1915-1916 годъ : Товарищество Рябушинскихъ — 75% чистой прибыли; Тверская мануфактура — 111%; Товарищество мѣднопрокатнаго завода Кольчугина — 12,2 мил. руб., при основномъ капиталѣ 10 милліоновъ.

приведшій къ постепенному замиранію и ликвидаціи. Временное правительство въ своей законодательной дѣятельности исходило изъ двухъ положеній : съ одной стороны, необходимости правительственнаго контроля и регулированія хозяйственной жизни страны путемъ суроваго обложенія доходовъ и « военной » сверхъ-прибыли промышленниковъ, а также правительственнаго распредѣленія топлива, сырья, продовольствія; послѣдняя мѣра вызвала фактическое устраненіе изъ хозяйственной жизни страны торговаго класса и замѣну его демократическими организаціями; исчезли ли при этомъ сверхъприбыли или произошло простое « классовое » перемѣщеніе ихъ, учесть трудно. Съ другой стороны, правительство всемѣрно заботилось объ охранѣ труда, проводя и разрабатывая законопроэкты о свободѣ коалицій, биржахъ труда, примирительныхъ камерахъ, соціальномъ страхованіи и т. д.

Къ сожалѣнію, то нетерпѣніе и то стремленіе къ самостоятельному « правотворчеству », которое охватило деревню, въ равной мѣрѣ повторилось на фабрикахъ и заводахъ. Съ первыхъ же дней революціи рабочіе захватнымъ порядкомъ провели 8 часовой рабочій день, фабрично-заводскіе комитеты и примирительныя камеры; позднѣе — рабочій контроль. Но комитеты не могли возвыситься до пониманія общенародныхъ интересовъ, а примирительныя камеры пріобрѣсть должный авторитетъ. Агитація, находившая благодарную почву въ эгоистическихъ устремленіяхъ и торговопромышленниковъ, и рабочей массы, шла полнымъ ходомъ, примѣняя тѣ-же пріемы, что и въ арміи. Началась полнѣйшая разруха. Власть противъ нее принимала только одно средство — воззванія.

Во первыхъ, повторилась исторія съ командным составомъ арміи : организаціонно-техническій аппаратъ былъ разрушенъ. Началось массовое изгнаніе лицъ, стоящихъ во главѣ предпріятій [1]), массовое смѣщеніе техническаго и административнаго персонала. Устраненіе сопровождалось оскорбленіями, иногда физическимъ насиліемъ, какъ месть за прошлыя фактическія и мнимыя вины. Часть персонала уходила добровольно, не будучи въ состояніи переносить того тяжелаго нравственнаго положенія, въ которое ее ставила рабочая среда. При нашей бѣдности въ технически-образованныхъ людяхъ, эти методы грозили непоправимыми послѣдствіями. Какъ и въ арміи, комитеты избирали и ставили на мѣста ушедшаго персонала зачастую совершенно неподготовленныхъ и невѣжественныхъ людей. Мѣстами рабочіе захватывали всецѣло въ свои руки промышленныя предпріятія — безъ знанія, безъ оборотныхъ

[1]) Въ уральской промышленности, напримѣръ, изъ 20 руководителей предпріятій къ серединѣ 1917 г. осталось 4.

средствъ — ведя ихъ къ гибели и себя къ безработицѣ и обнищанію.

Въ промышленныхъ предпріятіяхъ пала совершенно трудовая дисциплина и изъяты всѣ способы нравственнаго, матеріальнаго и, въ необходимыхъ случяхъ, судебнаго воздѣйствія и принужденія. Одной « сознательности » оказалось совершенно недостаточно. Тотъ техническій и административный персоналъ, который остался или былъ избранъ, не имѣлъ уже ни возможности руководить дѣломъ, ни авторитета, будучи всецѣло терроризованъ рабочими. Въ результатѣ — фактическое сокращеніе 8 часового рабочаго дня, крайняя небрежность въ работѣ и страшное паденіе производительности. Московская металлообрабатывающая промышленность уже въ апрѣлѣ пала на 32%, производительность петроградскихъ фабрикъ и заводовъ — на 20-40%, добыча угля и общая производительность Донецкаго бассейна къ іюлю на 30% и т. д. Разстроилась также добыча нефти на бакинскихъ и грозненскихъ промыслахъ.

Но особенно разрушительное вліяніе на промышленность оказали чудовищныя требованія повышенія заработной платы, несообразованныя ни съ цѣною жизни, ни съ продуктивностью труда, ни съ реальными платежными способностями предпріятій — требованія, значительно превосходившія всякія сверхъприбыли. Въ докладѣ Кутлера Временному правительству приводятся такія, напримѣръ, цифры : на 18 предпріятіяхъ Донецкаго бассейна, съ общей валовой прибылью за послѣдній годъ въ 75 милліоновъ рублей, рабочіе потребовали повышенія заработной платы въ 240 милліоновъ рублей въ годъ. Общая сумма повышенной платы на всѣхъ горнопромышленныхъ и металлургическихъ заводахъ Юга — 800 милліоновъ рублей въ годъ; на Уралѣ — 300 милліоновъ рублей при общемъ оборотѣ 200 милліоновъ; добавочная плата одного Путиловскаго завода до конца 1917 года простиралась до 90 милліоновъ рублей. При этомъ ставки рабочей платы возросли на 200-300 процентовъ, а прядильщикамъ московской текстильной промышленности и на 500% въ сравненіи съ 1914 годомъ. Конечно, ставки эти перекладывались въ значительной мѣрѣ на казну, такъ какъ большинство предпріятій работало на оборону.

Собразно съ такимъ направленіемъ промышленной дѣятельности и психологіи рабочихъ массъ, предпріятія стали гибнуть, въ странѣ появился громадный недостатокъ предметовъ первой необходимости, и цѣна на нихъ возросла до крайнихъ предѣловъ. Какъ одинъ изъ результатовъ такого разстройства хозяйственной жизни страны — поднятіе цѣнъ на хлѣбъ и нежеланіе деревни давать городу продовольствіе.

Въ результатѣ, — къ іюню мѣсяцу было закрыто 20% петроградскихъ промышленныхъ заведеній. Вообще, за первые мѣсяцы революціи зарегистрированный и, конечно,

не полный мартирологъ промышленности выражался въ слѣдующихъ цифрахъ.

Мѣсяцы.	Число закрытыхъ заведеній.	Число уволенныхъ рабочихъ.
Мартъ	74	6.644
Апрѣль	55	2.816
Май	108	8.701
Іюнь	125	38.755
Іюль	206	47.754
Итого	568	104.670

Кромѣ того стали 72 мельницы — за недостаткомъ зерна.

Было бы ошибочно считать, что классовыя организаціи, въ лицѣ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ и профессіональныхъ союзовъ, наконецъ, членовъ правительства — соціалистовъ, не боролись съ разрухой. Но борьба эта была не искренняя. Не искренняя по существу — со стороны людей, видящихъ идеалъ и конечную цѣль въ національзаціи или соціализаціи промышленности; неискренняя и по формѣ, ибо осужденіе и назиданіе по адресу рабочихъ, по установившемуся демократическому ритуалу, требовало вящаго опороченія буржуазнаго элемента предпріятій. Въ то же время большевизмъ внесъ въ рабочую среду постоянное бродящее начало, потворствуя низменнымъ инстинктамъ, разжигая ненависть противъ имущихъ классовъ, поддерживая самыя неумѣренныя требованія, парализуя всякія попытки власти и умѣренныхъ демократическихъ организацій локализировать распадъ промышленности. « Все для пролетаріата и все черезъ пролетаріатъ »... Большевизмъ рисовалъ рабочему классу широчайшія и заманчивыя перспективы политическаго господства и экономическаго благосостоянія путемъ сокрушенія капиталистическаго строя и перехода въ руки рабочихъ власти, предпріятій, орудій производства и цѣнностей. И притомъ не въ порядкѣ длительнаго соціально-экономическаго процесса и длительной организованной борьбы, а сейчасъ, немедленно. Разгоряченное воображеніе, не сдерживаемое ни знаніемъ, ни авторитетомъ руководящихъ профессіональныхъ органовъ, морально разрушаемыхъ большевиками и все болѣе падавшихъ, рисовало соблазнительныя возможности отмщенія за свою тяжелую, нудную, трудовую жизнь, возможности пріобщенія къ благамъ, ненавидимой всѣми фибрами души и столь же страстно желанной — жизни буржуазіи. Теперь или никогда. Все или ничего. А когда жизнь разбивала иллюзіи, когда безпощадный экономическій законъ мстилъ дороговизной, голодомъ, безработицей, то большевизмъ съ еще большей убѣдительностью настаивалъ на необходимости возстанія, указывая и причины народнаго бѣдствія, и способы его устраненія.

Причины — политика Временного правительства, « отстаивающаго возстановленіе буржуазной кабалы », саботажъ предпринимателей и попустительство революціонной демократіи, до меньшевиковъ включительно « продавшейся буржуазіи ». Средство — переходъ власти къ пролетаріату.

Всѣ эти обстоятельства мало-по-малу убивали русскую промышленность.

Что касается боевого снабженія, то, не взирая на всѣ эти потрясенія, ввиду крайняго напряженія и концентраціи его за счетъ всѣхъ самыхъ насущныхъ потребностей страны, а также длившагося нѣсколько мѣсяцевъ затишья, разстройство промышленности непосредственно арміей не ощущалось въ такихъ значительныхъ размѣрахъ, и къ іюню 1917 года мы обладали не богатыми, но достаточными матеріальными средствами для серьезнаго наступленія. Ввозъ военнаго матеріала черезъ Архангельскъ, Мурманъ и въ незначительной степени черезъ Владивостокъ, нѣсколько оживился; но, въ силу трудныхъ естественныхъ условій морскихъ путей и малой провозоспособности сибирской магистрали и мурманской дороги, не получилъ надлежащаго развитія, достигая всего лишь 16% общей военной потребности. Для военнаго управленія было, однако, очевиднымъ, что мы живемъ лишь старыми запасами, созданными патріотическимъ подъемомъ и напряженіемъ страны въ 1916 году. Ибо уже къ августу 1917 года важнѣйшія производства военныхъ матеріаловъ понизились : орудійное на 60%, снарядное на 60%, авіаціонное на 80%. Впрочемъ, возможность продленія войны при худшихъ условіяхъ въ матеріальномъ отношеніи съ наибольшей очевидностью доказало впослѣдствіи совѣтское правительство, въ теченіи болѣе чѣмъ трехъ лѣтъ питающее войну въ большой мѣрѣ запасами, оставшимися отъ 1917 года, частью же обломками русской промышленности; но, конечно, путемъ такого чудовищнаго сжатія потребительскаго рынка, которое возвращаетъ насъ къ первобытнымъ формамъ человѣческаго бытія.

Разрушался и транспортъ. Еще въ маѣ 1917-го года на очередномъ съѣздѣ желѣзнодорожныхъ представителей въ Ставкѣ, я услышалъ мотивированный докладъ г. Шуберскаго, подтвержденный многими спеціалистами, что нашъ транспортъ, если не измѣнятся общія условія, черезъ полгода станетъ. Практика посмѣялась надъ теоріей : три съ лишнимъ года въ невѣроятныхъ условіяхъ междуусобной борьбы и большевистскаго режима желѣзныя дороги продолжаютъ работать, правда, не обслуживая почти вовсе нуждъ населенія, но удовлетворяя все же стратегическія потребности. Нѣтъ сомнѣнія, однако,

что эта работа идетъ уже не на разрушеніе, а на полное истребленіе русской желѣзнодорожной сѣти.

Исторія желѣзнодорожной разрухи повторяетъ въ подробностяхъ тѣ моменты, которые я отмѣтилъ касаясь арміи, деревни и въ особенности промышленности : наслѣдіе нераціональной желѣзнодорожной политики прошлаго; необыкновенно возросшія требованія войны, изнашиваніе подвижного состава и солдатская анархія на дорогахъ; общія экономическія условія страны, отсутствіе рельсъ, недостатокъ металла и топлива; « демократизація » желѣзнодорожнаго строя, выразившаяся возникновеніемъ въ немъ коллегіальныхъ организацій, захватывавшихъ власть, дезорганизацией административнаго и техническаго состава, подвергнувшагося гоненію, сильнѣйшимъ пониженіемъ производительности труда и неуклоннымъ ростомъ экономическихъ требованій желѣзно-дорожныхъ служащихъ и рабочихъ.

Но эта исторія имѣетъ и нѣкоторыя особенности. Во первыхъ, рядомъ лѣтъ нераціональной экономіи, безъ достаточной заботливости объ улучшеніи положенія служащихъ, власть создала среди нѣкоторыхъ категорій ихъ то явленіе « побочныхъ доходовъ », которое было почти узаконено жизнью и которое впослѣдствіи въ антибольшевистскихъ образованіяхъ пріобрѣло характеръ народнаго бѣдствія... Желѣзнодорожники, надо отдать имъ справедливость, позже рабочихъ промышленныхъ предпріятій и не въ такихъ необузданныхъ размѣрахъ предъявляли свои требованія [1]. Тѣмъ не менѣе, прибавка желѣзнодорожникамъ потребовала 350 милліоновъ рублей.

Вторая особенность : тотъ систематическій захватъ государственной власти частными организаціями, который во всѣхъ другихъ областяхъ встрѣчалъ хоть нѣкоторое противодѣйствіе правительства, въ министерствѣ путей сообщенія насаждался самимъ правительствомъ, въ лицѣ министра Некрасова.

Другъ и вдохновитель Керенскаго, послѣдовательно министръ путей сообщенія, финансовъ, товарищъ и замѣститель предсѣдателя, финляндскій генералъ-губернаторъ, октябристъ, кадетъ и радикалъ-демократъ, балансировавшій между правительствомъ и Совѣтомъ, — Некрасовъ наиболѣе темная и роковая фигура среди правившихъ круговъ, оставлявшая яркую печать злобнаго разрушенія на всемъ, къ чему онъ ни прикасался : будь то созданіе « Викжеля » [2], украинская автономія или Корниловское выступленіе...

---

[1]) Въ мартѣ, напримѣръ, путевой сторожъ получалъ 24 рубля въ мѣсяцъ; начальникъ депо (при готовой квартирѣ) 100 рублей, а его слесарь 300 руб.; начальникъ участка службы пути 120 рублей, а его рабочіе болѣе 200 и т. д.

[2]) Всероссійскій исполнительный комитетъ желѣзнодорожнаго союза.

Общаго плана — экономическаго и техническаго — министерство не имѣло, да и трудно было осуществить какой-либо планъ. Ибо въ желѣзнодорожную организацію, сильную нѣкогда своей дисциплиной, Некрасовъ рѣшилъ ввести « на мѣсто старыхъ лозунговъ принужденія и страха (?) — новыя начала демократической организаціи » путемъ насажденія во всѣхъ отрасляхъ желѣзнодорожнаго дѣла выборныхъ совѣтовъ и комитетовъ. На созданіе ихъ министръ отпустилъ крупное ассигнованіе, и знаменитымъ циркуляромъ 27 мая опредѣлилъ организаціямъ широчайшій кругъ вѣдѣнія въ области общественнаго контроля, наблюденія за работой желѣзныхъ дорогъ и « указаній » отвѣтственнымъ лицамъ администраціи. Впослѣдствіи желѣзнодорожнымъ организаціямъ была обѣщана и передача распорядительныхъ функцій... « Пока-же министерство путей сообщенія и подвѣдомственныя ему мѣстныя установленія должны и будутъ строго согласовывать свою работу со взглядами и пожеланіями объединенныхъ желѣзнодорожныхъ труженниковъ ». Такимъ образомъ, г. Некрасовъ важнѣйшіе государственные интересы — направленіе желѣзно-дорожной политики, судьбу обороны, промышленности и всѣхъ другихъ отраслей народной жизни, сопряженныхъ съ использованіемъ путей сообщенія, отдалъ въ руки частной организаціи. Мѣра, которая была бы вполнѣ правильной, какъ выразился одинъ изъ современныхъ критиковъ, если бы все русское населеніе состояло изъ однихъ желѣзнодорожниковъ.

Въ этой, не имѣвшей еще примѣра нигдѣ въ мірѣ, реорганизаціи, проведенной господиномъ Некрасовымъ, приходится поневолѣ видѣть нѣчто худшее, чѣмъ простая ошибка или заблужденіе.

Общее направленіе министерской политики было усвоено надлежаще. Въ началѣ августа на московскомъ съѣздѣ, ставшемъ орудіемъ лѣвыхъ соціалистическихъ партій, одинъ изъ главныхъ руководителей заявилъ, что « желѣзнодорожный союзъ долженъ быть вполнѣ автономнымъ, и никакая рѣшительно власть, никто кромѣ желѣзнодорожниковъ не можетъ вмѣшиваться въ ихъ жизнь »... Словомъ, отложеніе отъ государства.

Начался развалъ. Въ строгій и точный механизмъ желѣзнодорожной службы и въ центрѣ, и на мѣстахъ былъ введенъ небывалый элементъ произвола случайнаго состава организацій, основанныхъ по принципу большинства, а не знанія и опыта. Я понимаю демократизацію, открывающую широкій доступъ народнымъ массамъ къ наукѣ, техникѣ, искусству, но не понимаю демократизаціи этихъ достиженій человѣческаго разума.

Началось безвластіе и паденіе трудовой дисциплины. Уже въ іюлѣ правительство считало положеніе желѣзныхъ дорогъ катастрофическимъ.

Замѣчательно, что еще въ концѣ марта на кадетскомъ

съѣздѣ Некрасовъ выражалъ притворное изумленіе передъ такимъ « парадоксальнымъ явленіемъ », что съ появленіемъ комитетовъ, появились чрезмѣрныя требованія, устраненіе начальниковъ, неуклонное паденіе продуктивности труда и т. д. При этомъ онъ утѣшалъ апплодировавшее ему собраніе тѣмъ, что это явленіе вполнѣ закономѣрное и неизбѣжное, какъ слѣдствіе стараго режима, но что « въ этой организаціи лежитъ залогъ высшаго развитія желѣзнодорожнаго дѣла ».

Некрасовъ, послѣ такого четырехмѣсячнаго управленія вѣдомствомъ, ушелъ, взявъ въ свои руки невѣдомые ему финансы страны, а преемникъ его Юреневъ началъ бороться противъ захвата желѣзнодорожниками власти, считая « вмѣшательство въ распорядительную дѣятельность вѣдомства частныхъ лицъ и организацій государственнымъ преступленіемъ ». Борьба велась обычными методами Временнаго правительства и уже не могла вернуть потеряннаго. И на московскомъ совѣщаніи предсѣдатель желѣзнодорожнаго союза, въ сознаніи силы и вліянія его, говорилъ, что предпринятая борьба съ демократическими организаціями есть проявленіе контръ-революціи и противъ этого союзъ будетъ бороться абсолютно всѣми средствами « и найдетъ силы задушить эту гидру контръ-революціи »

Въ дальнѣйшемъ, какъ извѣстно, « Викжель » ставъ организаціей всецѣло политической, предалъ Корнилова — Керенскому, Керенскаго — Ленину, съ рвеніемъ бывшаго охраннаго отдѣленія « ловилъ » бѣжавшихъ Быховскихъ узниковъ и наконецъ погибъ безславно въ тискахъ большевистской централизаціи. Въ 1919 г. въ « Правдѣ » былъ опубликованъ приказъ совѣтскаго комиссара путей сообщенія Красина, похоронившій окончательно некрасовскіе упражненія въ области самоуправства : « Существующая система желѣзнодорожнаго управленія... привела транспортъ къ полному развалу... Всѣмъ завоеваніямъ революціи грозитъ опасность уничтоженія... На мѣсто коллегіальнаго, въ дѣйствительности безотвѣтственнаго управленія, вводятся принципы единоличнаго управленія и повышенной отвѣтственности : всѣ отъ стрѣлочника до члена коллегіи должны точно и безпрекословно исполнять всѣ мои предписанія. Реформы пріостановить и всюду, гдѣ только можно, возстановить старыя должности и старый техническій аппаратъ въ центральномъ управленіи и на линіяхъ ».

Въ результатѣ всѣхъ этихъ явленій, т. е. стараго режима, войны и революціи, явилось то положеніе транспорта, которое характеризуется хотя и очень поверхностно скудными цифровыми данными, которыя находятся въ моемъ распоряженіи; относятся онѣ къ московскому узлу а нѣкоторыя — ко всей сѣти (подъ чертой)

№№		Январь	Іюль	Декабрь	Примѣчаніе.
1	Наличность товарныхъ вагоновъ	82.375	89.718	98.881	
2	% въ ремонтѣ...	6	8,6	7,8	
3.	Наличность паровозовъ..........	3.060 / 17.000	3.170 / 15.700	3.333 / 15.800	
4	% въ ремонтѣ...	17,5 / 16,5	28,5 / 24,7	34,4 / 29,4	Къ 1-му іюля бездѣйствовало на всей сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ 1.800 паровозовъ.
5	Средній суточный пробѣгъ вагона въ верстахъ....	60,2	56,1	35	
6	Средняя суточн. погрузка вагоновъ для всей казенной сѣти жел. д.......	31.307	27.615	19.000	Въ первые семь мѣсяцевъ 1917 г. на всей сѣти недогружено въ сравненіи съ 1916 г.—980.000 вагоновъ при этомъ недогружено угля на 106 мил. пудовъ.

Если къ этому прибавить увеличеніе числа рабочихъ, приходившихся на 1 в. пути, по сравненіи съ 1914 г., отъ двухъ (Московск.-Каз. и Москов.-Курск.) до восьми разъ (Сѣверные) и увеличеніе средней оплаты одного человѣка съ 310 на 1.107 рубл. то станетъ яснымъ, что причины соціальнаго и политическаго характера (2, 4, 5, 6) имѣли въ общей желѣзнодорожной разрухѣ большее значеніе, чѣмъ техническія условія (1, 3). Явленіе совершенно обратное дореволюціонному періоду, когда работа желѣзныхъ дорогъ доходила до крайняго напряженія, когда личный составъ ихъ проявлялъ высокую энергію и самоотверженіе. Мы не забудемъ, что сосредоточеніе русскихъ армій лѣтомъ 1914 года, возбуждавшее всегда самыя тревожныя опасенія въ составителяхъ плана кампаніи, прошло не только блестяще, но войска не разъ прибывали на фронтъ *раньше* сроковъ, положенныхъ по плану мобилизаціи и сосредоточенія. Такова же работа желѣзнодорожниковъ и въ теченіи войны. И, если бывали случаи роковой медленности стратегическихъ перевозокъ, какъ

напримѣръ въ 1916 году, лишившіе насъ успѣха лѣтомъ на Волынскомъ театрѣ и осенью въ Румыніи, то это обстоятельство нужно отнести къ слабо развитой сѣти и непосильному заданію, а никакъ не къ недостатку доброй воли и сознанія долга желѣзнодорожниковъ.

***

Наконецъ, еще одинъ элементъ государственнаго хозяйства — финансы. Если имѣетъ значеніе нормальный финансовый планъ, то онъ находится въ полной и абсолютной зависимости отъ цѣлаго ряда существенныхъ факторовъ: общихъ политическихъ условій, дающихъ увѣренность извнѣ и внутри въ прочности государственнаго строя и устойчивости внутренняго положенія страны; стратегическихъ условій, опредѣляющихъ степень надежности государственной обороны; экономическихъ условій, какъ то состояніе производительности страны и взаимоотношенія производства ея съ потребленіемъ, условія труда, транспорта и т. д. Власть, фронтъ, деревня, заводъ, транспортъ не давали соотвѣтственныхъ гарантій, и потому вѣдомство могло принимать лишь мѣры паліативныя, чтобы задержать процессъ распада всей денежной системы и въ корнѣ нарушеннаго бюджетнаго равновѣсія до тѣхъ поръ, пока въ странѣ не возстановится относительный порядокъ.

Главными недостатками нашего до военнаго бюджета считаются базированіе его на доходахъ отъ винной монополіи (800 милл. рубл.) и почти полное отсутствіе прямого обложенія. Передъ войной бюджетъ Россіи простирался до 3½ милліардовъ рублей, государственный долгъ — около 8½ милліардовъ; однихъ процентовъ мы платили до 400 милліоновъ; почти половина этой суммы шла заграницу, погашаясь частью 1½ милліарднаго нашего вывоза.

Война и запрещеніе во время ея продажи спиртныхъ напитковъ вывели совершенно нашъ бюджетъ изъ равновѣсія. Государственные расходы за время войны выразились въ слѣдующихъ цифрахъ:

½ 1914 г.	— 5	милліард.	рублей.
1915 г.	— 12	«	«
1916 г.	— 18	«	«
Семь мѣсяцевъ 1917 г.	— 18 [1])	«	«

Огромный дефицитъ покрывался частью займами, частью выпускомъ кредитныхъ билетовъ. Расходы на войну производились изъ такъ называемаго «Военнаго фонда». Въ Ставкѣ расходованіе его находилось въ полномъ и безконтрольномъ (по вопросу цѣлесообразности) вѣдѣніи начальника штаба Верховнаго главнокомандующаго, который устанавливалъ от-

---

1) За весь 1917 годъ ожидался расходъ въ 27-30 милліардовъ рублей.

правныя данныя своими приказами и утвержденіемъ смѣтъ и штатовъ.

Революція нанесла окончательный ударъ нашимъ финансамъ. « Она, какъ говорилъ министръ финансовъ Шингаревъ, вызывала у всѣхъ сильное стремленіе къ расширенію своихъ правъ и притупила сознаніе обязанностей. Всѣ требовали повышенія оплаты своего труда, но никто не думалъ вносить въ казну налоги, поставивъ тѣмъ финансы въ положеніе близкое къ катастрофѣ». Началась положительно вакханалія, соединившая всѣхъ въ безудержномъ стремленіи подъ флагомъ демократизаціи брать, рвать, хватать, сколько возможно, изъ государственной казны, словно боясь упустить время безвластія и не встрѣчая противодѣйствія со стороны правительства. Даже самъ г. Некрасовъ на Московскомъ совѣщаніи рѣшился заявить, что « ни одинъ періодъ русской исторіи, ни одно царское правительство не были столь щедрыми, столь расточительными въ своихъ расходахъ, какъ правительство революціонной Россіи » и что « новый революціонный строй обходится гораздо дороже, чѣмъ старый ».

Достаточно привести нѣсколько « астрономическихъ цифръ» для опредѣленія непреодолимыхъ бюджетныхъ затрудненій. Уменьшеніе выработки и чрезмѣрное повышеніе заработной платы вызвало необходимость громадныхъ расходовъ частью на субсидированіе замиравшихъ предпріятій, частью на переплату за предметы производства. Эта переплата для одного только Донецкаго бассейна дала 1.200 милліоновъ рублей. Прибавка солдатскаго жалованія — 500 милліон., рубл. желѣзнодорожная прибавка — 350 милліон. рублей; почтовымъ чиновникамъ — 60 милліон. рублей, причемъ черезъ мѣсяцъ потребовали еще 105 милл., въ то время, какъ весь доходъ отъ почтово-телеграфнаго вѣдомства — 60 милліон. На пайки солдатскимъ женамъ Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ потребовалъ 11 милліардовъ рублей, т. е., почти полный годовой бюджетъ 1915 года, тогда какъ за время до 1917 года было израсходовано на это дѣло 2 милліарда. Содержаніе продовольственныхъ комитетовъ обходилось въ 500 милліоновъ рублей въ годъ, земельныхъ — въ 140 милліоновъ и т. д., и т. д.

Параллельно съ такимъ ростомъ расходовъ наблюдалось сильное пониженіе поступленій. Такъ, напримѣръ, въ первые же мѣсяцы революціи поступленіе поземельнаго налога упало на 32 %, городскихъ недвижимыхъ имуществъ на 41 %, квартирнаго налога на 43 % и т. д.

Какъ результатъ внутреннихъ нестроеній нашихъ, явились, вмѣстѣ съ тѣмъ, паденіе курса рубля и пониженіе русскихъ цѣнностей заграницей [1]).

---

[1]) 28 іюля фунтъ стерлинговъ стоилъ 21 руб., французскій

Временное правительство въ основу своей финансовой дѣятельности положило « переустройство финансовой системы на демократическихъ началахъ, путемъ прямого обложенія имущихъ классовъ» (обложеніе наслѣдственное, военныхъ сверхъприбылей, поимущественное, подоходное и т. д.). Правительство не рѣшалось только прибѣгнуть къ средству, рекомендованному революціонной демократіей — принудительному займу или установленію « высокаго *единовременнаго* поимущественнаго налога » — средству, имѣвшему нѣкоторый привкусъ большевизма. Всѣ эти справедливые налоги, проведенные въ жизнь или проектированные, при всемъ ихъ крайне высокомъ напряженіи, не могли и въ малой степени удовлетворить все возраставшихъ требованій. Министерство Бернацкаго [1]), въ началѣ августа сочло себя вынужденнымъ обратиться къ усиленію косвеннаго обложенія и къ нѣкоторымъ монополіямъ (на чай сахаръ, спички) — мѣрамъ, накладывающимъ платежныя тяготы на массу населенія и потому до крайности непопулярнымъ.

Тѣмъ временемъ расходы росли чудовищно, доходы не поступали, « заемъ свободы » шелъ не совсѣмъ удачно, на внѣшніе займы, ввиду общаго состоянія русскаго фронта, расчитывать не приходилось. Кредитныя операціи (внутр., внѣшн. займы, краткосрочн. обяз. казначейства) дали за первую половину 1917 г. 9½ милліардовъ; обыкновенные доходы предположены не болѣе 5.800 милліон. Оставалось одно, освященное историческими традиціями всѣхъ революціонныхъ эпохъ средство — печатный станокъ.

Выпускъ кредитныхъ билетовъ достигъ размѣровъ исключительныхъ:

½ 1914 г.	— 1.425	милліон.	рублей.
1915 г.	— 2.612	«	«
1916 г.	— 3.488	«	«
½ 1917 г.	— 3.990	«	«

По балансу къ іюлю мѣсяцу 1917 года сумма находившихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ достигала цифры въ 13.916 милліоновъ рубл. (при обезпеченіи золотомъ въ 1.293 милліона), противъ 2 милліардовъ бывшихъ до войны.

Четыре смѣнявшихся одинъ за другимъ министра финансовъ [2]) не могли ничего сдѣлать, чтобы вывести страну изъ финансоваго тупика. Ибо для этого нужно было или пробужденіе чувства государственности въ народной массѣ, или такая мудрая и сильная власть, которая нанесла бы сокрушительный ударъ гибельнымъ безгосударственнымъ, эгоистичнымъ стрем-

---

франкъ 77 коп. ; 28 августа фунтъ стерлинговъ стоилъ уже 37 р. 50 коп., французскій франкъ 1 р. 10 к.

[1]) Некрасовъ возглавлялъ фиктивно министерство, управляющимъ котораго былъ М. В. Бернацкій.

[2]) Терещенко, Шингаревъ, Некрасовъ, Бернацкій.

леніямъ и той части буржуазіи, которая строила свое благополучіе на войнѣ, разореніи и крови народной, и той демократіи, которая, по выраженію Шингарева, «съ такой суровостью, устами своихъ представителей въ Государственной Думѣ, осуждала тотъ самый ядъ бумажныхъ денегъ, который теперь полными чашами стала пить сама — въ моментъ, когда явилась почти хозяиномъ своей судьбы».

ГЛАВА XV.

Положеніе центральныхъ державъ къ веснѣ 1917 г.

Первымъ основнымъ вопросомъ, который сталъ передо мной въ Ставкѣ, была *задача фронта*. Я не могу сказать, чтобы служба внѣшней тайной развѣдки давала намъ очень широкое освѣдомленіе, тѣмъ болѣе, что главная организація ея, находившаяся въ Парижѣ, пользовалась отрицательной репутаціей. Тѣмъ не менѣе, при нѣкоторомъ содѣйствіи союзниковъ, мы обладали достаточнымъ знаніемъ какъ общаго, такъ и военнаго положенія въ станѣ нашихъ враговъ.

Это положеніе рисовалось намъ далеко не въ блестящемъ видѣ. Но я долженъ сказать откровенно, что дѣйствительность, обнаружившаяся теперь, превосходитъ всѣ наши предположенія, особенно по той картинѣ положенія Германіи и союзныхъ ей державъ въ 1917 г., которую даютъ Гинденбургъ и Людендорфъ.

Безъ сомнѣнія не легко было положеніе и союзниковъ, въ особенности Франціи, которая дѣлала колоссальное напряженіе, привлекая въ ряды войскъ все способное носить оружіе мужское населеніе и мобилизуя почти всю свою промышленность. И въ Англіи, и во Франціи чувствовалось большое моральное напряженіе и сильное разстройство всѣхъ экономическихъ связей.

Но если союзники могли еще черпать большіе людскіе запасы въ своихъ колоніяхъ, изъ которыхъ Англія, напримѣръ, къ веснѣ 1917 года извлекла милліонъ человѣкъ, то Германія выкачала уже изъ своей страны все, что могъ дать народъ — всѣ возрасты отъ 17 до 45 лѣтъ. Верховное командованіе ея, однако, не удовлетворялось этимъ и требовало всенароднаго ополченія отъ 15 до 60 лѣтъ — какъ для пополненія рядовъ, такъ и для службы и работъ въ тылу арміи небоеспособныхъ элементовъ, не исключая и женщинъ. Правительство не рѣшалось на такой шагъ, въ виду явной его непопулярности, и это обстоятельство вызвало острое треніе между нимъ и командованіемъ. Съ огромнымъ напряженіемъ и цѣною ослабленія своихъ кадровъ и запасовъ пополненій, нѣмцы создали къ веснѣ новыхъ 13 дивизій, а для работъ использовали широко и безпощадно плѣнныхъ, особенно русскихъ, и населеніе оку-

пированныхъ странъ. Всѣ эти мѣры не измѣнили, однако, существенно соотношенія силъ, которыя у Антанты превосходили приблизительно на 40% численность армій центральныхъ державъ.

Промышленность въ Германіи испытывала жестокое потрясеніе.

Всѣ фабрики и заводы, какіе только могли быть использованы для военныхъ цѣлей, были мобилизованы, станки передѣланы, измѣнено производство. Это обстоятельство, въ связи съ критическимъ недостаткомъ сырья, вызвало въ странѣ острую нужду въ предметахъ первой необходимости. Струны очевидно были перетянуты, если командованіе въ періодъ наибольшей военной опасности сочло себя вынужденнымъ вернуть частной промышленности нѣсколько заводовъ и изъ строя — на заводы 125 тысячъ квалифицированныхъ рабочихъ. При такомъ полномъ напряженіи состязаться съ противниками въ отношеніи производства военныхъ матеріаловъ Германія все же не могла. « Положеніе было невѣроятно трудно и почти безвыходно. Нечего было больше думать о наступленіи. Надо было сохранить резервы для обороны » — говоритъ Людендорфъ [1]).

Но тяжелѣе всего отзывалась блокада, которой подвергли Германію державы Согласія. Всѣ усилія нѣмецкаго правительства, практиковъ и ученыхъ не приводили къ желаннымъ результатамъ. Хлѣбъ и жиры замѣнялись суррогатами, раціонъ населенія дошелъ до минимума, потребнаго для существованія; не только въ странѣ, но и въ арміи приходилось прибѣгать къ суррогатамъ изъ соломы и древесины для питанія лошадей, иногда и людей. Масса населенія, особенно средняго класса, положительно умирала съ голоду. « Голодная блокада, организованная нашими врагами, бросила насъ не только въ физическія страданія, но и въ моральное отчаяніе »... [1])

Въ Австріи положеніе было не лучше : Галиція была разорена войной, двукратнымъ переходомъ изъ рукъ въ руки, бѣженствомъ и болѣзнями. Венгріи хватало хлѣба; она давала часть его арміи, но, въ силу извѣстнаго сепаратизма, препятствовала вывозу его въ Австрію, въ которой царилъ голодъ. Занятіе въ 1916 году Румыніи съ ея богатыми запасами несомнѣнно умѣрило нѣсколько кризисъ, но за дальностью разстоянія и въ силу разстроеннаго транспорта могло оказать вліяніе не скоро и далеко не въ рѣшающей степени.

« Вѣчное недоѣданіе... создало упадокъ силъ физическихъ и нравственныхъ и породило трусливое и истерическое настроеніе въ нѣмецкомъ обществѣ » [1]).

---

[1]) Mes souvenirs de guerre. Людендорфъ.

Неудивительно, что вся совокупность создавшейся обстановки вызвала большую усталость и потерю вѣры въ побѣду у германскаго народа, правительства и арміи.

Что касается австрійской арміи, то она никогда не представляла изъ себя особенно серьезной силы, требовала постоянной подпорки со стороны нѣмцевъ, и теперь могла разсыпаться въ любой моментъ отъ одного оглушительнаго удара. Видный австрійскій генералъ фонъ-Арцъ — далеко не пессимистъ — въ началѣ апрѣля 1917 г. увѣрялъ, что «благодаря недостатку сырья и усталости войскъ, австрійская армія не можетъ драться долѣе, чѣмъ до зимы».

Едва ли, кромѣ высшаго германскаго командованія, какіе либо широкіе общественные и народные круги желали продолженія войны. Всю страну охватило страстное желаніе мира. Это желаніе, однако, какъ то странно совмѣщалось съ гордымъ тономъ и непримиримостью основныхъ началъ мирныхъ предложеній, какъ будто Германія, обращаясь дважды къ воюющимъ державамъ, дарила миръ, а не просила его, и въ самомъ себѣ носило зачатки слабости и пораженія. Оно парализовало волю страны къ побѣдѣ, ослабило притокъ живой силы, создало большія затрудненія правительству въ рейхстагѣ, крайне нервировало командованіе и подорвало духъ арміи. Несомнѣнно, во всемъ этомъ движеніи серьезную роль сыгралъ и лѣвый флангъ нѣмецкой общественности — соціалъ-демократическая партія независимыхъ.

Создавались и внѣшнія политическія осложненія: Австрія все болѣе и болѣе вырывалась изъ орбиты германской политики, графъ Чернинъ носился уже съ планомъ австро-польскаго единенія, ставившаго необыкновенно остро вопросъ о Познани и польской Силезіи. Въ Австріи — и въ обществѣ, и въ политическихъ кругахъ — все болѣе укрѣплялось убѣжденіе, что приносятся безконечныя жертвы и само существованіе двуединой монархіи поставлено на карту только ради интересовъ Германіи. Императоръ Карлъ, въ серединѣ апрѣля 1917 года, писалъ Вильгельму о необходимости, учитывая опасность всеобщей революціи, заключить миръ цѣною хотя бы большихъ жертвъ. Что касается Болгаріи, то донесенія военныхъ агентовъ и секретная дипломатическая переписка производили на меня такое впечатлѣніе, что только нѣкоторая инертность нашихъ и союзныхъ дипломатовъ замедляла разрѣшеніе этого большого историческаго недоразумѣнія, которое окончилось лишь въ сентябрѣ 1918 года паденіемъ Болгаріи. Пожалуй, не безъ вліянія осталось еще одно обстоятельство — неучтенная союзниками ошибка психологическаго характера: не слѣдовало сербскія войска, послѣ отдыха и приведенія въ порядокъ на Корфу, развертывать на Салоникскомъ фронтѣ, противопоставляя ихъ болгарамъ, какъ возбуждающее начало неизжитой и

обостренной исторической вражды. Точно такую же ошибку сдѣлала Ставка въ концѣ 1916 года, отправивъ въ Добруджу, въ составѣ русскаго отдѣльнаго корпуса, сербскую дивизію, сформированную изъ плѣнныхъ югославянъ.

Самъ Гинденбургъ признаетъ, что « народный энтузіазмъ болгаръ былъ далеко не такой, какъ въ 1912 г. Въ 1915 г. болгаръ подвинулъ на войну холодный расчетъ правительства (идея гегемоніи на Балканскомъ полуостровѣ) гораздо болѣе, нежели національный подъемъ » [1]).

23 марта Америка объявила войну Германіи. Въ посланіи Вильсона объявленіе войны мотивировалось нарушеніемъ Германіей элементарныхъ основъ международнаго права и человѣчности подводной войной : «Германцы безъ зазрѣнія совѣсти стали топить всякаго рода суда безъ предупрежденія и не подавая помощи ихъ пассажирамъ. Топились безъ всякаго сострадакія суда нейтральныхъ и дружественныхъ державъ, наравнѣ съ враждебными и даже госпитальныя, снабженныя пропусками, выданными самимъ же германскимъ правительствомъ ». Президентъ потребовалъ кредитовъ на полную мобилизацію флота и увеличеніе арміи. На основаніи утвержденнаго сенатомъ и палатою подавляющимъ большинствомъ голосовъ законопроекта, въ Америкѣ введена была обязательная повинность, предоставлено право президенту призвать немедленно 500 тысячъ человѣкъ и позже еще 500 тысячъ.

Конечно, формированіе и перевозка экспедиціонныхъ американскихъ войскъ требовали очень большого времени. Фактически первыя дивизіи начали прибывать на европейскій фронтъ только въ серединѣ іюня 1917 г.; въ іюнѣ 1918 г. перевезено до 500.000 человѣкъ, а къ декабрю 1918 г. — до 1,4 милліона. Но объявленіе войны Америкой, помимо моральнаго вліянія на воюющія и нейтральныя державы, вносило полную опредѣленность въ политическую ситуацію, предоставляло державамъ Согласія теперь же помощь морскими силами и легальную возможность еще болѣе широкой матеріальной и экономической поддержки Америкой [2]), наконецъ, создавало реальную угрозу враждебнымъ странамъ въ будущемъ.

Это событіе было естественнымъ и предвидѣннымъ нѣмцами, когда они, въ сознаніи безвыходности своего положенія, рискнули въ январѣ 1917 г. поставить послѣднюю карту, начавъ подводную войну. Несомнѣнно, эта война нанесла очень тяжелыя матеріальныя потери державамъ Согласія. По исчисленіямъ нѣмцевъ, февраль стоилъ союзникамъ потери 780, мартъ — 860, апрѣль — болѣе 1 милліона, май — 870 тысячъ тоннъ.

---

[1]) « Aus meinem Leben ».

[2]) Съ іюля 1914 года по іюнь 1917 года Америка доставила Антантѣ снабженія на 53 милліарда франковъ.

Но рѣшительныхъ результатовъ, которые только и могли оправдать всѣ невыгодныя стороны этого мѣропріятія — и прежде всего всеобщее озлобленіе противъ Германіи — она не достигла. Англія, противъ которой главнымъ образомъ направлена была подводная война, отвѣтила на этотъ вызовъ и потерю своего тоннажа увеличеніемъ площади запашки на 3 милліона акровъ, сокращеніемъ ввоза безъ чрезмѣрнаго нарушенія интересовъ промышленности на 6 милліоновъ тоннъ, увеличеніемъ добычи минераловъ въ предѣлахъ самой страны и регулировкой внѣшней торговли, въ смыслѣ сосредоточенія тоннажа для предметовъ первой необходимости; одновременно начались серьезныя техническія изысканія дѣйствительныхъ способовъ борьбы съ подводными лодками. Словомъ, французскій морской министръ, адмиралъ Ляказъ имѣлъ основаніе 12 мая выступить со слѣдующимъ оффиціальнымъ заявленіемъ: « До 1 января 1917 года союзники потеряли 4,5 милліон. тоннъ. Но мы построили 4.402 тысячи тоннъ и получили 990 тысячъ тоннъ въ качествѣ приза. Такимъ образомъ, къ 1 январю 1917 г. мы оказались въ такомъ же положеніи въ отношеніи тонажа, какъ въ началѣ войны. Съ этого времени до конца апрѣля мы потеряли еще 2½ милліона тоннъ. Если сохранится та же пропорція и въ будущемъ, то къ концу года мы, за частичнымъ возмѣщеніемъ, потеряемъ 4-4½ милліона тоннъ изъ 40 милліоновъ. Можно-ли опасаться, что такая потеря угрожаетъ нашей жизни? »

Къ серединѣ іюня Гинденбургъ въ телеграммѣ къ императору весьма пессимистически опредѣлялъ положеніе страны : «Огромное безпокойство возбуждаетъ въ насъ упадокъ народнаго духа. Надо поднять его; *иначе война проиграна*. Наши союзники также нуждаются въ поддержкѣ, если мы не хотимъ, чтобы они насъ оставили... Нужно разрѣшить экономическія проблемы, страшно важныя для нашего будущаго. Является вопросъ, способенъ ли канцлеръ ихъ разрѣшить? А разрѣшить нужно — *иначе мы погибли* ».

Въ ожиданіи назрѣвавшаго большого наступленія англо-французовъ на западномъ фронтѣ, нѣмцы сосредоточили тамъ главное свое вниманіе, средства и силы, оставивъ на восточномъ — послѣ русской революціи — лишь число войскъ, едва достаточное для обороны. Тѣмъ не менѣе, положеніе восточнаго фронта продолжало вызывать къ себѣ нервное отношеніе нѣмецкаго командованія. Устоитъ ли русскій народъ, или въ немъ возобладаютъ пораженческія вліянія? « Такъ какъ состояніе русской арміи — не позволяло намъ отвѣтить ясно на этотъ вопросъ — говоритъ Гинденбургъ, — то наше положеніе въ отношеніи Россіи продолжало оставаться далеко не надежнымъ ».

ГЛАВА XVI.

Стратегическое положеніе русскаго фронта къ веснѣ 1917 г.

Русская армія къ марту 17 г., не взирая на всѣ свои недочеты, представляла внушительную силу, съ которой противнику приходилось весьма считаться. Благодаря мобилизаціи промышленности, дѣятельности военно-промышленнаго комитета и отчасти нѣсколько ожившихъ органовъ военнаго министерства, боевое снабженіе достигло размѣровъ доселѣ небывалыхъ. Къ тому же усилился подвозъ артиллеріи и вообще военнаго матеріала отъ союзниковъ на Мурманъ и къ Архангельску. Къ веснѣ мы имѣли сильный 48-й корпусъ — названіе, подъ которымъ скрывалась тяжелая артиллерія особаго назначенія— « Таонъ », состоявшая изъ крупнѣйшихъ калибровъ. Въ началѣ года произведена была реорганизація техническихъ (инженерныхъ) войскъ, съ цѣлью значительнаго ихъ расширенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ началось развертываніе новыхъ пѣхотныхъ дивизій. Эта послѣдняя мѣра, проведенная ген. Гурко въ дни его временнаго пребыванія начальникомъ штаба Верховнаго главнокомандующаго, заключалась въ переходѣ пѣхотныхъ полковъ съ 4-хъ батальоннаго состава на 3-хъ батальонный и въ уменьшеніи числа орудій на дивизію, взамѣнъ чего изъ выдѣленныхъ частей создавались въ каждомъ корпусѣ третьи дивизіи, соотвѣтственно пополненныя, съ небольшой артиллеріей. Несомнѣнно, по существу эта организація, будучи проведена еще въ мирное время, придала бы большую гибкость корпусамъ и значительно увеличила бы ихъ силу. Но во время войны приступать къ ней было рисковано : къ весеннимъ операціямъ старыя дивизіи были раздерганы, а новыя предстали въ жалкомъ видѣ, какъ въ отношеніи боевого снаряженія (пулеметы и пр.), такъ и техническаго и хозяйственнаго оборудованія; многія изъ нихъ не успѣли получить надлежащей внутренней спайки — обстоятельство, имѣвшее исключительно серьезное значеніе передъ лицомъ вспыхнувшей революціи. Положеніе было настолько остро, что Ставка вынуждена была въ маѣ дать разрѣшеніе фронтамъ расформировать тѣ изъ третьихъ дивизій, которыя окажутся мало боеспособными, обращая ихъ на пополненіе кадровыхъ; мѣра эта, однако,

почти не примѣнялась, встрѣтивъ сильное противодѣйствіе въ частяхъ, тронутыхъ уже революціоннымъ движеніемъ.

Другой мѣрой, ослабившей значительно ряды арміи, было увольненіе отъ службы старшихъ возрастныхъ сроковъ.

Мотивомъ къ такой чреватой послѣдствіями мѣрѣ, принятый наканунѣ общаго наступленія, послужило заявленіе на совѣщаніи въ Ставкѣ 30 марта министра земледѣлія Шингарева [1]), что положеніе продовольствія критическое и что онъ совершенно не беретъ на себя отвѣтственности за питаніе арміи, если не будетъ сброшено съ раціоновъ до милліона ртовъ. При обмѣнѣ мнѣній указывалось на огромное, непропорціональное развитіе въ арміи не-боевого элемента, пребываніе въ составѣ ея множества едва ли необходимыхъ вспомогательныхъ учрежденій, въ видѣ крайне разросшихся общественныхъ рабочихъ организацій, китайскихъ, инородческихъ рабочихъ дружинъ и т. д. Упоминалось также объ омоложеніи арміи.

Крайне обезпокоенный такимъ направленіемъ мыслей, я поручилъ дежурству представить статистическія данныя относительно всѣхъ указанныхъ категорій лицъ. Но пока производилась эта работа, 5 апрѣля вышелъ приказъ военнаго министра объ увольненіи изъ внутреннихъ округовъ солдатъ свыше 40 лѣтъ на сельско-хозяйственныя работы до 15 мая (позднѣе срокъ продолженъ до 15 іюня, фактически почти никто не вернулся), а 10 апрѣля состоялось постановленіе Временнаго правительства объ увольненіи вовсе отъ службы лицъ, имѣющихъ болѣе 43 лѣтъ отъ роду.

Первый приказъ вызвалъ психологическую необходимость, подъ напоромъ солдатскаго давленія, распространить его и на армію, которая не примирилась бы со льготами, данными тылу; второй вносилъ чрезвычайно опасную тенденцію, являясь фактически *началомъ демобилизаціи арміи*. Никакая нормировка не могла уже остановить стихійнаго стремленія уволенныхъ вернуться домой, и массы ихъ, хлынувшія на станціи желѣзныхъ дорогъ, надолго разстроили транспортъ. Нѣкоторые полки, сформированные изъ запасныхъ батальоновъ, потеряли большую часть своего состава; войсковые тылы — обозы, транспорты разстроились совершенно: солдаты, не дожидаясь смѣны, оставляли имущество и лошадей на произволъ судьбы: имущество расхищалось, лошади гибли.

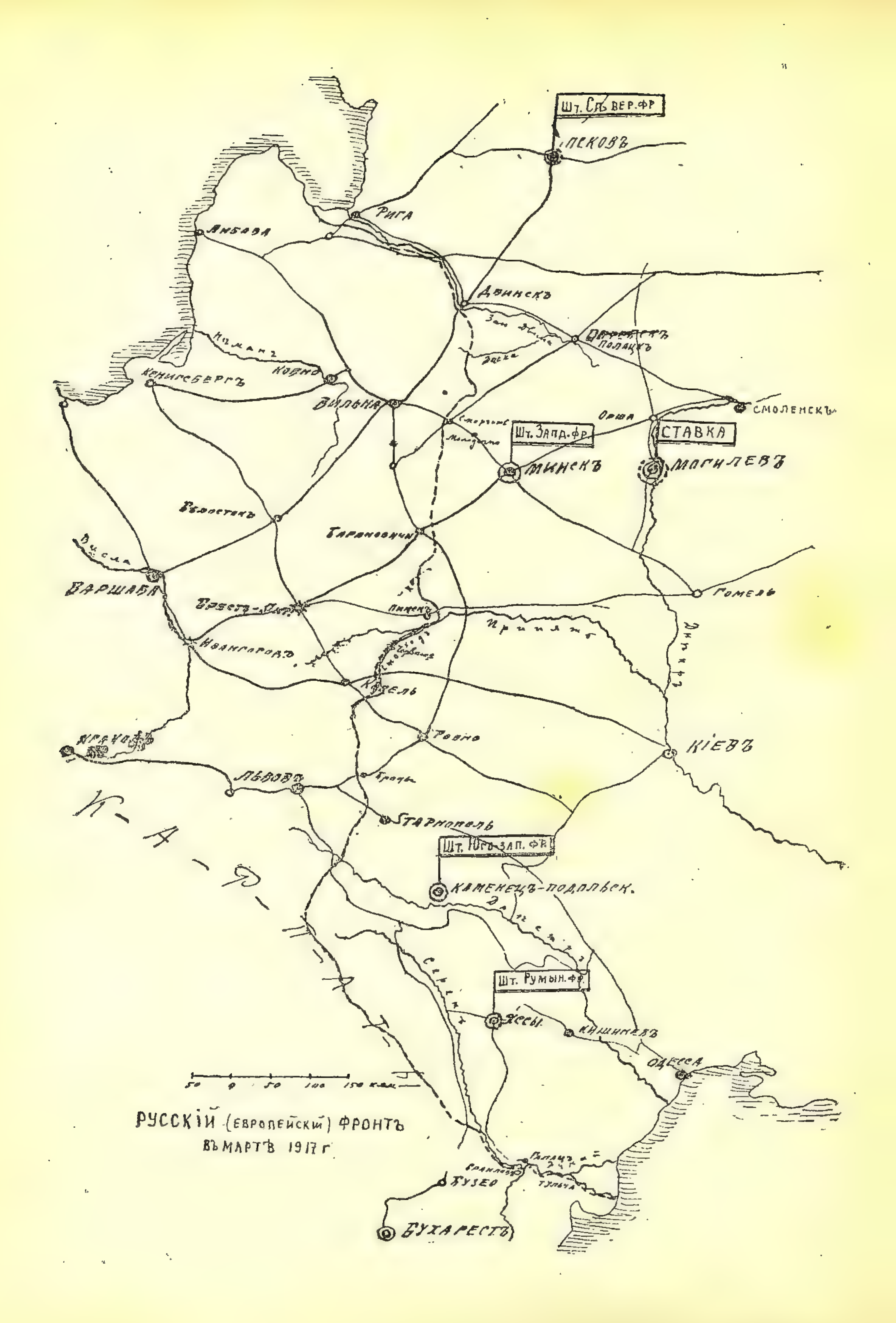
Эти обстоятельства ослабили армію и въ свою очередь отдалили на нѣкоторое время ея боевую готовность.

На огромномъ фронтѣ отъ Балтійскаго моря до Чернаго и отъ Чернаго до Хамадана тянулись русскія позиціи. На нихъ стояло 68 армейскихъ и 9 кавалерійскихъ корпусовъ.

Какъ значеніе фронтовъ, такъ и общее состояніе ихъ было

---

[1]) Министерство вѣдало и продовольствіемъ.

РУССКIЙ (европейскiй) ФРОНТЪ
ВЪ МАРТѢ 1917 г.

РУССКІЙ (КАВКАЗСКІЙ) ФРОНТЪ ВЪ МАРТѢ 1917 г.

далеко не одинаково. Сѣверный нашъ фронтъ [1]), включавшій Финляндію, Балтійское море и линію Западной Двины, имѣлъ большое значеніе, какъ прикрывавшій подступы къ Петрограду, но значеніе это строго ограничивалось требованіями обороны. Сообразно съ этимъ, ему не представлялось возможнымъ удѣлять ни крупныхъ силъ, ни большого числа тяжелой артиллеріи. Условія театра, сильная оборонительная линія Двины, рядъ естественныхъ тыловыхъ позицій, связанныхъ съ основными позиціями Западнаго фронта, невозможность серьезной операціи къ Петрограду ранѣе овладѣнія моремъ, находившимся въ нашихъ рукахъ — все это позволяло бы считать фронтъ до извѣстной степени обезпеченнымъ, если бы не два обстоятельства, сильно тревожившія Ставку : бо̀льшая, чѣмъ гдѣ-либо развращенность войскъ Сѣвернаго фронта, благодаря близости революціоннаго Петрограда, и состояніе — не то автономное, не то полу-анархическое — Балтійскаго флота и его базъ — Гельсингфорса и Кронштадта, изъ которыхъ второй служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и главной базой анархо-большевизма.

Балтійскій флотъ, сохраняя до извѣстной степени внѣшнія формы служебнаго подчиненія, совершенно вышелъ изъ повиновенія. Командующій флотомъ, адмиралъ Максимовъ находился всецѣло въ рукахъ центральнаго матросскаго комитета; ни одно оперативное приказаніе не могло быть осуществлено безъ санкціи этого комитета. Не говоря уже о боевыхъ задачахъ, даже работы по установкѣ и исправленію минныхъ загражденій—главное средство обороны Балтійскаго моря — встрѣчали противодѣйствіе со стороны матросскихъ организацій и командъ. Во всемъ этомъ ясно сказывались не только общее паденіе дисциплины, но и планомѣрная работа нѣмецкаго генеральнаго штаба. Являлось опасеніе за выдачу секретныхъ морскихъ плановъ и шифровъ...

Наряду съ этимъ войска 42 отд. корпуса, расположенныя по финляндскому побережью и на островахъ Моонзунда, вслѣдствіе долгаго бездѣлья и разбросаннаго расположенія, съ началомъ революціи быстро разложились, и часть ихъ представляла изъ себя совершенно опустившіяся физически и морально толпы. Какая-либо смѣна или передвиженіе ихъ были невозможны. Помню, какъ въ маѣ 1917 г. я долго и безрезультатно добивался посылки на Моонзундскіе острова пѣхотной бригады. Достаточно сказать, что командиръ корпуса не рѣшался объѣхать и ознакомиться со своими частями, — обстоятельство характерное и для войскъ, и для личности начальника.

Однимъ словомъ, весною 1917 г. положеніе на Сѣверномъ фронтѣ было таково : мы получали ежедневныя донесенія о

---

[1]) Командовали послѣдовательно генералы Рузскій, Драгомировъ, Клембовскій, Черемисовъ.

состоянiи ледяныхъ заторовъ въ проливахъ между материкомъ и островами Рижскаго залива, и долгое ихъ стоянiе казалось главной реальной силой противодѣйствiя вторженiю нѣмецкаго флота и десанта.

Временами, чтобы разбудить правительство и совѣты, и чтобы привлечь къ боевой работѣ разлагавшiйся петроградскiй гарнизонъ, Ставка подчеркивала тревожное положенiе сѣвернаго направленiя, въ особенности на Ригу, что, однако, кромѣ обвиненiя Ставки въ контръ-революцiонности, ни къ чему болѣе не приводило.

Къ веснѣ принимались мѣры для подготовки Двинскаго и Рижскаго плацдармовъ для демонстративно-наступательныхъ дѣйствiй.

Между Дисной и Припятью тянулся Западный фронтъ [1]. На всемъ его огромномъ протяженiи два направленiя Минскъ — Вильна и Минскъ-Барановичи имѣли для насъ наибольшую важность, представляя возможныя направленiя, какъ нашихъ, такъ и нѣмецкихъ наступательныхъ операцiй, имѣвшихъ прецеденты въ прошломъ. Первое изъ этихъ направленiй весною обезпечивалось сосредоточенiемъ на немъ крупныхъ нашихъ силъ и тяжелой артиллерiи, собранныхъ тамъ для участiя въ предполагавшемся общемъ наступленiи; второе — всегда внушало нѣкоторое опасенiе, тѣмъ болѣе, что въ резервѣ тамъ была одна лишь конная дивизiя. Прочiе раiоны фронта и въ особенности южный — лѣсисто-болотистое Полѣсье — по условiямъ мѣстности и дорогъ являлись пассивными, а по Припяти, притокамъ ея и каналамъ издавна установилось даже какое то полумирное сожительство съ нѣмцами, съ развитiемъ небезвыгоднаго для « товарищей » тайнаго товарообмѣна. Поступали, напримѣръ, донесенiя, что въ Пинскъ на базаръ ежедневно являются съ позицiи русскiе солдаты — мѣшечники, и ихъ появленiе по разнымъ причинамъ поощряется нѣмецкими властями.

Было еще одно уязвимое мѣсто — это тетъ-де-понъ на Стоходѣ, у станцiи Червище-Голенинъ, занимаемый однимъ изъ корпусовъ армiи генерала Леша. 21 марта нѣмцы, послѣ сильной артиллерiйской подготовки и газовой атаки, обрушились на нашъ корпусъ и разбили его на голову. Войска наши понесли тяжелыя потери, и остатки корпуса отведены были за Стоходъ. Ставка не получила точнаго подраздѣленiя числа потерь, за невозможностью выяснить, какое число убитыхъ и раненыхъ скрывалось въ графѣ « безъ вѣсти пропавшихъ ». Нѣмецкое же офицiальное сообщенiе давало цифру плѣнныхъ въ 150 офицеровъ и около 10.000 солдатъ...

---

[1] Командовали послѣдовательно генералы: Эвертъ, Гурко, Деникинъ и Балуевъ.

Конечно, по условіямъ театра этотъ тактическій успѣхъ нѣмцевъ не имѣлъ никакого стратегическаго значенія и не могъ получить опаснаго для насъ развитія. Тѣмъ не менѣе, странной показалось намъ откровенность осторожнаго канцлерскаго официоза «Norddeutche Allgemeine Zeitung», который писалъ : «Сообщеніе Ставки русскаго Верховнаго главнокомандующаго отъ 29 марта заблуждается, если усматриваетъ въ операціи, предпринятой германскими войсками и предписанной тактической необходимостью, возникшей лишь въ ограниченныхъ предѣлахъ даннаго участка, крупную операцію общаго значенія » [1]).

Газета знала то, въ чемъ мы не были вполнѣ увѣрены, и что теперь разъяснилъ намъ Людендорфъ. Съ начала русской революціи Германія поставила себѣ новую цѣль : *не имѣя возможности вести операціи на обоихъ главныхъ фронтахъ*, она рѣшила *« слѣдить внимательно и поощрять развитіе процесса разложенія въ Россіи », добивая ее не оружіемъ, а развитіемъ пропаганды*. Бой на Стоходѣ предпринятъ былъ по частной иниціативѣ генерала Линзингена и испугалъ германское правительство, считавшее, что нѣмецкія атаки « въ періодъ, когда братанье шло полнымъ ходомъ », могутъ оживить въ насъ, русскихъ, угасавшій духъ патріотизма и отдалить паденіе Россіи. Канцлеръ просилъ главную квартиру « дѣлать какъ можно меньше шума вокругъ этого успѣха », и послѣдняя запретила всякія дальнѣйшія наступательныя операціи, « чтобы не разстраивать надеждъ на миръ, близкихъ къ осуществленію ».

Наша неудача на Стоходѣ произвела въ странѣ большое впечатлѣніе. Это былъ первый боевой опытъ « самой свободной въ мірѣ революціонной арміи »... Ставка ограничилась сухимъ изложеніемъ факта, безъ какой бы то ни было тенденціи ; въ кругахъ революціонной демократіи объясняли его, гдѣ измѣной командного элемента, гдѣ злымъ умысломъ военнаго начальства, желавшаго якобы подчеркнуть такимъ предметнымъ урокомъ негодность новыхъ порядковъ арміи и опасность паденія дисциплины, гдѣ неспособностью начальства. Московскій совѣтъ предъявилъ въ Ставку обвиненіе въ измѣнѣ одного изъ помощниковъ военнаго министра, командовавшаго ранѣе на этомъ фронтѣ дивизіей...

Другіе — всецѣло относили наше пораженіе къ разложенію войскъ.

Фактическихъ причинъ неудачи было двѣ: *тактическая*, обусловленная сомнительной цѣлесообразностью занятія узкаго тетъ-де-пона во время разлива рѣки, съ необезпеченнымъ надлежаще тыломъ, и можетъ быть, не совсѣмъ правильное примѣненіе техники и войскъ ; и *психологическая* : паденіе моральнаго эле-

---

[1]) Въ нашей сводкѣ такого опредѣленія я не нашелъ.

мента и дисциплины въ войскахъ. Это послѣднее обстоятельство, выразившееся, между прочимъ, въ огромномъ, непропорціональномъ числѣ плѣнныхъ, заставило по разнымъ побужденіямъ « глубоко призадуматься » и русскую Ставку, и главную квартиру Гинденбурга.

Наиболѣе важнымъ и привлекавшимъ исключительное вниманіе являлся Юго-западный фронтъ [1]), простиравшійся отъ Припяти до Молдавіи. Отъ него шли на сѣверо-западъ чрезвычайно важныя операціонныя направленія вглубь Галиціи и Польши,—на Краковъ, Варшаву, Брестъ-Литовскъ. Наступленіе по нимъ прикрывалось съ юга Карпатами, раздѣляло южную австрійскую группу армій отъ сѣверной нѣмецкой, угрожая тылу и коммуникаціямъ послѣдней. Эти операціонныя направленія, не встрѣчая въ общемъ серьезныхъ преградъ, выводили насъ на фронтъ австрійскихъ войскъ, боевыя качества которыхъ были много ниже германскихъ; тылъ Юго-западнаго фронта былъ сравнительно устроенъ и богатъ ; психологія войскъ, командованія и штабовъ его всегда значительно разнилась отъ другихъ фронтовъ : на общемъ славномъ, но безрадостномъ фонѣ кампаніи только юго-западныя арміи одерживали потрясающіе успѣхи, видѣли сотни тысячъ плѣнныхъ, проходили побѣдно сотни верстъ вглубь непріятельской территоріи, спускались съ Карпатъ въ Венгрію. Въ этихъ войскахъ раньше всегда жила вѣра въ успѣхъ. Юго-западный фронтъ создалъ имена Брусилову, Корнилову, Каледину... Всѣ эти обстоятельства заставляли смотрѣть на Юго-западный фронтъ, какъ на естественную базу и центръ предстоящихъ операцій, и сообразно съ этимъ сосредоточить въ немъ войска, техническія средства, большую часть тяжелой артиллеріи (« Таона ») и боевыхъ запасовъ. Соотвѣтственно подготовлялся для наступленія, съ устройствомъ плацдармовъ, проведеніемъ дорогъ, главнымъ образомъ раіонъ между верхнимъ Серетомъ и Карпатами.

Далѣе слѣдовалъ — до Чернаго моря — Румынскій фронтъ [2]). Послѣ неудачной для насъ кампаніи 1916 г. наши войска заняли линію по Дунаю, Серету и Карпатамъ и укрѣпились на ней достаточно прочно. Румынскія войска частью располагались на фронтѣ, вкрапленныя между нашими IV и IX арміями (армія Авереско), частью еще организовались подъ руководствомъ французскаго генерала Бертело и при участіи русскихъ артиллерійскихъ инструкторовъ. Реорганизація и

---

[1]) Командовали послѣдовательно генералы : Брусиловъ, Гуторъ, Корниловъ, Балуевъ, Деникинъ, Володченко.

[2]) Командовали послѣдовательно генералы : Сахаровъ и Щербачевъ.

формированіе шли весьма удовлетворительно, тѣмъ болѣе, что румынскій солдатъ представляетъ изъ себя отличный боевой матеріалъ. Я познакомился съ румынской арміей еще въ ноябрѣ 1916 года, когда съ 8-мъ армейскимъ корпусомъ былъ брошенъ въ Бузео, въ самую гущу отступавшихъ румынскихъ армій, имѣя оригинальную директиву двигаться по Бухарестскому направленію до встрѣчи съ противникомъ и затѣмъ прикрыть это направленіе, привлекая къ оборонѣ отступающія румынскія войска. Съ тѣхъ поръ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ведя бои у Бузео, Рымника, Фокшанъ, имѣя въ подчиненіи разновременно два румынскихъ корпуса или сосѣдями — армію Авереско, я достаточно хорошо познакомился съ румынскими войсками. Въ началѣ кампаніи обнаружилось полное игнорированіе румынской арміей опыта протекавшей передъ ея глазами міровой войны; легкомысленное до преступности снаряженіе и снабженіе арміи ; наличіе нѣсколькихъ хорошихъ генераловъ, изнѣженнаго, не стоявшаго на должной высотѣ корпуса офицеровъ и отличныхъ солдатъ ; наличіе порядочной артиллеріи и совсѣмъ необученной пѣхоты. Вотъ главнѣйшія свойства румынской арміи, довольно быстро потомъ пріобрѣтавшей нѣкоторую организацію, улучшавшей свое боевое снаряженіе и обученіе. Взаимоотношенія между фактическимъ русскимъ главнокомандующимъ, именовавшимся « помощникомъ », и номинальнымъ — румынскимъ королемъ — установились довольно благопріятныя. Хотя начинавшіеся эксцессы русскихъ войскъ сильно портили отношенія съ румынами, но тѣмъ не менѣе, фронтъ не внушалъ серьезныхъ опасеній.

При создавшейся общей обстановкѣ, и въ зависимости отъ условій театра, только широкое наступленіе большими силами въ направленіи Бухареста и вторженіе въ Трансильванію могло имѣть стратегическое и политическое значеніе. Но ни новыхъ силъ нельзя было двинуть въ Румынію, ни состояніе румынскихъ желѣзныхъ дорогъ не позволяло надѣяться на возможность широкихъ стратегическихъ перевозокъ и снабженія. Театръ являлся поэтому второстепеннымъ, и войска Румынскаго фронта готовились къ частной активной операціи, имѣвшей цѣлью приковать къ себѣ австро-германскія силы.

Я уже говорилъ, что питаніе всѣхъ трехъ фронтовъ, за исключеніемъ Юго-западнаго, внушало большія опасенія и не разъ приводило къ опасному расходованію войсковыхъ запасовъ. Но это обстоятельство не являлось такимъ абсолютнымъ и непредотвратимымъ, какъ въ Германіи, не обусловливалось отсутствіемъ предметовъ питанія, а зависѣло болѣе отъ внутренней экономической и продовольственной политики и транспорта — причины съ которыми можно было до нѣкоторой степени бороться.

Въ совершенно исключительномъ положеніи находился

Кавказскій фронтъ [1]). Дальность разстоянія, выработавшаяся за много лѣтъ практика извѣстной автономности кавказской администраціи и командованія, пребываніе во главѣ Кавказской арміи съ августа 1916 года великаго князя Николая Николаевича — человѣка властнаго и пользовавшагося своимъ особымъ положеніемъ въ разрѣшеніи различныхъ спорныхъ вопросовъ, возникавшихъ со Ставкой, наконецъ, совершенно своеобразныя условія театра и противника, сильно отличавшіяся отъ условій европейскаго фронта, — все это создало какую-то обособленность Кавказской арміи и неестественныя отношенія со Ставкой. Генералъ Алексѣевъ говорилъ не разъ, что, несмотря на все свое стараніе, онъ очень плохо разбирается въ кавказской обстановкѣ. Кавказъ жилъ своею жизнью, освѣдомляя центръ лишь въ той степени, въ какой считалъ нужнымъ, и въ освѣщеніи, преломленномъ сквозь призму мѣстныхъ интересовъ.

Къ веснѣ 1917 года Кавказская армія была въ тяжеломъ положеніи, не въ силу какихъ-либо стратегическихъ или боевыхъ преимуществъ противника — сама турецкая армія отнюдь не представляла серьезной угрозы,—а отъ внутренняго неустройства : совершенно бездорожный и голодный край, безъ продовольствія и фуража, до крайности затрудненный транспортъ дѣлали невыносимой самую жизнь войскъ. И если правофланговый корпусъ могъ еще довольствоваться сносно, пользуясь черноморскимъ транспортомъ, то прочіе корпуса, и въ особенности на лѣвомъ флангѣ, находились въ крайне тяжеломъ положеніи.

По условіямъ мѣстности, вьючный, малоподъемный транспортъ требовалъ огромнаго количества лошадей при полномъ отсутствіи на мѣстѣ корма ; паровыя, тепловыя и конныя желѣзныя дороги строились медленно, отчасти по недостатку желѣзнодорожныхъ матеріаловъ, отчасти потому, что таковые кавказскимъ фронтомъ были непроизводительно израсходованы на постройку Трапезундской желѣзной дороги, вслѣдствіе параллельнаго морского транспорта, не имѣвшей первостепеннаго значенія.

Словомъ, въ началѣ мая генералъ Юденичъ доносилъ, что, вслѣдствіе болѣзней и падежа лошадей, обозы приведены въ полное разстройство, нѣкоторыя батареи стоятъ на позиціяхъ незапряженными, транспортовъ выбыло до половины, потребность въ лошадяхъ до 75 тысячъ ; огромный недостатокъ въ рельсахъ, подвижномъ составѣ и фуражѣ ; изъ боевого состава пѣхоты только за половину апрѣля выбыло вслѣдствіе цынги и тифа 30 тысячъ человѣкъ, т. е. 22% и т. д. Все это заставляло

---

[1]) Командовали послѣдовательно : великій князь Николай Николаевичъ, генералы : Юденичъ и Пржевальскій.

генерала Юденича « предвидѣть необходимость вынужденнаго отхода къ источникамъ питанія : центромъ къ Эрзеруму, правымъ флангомъ — къ границѣ ».

Требованія были значительно преувеличены, но положеніе фронта дѣйствительно было серьезное. Ставка съ трудомъ удовлетворила часть нуждъ Кавказскаго фронта за счетъ другихъ, но при этомъ я не могъ не обратить вниманія главнаго кавказскаго командованія на то, что обезпеченіе желѣзнодорожными техническими средствами не зависѣло отъ Ставки, ибо заказы дѣлались ранѣе помимо нея, равно какъ созданіе и осуществленіе плана строительства ; и что укомплектованія засчетъ европейскихъ фронтовъ не будутъ даны Кавказу, который, какъ оказалось по провѣркѣ, имѣлъ въ своихъ запасныхъ частяхъ 104 тысячи человѣкъ ; но различные мѣстные комитеты парализовали власть кавказскаго командованія, не выпуская запасныхъ полковъ на фронтъ и считая ихъ « обезпеченіемъ противъ контръ-революціи ».

Исходъ, предвидѣнный генераломъ Юденичемъ, не могъ быть допущенъ, какъ по причинамъ моральнаго свойства, такъ и потому, что нашъ отходъ освобождалъ бы турецкія силы для дѣйствій противъ другихъ азіатскихъ фронтовъ. Это обстоятельство особенно безпокоило англійскаго военнаго представителя при Ставкѣ, который неоднократно отъ имени своего командованія просилъ о наступленіи лѣваго фланга нашихъ войскъ въ долинѣ рѣки Діалы для совмѣстной операціи съ англійскимъ мессопотамскимъ отрядомъ Моода противъ турецкой арміи Халилъ-Паши. Конечно, это наступленіе вызывалось больше политическими (анексіонными) соображеніями англичанъ, чѣмъ стратегическими требованіями , тѣмъ болѣе, что матеріальное положеніе нашего лѣво-фланговаго корпуса было поистинѣ бѣдственное, а къ маю на Діалѣ начиналась тропическая жара.

Въ результатѣ, Кавказскій фронтъ не могъ развить наступательной операціи, и войскамъ его предписано было только активно оборонять занятую линію, съ условнымъ наступленіемъ лѣво-флангового корпуса, въ связи съ англичанами, если послѣдніе организуютъ снабженіе корпуса продовольствіемъ.

Фактически въ серединѣ апрѣля совершенъ былъ частный отходъ на Огнотскомъ и Мушскомъ направленіяхъ, въ концѣ апрѣля началось безрезультатное продвиженіе лѣваго фланга въ долинѣ Діалы, и затѣмъ на Кавказскомъ фронтѣ установилось состояніе среднее между миромъ и войной.

Наконецъ, послѣдняя составная часть русскихъ вооруженныхъ силъ — Черноморскій флотъ... Въ маѣ и въ началѣ іюня въ немъ были уже серьезные безпорядки, приведшіе къ отставкѣ адмирала Колчака, но флотъ считался все же достаточно боеспособнымъ, чтобы выполнить свою задачу — владѣнія Чер-

нымъ моремъ, въ частности блокаду турецкаго и болгарскаго побережья и охрану морскихъ путей къ Кавказскому и Румынскому фронтамъ.

Этимъ я закончу краткій обзоръ положенія русскаго фронта, не вдаваясь излишне въ стратегическія комбинаціи : всякая наша стратегія этого періода, какова бы она ни была, разбивалась о солдатскую стихію.

Ибо отъ Петрограда до Дуная и до Діалы быстро распространялось, росло и ширилось разложеніе арміи. Трудно было въ началѣ революціи учесть степень его углубленія на разныхъ фронтахъ, трудно было предвидѣть всѣ возможности его вліянія на будущія операціи. Но уже души многихъ отравляло сомнѣніе : не напрасны ли всѣ наши соображенія, расчеты и усилія...

ГЛАВА XVII

Вопросъ о переходѣ русской арміи въ наступленіе.

И такъ, передъ нами во всей своей силѣ и остротѣ всталъ вопросъ :

— *Нужно-ли русской арміи перейти въ наступленіе?*

Временное правительство опубликовало 27 марта обращеніе « къ гражданамъ » о задачахъ войны. Среди ряда фразъ, затемнявшихъ въ угоду революціонной демократіи прямой смыслъ обращенія, Ставка не могла найти твердыхъ основаній для руководства русской арміей : « оборона во что бы то ни стало нашего собственнаго родного достоянія и избавленіе страны отъ вторгнувшагося въ наши предѣлы врага — первая насущная и жизненная задача нашихъ воиновъ, защищающихъ свободу народа... Цѣль свободной Россіи не господство надъ другими народами, не отнятіе у нихъ національнаго достоянія, не насильственный захватъ чужихъ территорій, но утвержденіе прочнаго мира на основѣ самоопредѣленія народовъ. Русскій народъ не добивается усиленія внѣшней мощи своей за счетъ другихъ народовъ... но... не допуститъ, чтобы Родина его вышла изъ великой борьбы униженной и подорванной въ жизненныхъ своихъ силахъ. Эти начала будутъ положены въ основу внѣшней политики Временнаго правительства... *при полномъ соблюденіи обязательствъ, принятыхъ въ отношеніи нашихъ союзниковъ* »...

Въ нотѣ отъ 18-го апрѣля, препровожденной министромъ иностранныхъ дѣлъ Милюковымъ союзнымъ державамъ, находимъ еще одно опредѣленіе : « всенародное стремленіе довести міровую войну до рѣшительной побѣды... усилилось благодаря сознанію общей отвѣтственности всѣхъ и каждаго. Это стремленіе стало болѣе дѣйственнымъ, будучи сосредоточено *на близкой для всѣхъ и очередной задачѣ — отразить врага, вторгнувшагося въ самые предѣлы нашей Родины* »... [1])

Конечно, все это были фразы, весьма робко, осторожно, туманно опредѣляющія задачи войны, дающія возможность любого толкованія ихъ смысла, а главное лишенныя правди-

---

[1]) Подобныя опредѣленія давали поводъ пораженческой пропагандѣ объяснять наступленіе, напримѣръ, въ направленіи на Львовъ « имперіалистическими, захватными стремленіями ».

ваго обоснованія : стремленіе къ побѣдѣ въ народѣ, въ арміи не только не усилилось, но шло значительно на убыль, какъ результатъ съ одной стороны усталости и паденія патріотизма, съ другой — чрезвычайно интенсивной работы противоестественной коалиціи, заключенной между представителями крайнихъ теченій русской революціонной демократіи и нѣмецкимъ генеральнымъ штабомъ — коалиціи, связанной невидимыми, но ясно ощущаемыми психологическими и реальными нитями. Къ этому вопросу я вернусь позднѣе. Здѣсь же отмѣчу лишь, что разрушительная работа по циммервальдовской программѣ въ пользу прекращенія войны началась задолго до революціи, исходя какъ извнѣ, такъ и извнутри.

Временное правительство, проводя для умиротворенія воинствующихъ органовъ революціонной демократіи блѣдныя, неясныя формулы въ отношеніи цѣли и задачъ войны, не стѣсняло, однако, нисколько Ставку въ выборѣ стратегическихъ способовъ для ихъ достиженія. Поэтому намъ предстояло разрѣшить вопросъ о наступленіи независимо отъ существующихъ направленій политической мысли.

Единственное, ясное, опредѣленное рѣшеніе, въ которомъ не могло быть разномыслія среди командного состава, было :

Разбить вражескія арміи въ тѣсномъ единеніи съ союзниками. Иначе страну нашу неминуемо постигнетъ крушеніе.

Но такое рѣшеніе требовало широкаго наступленія, безъ котораго не только немыслимо было одержать побѣду, но и затягивалась безконечно разорительная война. Отвѣтственные органы демократіи, въ большинствѣ своемъ исповѣдуя пораженческіе взгляды, старались повліять соотвѣтственно на массы. Отъ этихъ взглядовъ не были вполнѣ свободны даже и умѣренные соціалистическіе круги. Въ солдатской средѣ идеологія циммервальдовской формулы не воспринималась вовсе, но за то сама формула давала извѣстное оправданіе чувству самосохраненія или попросту — шкурничеству. И потому идея наступленія не могла быть особенно популярной въ арміи. Развалъ въ войскахъ ширился все болѣе, и терялась увѣренность не только въ упорствѣ наступленія, но даже и въ томъ, будетъ ли исполненъ приказъ — удастся ли сдвинуть армію съ мѣста... Огромный русскій фронтъ держался еще прочно... по инерціи, импонируя врагамъ, не знавшимъ, также какъ и мы, размѣровъ сохранившейся потенціальной силы его. Что, если наступленіе вскроетъ наше безсиліе?

Таковы были мотивы противъ наступленія. Но слишкомъ много болѣе вѣскихъ причинъ повелительно требовали иного рѣшенія. Центральныя державы дошли до полнаго истощенія своихъ людскихъ, матеріальныхъ и моральныхъ силъ. Если осенью 1916 года наступленіе наше, не увѣнчавшееся рѣшительнымъ стретегическимъ успѣхомъ, поставило враждебныя арміи

въ критическое положеніе, то что было бы теперь, когда силы и техника наши возросли, соотношеніе ихъ измѣнилось значительно въ нашу пользу, а союзники къ веснѣ 1917 года заносили громовой ударъ надъ головою враговъ. Нѣмцы съ болѣзненнымъ страхомъ ожидали этого удара и, съ цѣлью выйти изъ подъ него, еще въ началѣ марта отвели свой стоверстный фронтъ между Арассомъ и Суасономъ вглубь, верстъ на 30, на такъ называемую линію Гинденбурга, подвергнувъ невѣроятному и ничѣмъ не оправдываемому опустошенію оставленную территорію. Этотъ отходъ былъ знаменателенъ, какъ явный показатель слабости нашихъ враговъ, и сулилъ большія надежды на будущее... Мы *не могли* не наступать : при полномъ развалѣ контръ-развѣдывательной службы, вызванномъ подозрительностью революціонной демократіи, разгромившей органы ея, смѣшавъ по недомыслію ихъ функціи съ кругомъ вѣдѣнія ненавистныхъ сыскныхъ отдѣленій ; при установившейся связи между многими представителями Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и агентами Германіи ; при болѣе чѣмъ легкомъ общеніи между фронтами и облегченномъ до нельзя шпіонажѣ — наше рѣшеніе не наступать стало бы несомнѣнно извѣстнымъ противнику, который немедленно началъ бы переброску своихъ силъ на западъ. Это было бы равносильно прямому предательству въ отношеніи союзныхъ народовъ, несомнѣнно приводившему, если не къ офиціальному, то къ фактическому состоянію сепаратнаго мира со всѣми его послѣдствіями. Настроеніе революціонныхъ круговъ Петрограда въ этомъ вопросѣ казалось, однако, настолько колеблющимся, что въ Ставкѣ создалась вначалѣ совершенно необоснованная подозрительность даже въ отношеніи Временнаго правительства. На этой почвѣ произошелъ небольшой инцидентъ. Въ концѣ апрѣля, во время отъѣзда Верховнаго, начальникъ дипломатической канцеляріи доложилъ мнѣ, что среди иностранныхъ военныхъ представителей царитъ большое возбужденіе : только что получена изъ Петрограда телеграмма итальянскаго посла, въ которой онъ категорически увѣряетъ, что Временное правительство пришло къ рѣшенію заключить сепаратный миръ съ центральными державами. Когда фактъ полученія такой телеграммы былъ установленъ, я, не зная тогда, что итальянское представительство по свойственной его членамъ экспансивности не разъ уже являлось источникомъ ошибочныхъ свѣдѣній, послалъ военному министру телеграмму, въ весьма горячихъ выраженіяхъ, оканчивавшуюся словами : « презрѣніемъ заклеймитъ потомство то дряблое, безсильное, безвольное поколѣніе, котораго хватило на то, чтобы свергнуть подгнившій строй, но не хватаетъ на то, чтобы уберечь честь, достоинство и само бытіе Россіи ». Вышелъ конфузъ : свѣдѣніе было ложнымъ, правительство, конечно, не помышляло о сепаратномъ мирѣ.

Иностранные военные представители въ Ставкѣ.

Стр. 178.

Позднѣе, 16 іюля въ историческомъ совѣщаніи въ Ставкѣ (главнокомандующихъ съ членами правительства), мнѣ еще разъ пришлось высказать свой взглядъ по этому вопросу :

« ... Есть другой путь — предательство. Онъ далъ бы временное облегченіе истерзанной странѣ нашей... Но проклятіе предательства не дастъ счастья. Въ концѣ этого пути — политическое, моральное и экономическое рабство ».

Я знаю, что въ нѣкоторыхъ русскихъ кругахъ такое прямолинейное исповѣдываніе моральныхъ принциповъ въ политикѣ впослѣдствіи встрѣчало осужденіе : тамъ говорили, что подобный идеализмъ неумѣстенъ и вреденъ, что интересы Россіи должны быть поставлены превыше всякой « условной политической морали »... Но вѣдь народъ живетъ не годами, а столѣтіями ; я увѣренъ, что перемѣна тогдашняго курса внѣшней политики существенно не измѣнила бы крестный путь русскаго народа, что кровавая игра перемѣшанными картами продолжалась бы, но уже за его счетъ... Да и психологія русскихъ военныхъ вождей не допускала такихъ сдѣлокъ съ совѣстью : Алексѣевъ и Корниловъ, всѣми брошенные, никѣмъ не поддержанные, долго шли по старому пути, все еще вѣря и надѣясь на благородство или, по крайней мѣрѣ, здравый смыслъ союзниковъ, предпочитая быть преданными, чѣмъ самимъ предать.

Донъ-Кихотство? Можетъ быть. Но другую политику надо было дѣлать другими руками... менѣе чистыми. Что касается лично меня, то три года спустя, переживъ всѣ иллюзіи, испытавъ тяжкіе удары судьбы, упершись въ глухую стѣну неприкрытаго слѣпого эгоизма « дружественныхъ » правительствъ, свободный поэтому отъ всякихъ обязательствъ къ союзникамъ, почти наканунѣ полнаго предательства ими истинной Россіи, я остался убѣжденнымъ сторонникомъ *честной политики*. Только роли перемѣнились: теперь уже мнѣ пришлось убѣждать парламентскихъ дѣятелей Англіи [1]), что « здоровая національная политика не можетъ быть свободна отъ всякихъ моральныхъ началъ, что совершается явное преступленіе, ибо иначе нельзя назвать оставленіе вооруженныхъ силъ Крыма, прекращеніе борьбы противъ большевизма, введеніе его въ семью культурныхъ народовъ и хотя бы косвенное признаніе его ; что это продлитъ немного дни большевизма въ Россіи, но распахнетъ ему широко двери въ Европу »... Я вѣрю глубоко, что историческая Немезида не проститъ *имъ*, какъ не простила бы тогда намъ.

Начало 1917 года было временемъ катастрофическимъ для центральныхъ державъ и рѣшительнымъ для Согласія. Вопросъ о русскомъ наступленіи чрезвычайно волновалъ союзное командованіе. Военные представители Англіи (генералъ Бартеръ) и

---

[1]) Конецъ апрѣля 1920 года.

Франціи (генералъ Жаненъ) часто бывали у Верховнаго главнокомандующаго и у меня, интересуясь положеніемъ вопроса. Но заявленія нѣмецкой печати о производимомъ союзниками давленіи или даже ультимативныхъ требованіяхъ въ отношеніи Ставки невѣрны : это было бы просто ненужно, такъ какъ и Жаненъ, и Бартеръ понимали обстановку и знали, что задержкой и препятствіемъ къ переходу въ наступленіе служитъ только состояніе арміи.

Они старались ускорить и усилить техническую помощь, въ то время какъ ихъ болѣе экспансивные сотрудники — Тома, Гендерсонъ и Вандервельде — лидеры соціалистическихъ партій запада, пытались безнадежно горячимъ словомъ зажечь искру патріотизма среди представителей русской революціонной демократіи и войскъ.

Наконецъ, Ставка учитывала еще одно обстоятельство : въ пассивномъ состояніи, лишенная импульса и побудительныхъ причинъ къ боевой работѣ, русская армія несомнѣнно и быстро догнила бы окончательно, въ то время какъ наступленіе, сопровождаемое удачей, могло бы поднять и оздоровить настроеніе, если не взрывомъ патріотизма, то пьянящимъ, увлекающимъ чувствомъ большой побѣды. Это чувство могло разрушить всѣ интернаціональныя догмы, посѣянныя врагомъ на благодарной почвѣ пораженческихъ настроеній соціалистическихъ партій. Побѣда давала миръ внѣшній и нѣкоторую возможность внутренняго. Пораженіе открывало передъ государствомъ бездонную пропасть. Рискъ былъ неизбѣженъ и оправдывался цѣлью — спасенія Родины.

Верховный главнокомандующій, я и генералъ-квартирмейстеръ (Юзефовичъ) совершенно единомышленно считали необходимымъ *наступленіе*. Старшій командный составъ принципіально раздѣлялъ этотъ взглядъ. Колебанія, и довольно большія при этомъ, на разныхъ фронтахъ были лишь въ опредѣленіи степени боеспособности войскъ и ихъ готовности.

Я утверждаю убѣжденно, что *одно это рѣшеніе*, даже не зависимо отъ приведенія его въ исполненіе, оказало союзникамъ несомнѣнную пользу, удерживая силы, средства и вниманіе враговъ на русскомъ фронтѣ ; этотъ фронтъ, потерявъ свою былую грозную мощь, все же оставался для враговъ неразгаданнымъ сфинксомъ.

Любопытно, что въ то-же самое время въ главной квартирѣ Гинденбурга разрѣшался тождественный вопросъ. « Общее положеніе въ апрѣлѣ, маѣ до іюня — говоритъ Людендорфъ — недавало возможности открыть серьезныя дѣйствія на восточномъ фронтѣ ». Но позже... « по этому поводу въ главной квартирѣ были большіе споры. Быстрое наступленіе на восточномъ фронтѣ съ тѣми войсками, которыя были въ распоряженіи главнокомандующаго этого фронта, подкрѣпленными нѣсколькими диви-

зіями съ запада — не лучше ли это рѣшеніе, чѣмъ ожиданіе? Это былъ наиболѣе подходящій моментъ, говорили нѣкоторые, разбить русскую армію, когда боевая цѣнность ея уменьшилась. Я не согласился, не взирая на улучшеніе положенія на западѣ. Я не хотѣлъ дѣлать ничего, что, казалось, могло разрушить реальную возможность мира»...

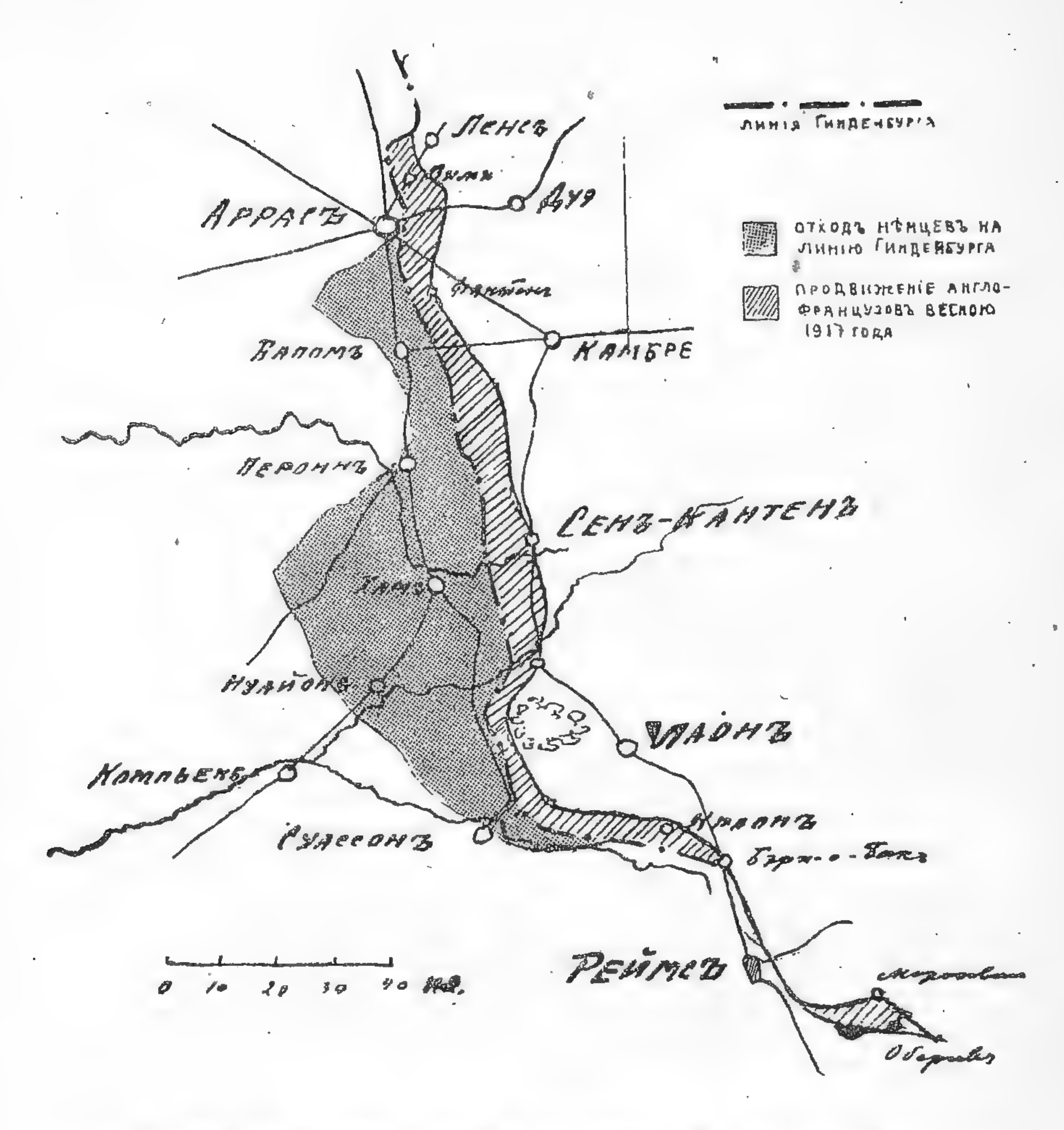
Конечно — мира сепаратнаго. Какого — мы узнали позднѣе, послѣ Брестъ-Литовска...

Арміямъ отдана была директива о наступленіи. Общая идея его сводилась къ прорыву непріятельскихъ позицій на подготовленныхъ участкахъ всѣхъ европейскихъ фронтовъ, къ широкому наступленію большими силами Юго-западнаго фронта въ общемъ направленіи отъ Каменецъ-Подольска на Львовъ и далѣе къ линіи Вислы, въ то время какъ ударная группа Западнаго фронта должна была наступать отъ Молодечно на Вильно и къ Нѣману, отбрасывая къ сѣверу нѣмецкія арміи Эйхгорна. Сѣверный и Румынскій фронты содѣйствовали частными ударами, привлекая къ себѣ силы противника.

Время для наступленія было назначено предположительно, въ широкихъ предѣлахъ. Но дни шли, а войска, ранѣе управлявшіяся приказами и безропотно выполнявшія самыя тяжелыя задачи — тѣ самыя войска, которыя своею грудью, безъ патроновъ, безъ снарядовъ сдерживали нѣкогда стихійное наступленіе австро-германскихъ массъ, — теперь стояли съ парализованной волей и помутнѣвшимъ разумомъ. Начало все откладывалось.

* * *

Между тѣмъ, союзники, подготовившіе къ веснѣ широкую операцію, учитывая значительное усиленіе враговъ на западномъ фронтѣ въ случаѣ полнаго развала русской арміи, начали великое сраженіе во Франціи, какъ было обусловлено планомъ кампаніи, въ концѣ марта, *не дожидаясь* окончательнаго рѣшенія вопроса о нашемъ наступленіи. Впрочемъ, одновременность дѣйствій не считалась союзными главными квартирами необходимымъ условіемъ предстоящей операціи и раньше, до потрясенія русской арміи. Наше наступленіе, въ силу особенныхъ физическихъ и климатическихъ условій театра, предусматривалось не ранѣе мая. Между тѣмъ, генералъ Жофръ, согласно общему плану кампаніи 1917 года, выработанному 2 ноября 1916 г. на конференціи въ Шантильи, намѣтилъ началомъ наступленія англо-французскихъ армій конецъ января и первыя числа февраля; смѣнившій его генералъ Нивелль, послѣ конференціи 14 февраля 1917 г. въ Кале, перенесъ начало наступленія на конецъ марта.

27 марта начались атаки англичанъ у Арраса, на фронтѣ около 20 верстъ. Подготовленный небывалой силы артиллерійскимъ огнемъ [1]) прорывъ нѣмецкихъ позицій принялъ угрожающіе для нѣмцевъ размѣры. Съ обѣихъ сторонъ были введены огромныя силы. Сраженіе, то замирая, то вновь вспыхивая, длилось весь апрѣль. Англичане проникли въ глубь непрія-

---

[1]) 3 тысячи нѣмецкихъ орудій были противопоставлены 4 тысячамъ англійскихъ, выпустившихъ въ первые семь дней атаки 9-10 милліоновъ снарядовъ.

тельскихъ позицій верстъ на 6, занявъ линію Ленсъ-Фонтэнъ, такъ называемый хребетъ Вими, представлявшій весьма важный и сильно укрѣпленный рубежъ.

Сраженіе это потребовало отъ нѣмцевъ огромнаго напряженія и большихъ потерь, поглотило резервы и запасы. А въ то-же время (2 апрѣля) на широкомъ фронтѣ — Суассонъ-Реймсъ-Оберивъ началась большая операція французовъ, ознаменовавшаяся вначалѣ также большимъ успѣхомъ и вызвавшая оставленіе нѣмцами, понесшими громадныя потери, своихъ сильныхъ позицій.

Этотъ комбинированный ударъ, направленный концентрически отъ Арраса на Дуэ и отъ Реймса на Шарлевиль, обѣщалъ рѣшительные результаты. Битва народовъ, которая должна была рѣшать судьбы ихъ, протекала съ огромными жертвами, нося поистинѣ истребительный характеръ. Но вскорѣ въ темпѣ грандіозной борьбы наступило какое то замедленіе и равновѣсіе. Введеніе въ дѣло всѣхъ нѣмецкихъ резервовъ, ихъ систематическія и упорныя контръ-атаки пріостановили движеніе союзниковъ. Его не оживило ни начавшееся удачно 2 мая итальянское наступленіе на Изонцо, ни успѣшныя атаки англичанъ, въ концѣ мая, въ Бельгіи.

На разныхъ участкахъ западнаго фронта шли еще кровавые бои, но уже не оставалось никакого сомнѣнія, что рѣшительная весенняя операція союзниковъ, на которую возлагалось столько надеждъ, отъ которой ожидали конца страданіямъ народовъ, окончена, не оправдавъ надеждъ.

Обѣ стороны сочли себя побѣдительницами и обѣ были обезкровлены.

Стратегическое положеніе не измѣнилось. Большой тактическій успѣхъ союзниковъ несомнѣненъ. Нѣмцы понесли весьма тяжкія потери: за періодъ съ 1 апрѣля по середину іюня общія потери ихъ составили свыше 250 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ плѣнными 64.500. Англо-французамъ досталось 509 орудій, 1.318 пулеметовъ и много другой военной добычи. Моральное состояніе нѣмцевъ пало еще болѣе отъ сознанія явнаго превосходства техники союзниковъ; благодаря истощенію нѣмецкихъ запасовъ и резервовъ, къ англо-французамъ перешла иниціатива на всемъ европейскомъ фронтѣ войны. Таковы были блестящіе, но далеко не рѣшительные результаты весенняго наступленія.

Къ концу апрѣля офиціозная пресса союзниковъ, вдохновленная главными штабами, предостерегала уже народъ отъ увлеченій, иллюзій и надеждъ на скорую побѣду и приглашала ждать терпѣливо прибытія свѣжихъ британскихъ и американскихъ силъ... Въ то-же время въ англо-французской печати начали подыматься нетерпѣливые голоса въ пользу скорѣйшаго наступленія русской арміи.

Несогласованность операцій западнаго и восточнаго европейскихъ фронтовъ давала свои горькіе плоды. Трудно рѣшить, могли ли союзники отсрочить свое весеннее наступленіе на два мѣсяца, и поскольку выгода комбинированной съ русскимъ фронтомъ операціи компенсировала-бы предоставленіе Германіи лишняго времени для усиленія, устройства силъ и пополненія запасовъ. Одно несомнѣнно, что отсутствіе этой связи во времени доставило нѣмцамъ огромное облегченіе. « Я врагъ безполезныхъ соображеній, — говоритъ Людендорфъ — но я не могу отказаться подумать, что было бы, если бы Россія наступала въ апрѣлѣ и маѣ и одержала рядъ небольшихъ успѣховъ. Намъ предстояла-бы тогда, какъ и осенью 1916 г., очень тяжелая борьба. Наши боевые припасы уменьшились-бы въ угрожающей степени. По зрѣломъ размышленіи, если перенести на апрѣль-май (даже тѣ) успѣхи, которые были одержаны русскими въ іюнѣ, я не вижу, какимъ образомъ высшее командованіе могло бы остаться хозяиномъ положенія. Въ апрѣлѣ и маѣ 1917 г., несмотря на нашу побѣду (?) на Энѣ и въ Шампани, насъ спасла только русская революція »...

***

Помимо общаго наступленія на австро-германскомъ фронтѣ, въ апрѣлѣ возникъ еще одинъ не лишенный интереса вопросъ — *самостоятельная операція по овладѣнію Константинополемъ*. Министръ иностранныхъ дѣлъ Милюковъ, вдохновленный молодыми пылкими моряками, велъ многократно переговоры съ генераломъ Алексѣевымъ, убѣждая его предпринять эту операцію, которая, по его мнѣнію, могла увѣнчаться успѣхомъ и поставить протестующую противъ аннексій революціонную демократію передъ совершившимся фактомъ.

Ставка отнеслась совершенно отрицательно къ этой затѣѣ, такъ не соотвѣтствовавшей состоянію нашихъ войскъ : десантная операція — чрезвычайно деликатная сама по себѣ — требовала большой дисциплины, подготовки, порядка, а главное, высокаго сознанія долга десантными войсковыми частями, которыя временно становились совершенно оторванными отъ всякой связи со своей арміей. Море въ тылу — это обстоятельство угнетающе дѣйствуетъ и на сильныя духомъ части.

Этихъ элементовъ въ русской арміи уже не было.

Просьбы министра становились, однако, такъ настойчивы, что генералъ Алексѣевъ счелъ себя вынужденнымъ дать ему показательный урокъ : предположена была экспедиція въ небольшихъ размѣрахъ къ малоазіатскому берегу Турціи, кажется, въ Зунгулдакъ. Операція эта, не имѣвшая особенно серьезнаго значенія, потребовала сформированія отряда въ составѣ полка пѣхоты, броневого дивизіона и небольшой конной

части и возложена была на Румынскій фронтъ. Прошло нѣкоторое время, и сконфуженный штабъ фронта отвѣтилъ, что сформировать отрядъ не удалось, такъ какъ войска... не желаютъ идти въ десантъ...

Этотъ эпизодъ, вызванный прямолинейно понятой идеей « безъ анексій », извращавшей всѣ начала стратегіи, а можетъ быть и просто шкурничествомъ, служилъ еще однимъ плохимъ предзнаменованіемъ для предстоящаго общаго наступленія.

Оно, между тѣмъ, готовилось въ мукахъ и страданіяхъ. Русскій заржавѣвшій, зазубренный мечъ все еще раскачивался, и неизвѣстно было только, когда раскачается окончательно и по чьимъ головамъ ударитъ...

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА
ПЕРВАГО ВЫПУСКА.

IMP. UNION, PARIS
46, BD ST-JACQUES

